

ЖУРНАЛ 2023

'2(105)

ISSN 2072-0513 (print)
ISSN 2072-0521 (online)

МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Главный редактор:
Андрей Владимирович
Селиванов

Редакционный совет:
Алексей Данильченко
(председатель)
Сергей Балашенко
Елена Давыденко
Елена Довгань
Елена Достанко
Руслан Есин
Пауль Калиниченко
Людмила Павлова
Анатолий Розанов
Андрей Русакович
Олег Старовойтов
Александр Шарапов
Наталья Юрова

**Редактор английского
текста:**
Полина Чернопинская

Художник:
Василий Гоголушко

Корректор:
Елена Мельникова

Юридический адрес:
Беларусь, 220004, Минск,
ул. Короля, 3, пом. 8
Почтовый адрес:
Беларусь, 220050, Минск, а/я 245
Международное общественное
объединение по научно-исследо-
вательским и информационно-
образовательным программам
«Развитие»
тел.: +375 17 209 57 40,
+375 29 659 61 85
e-mail:
beljournal@evolutio.info
http://www.beljournal.evolutio.info/

Издание зарегистрировано
в Министерстве информации
Республики Беларусь.
Свидетельство № 804
от 27 ноября 2009 г.

НАХОДИТЕ НАС:

Учредитель и издатель:
 Международное обще-
ственное объединение
по научно-исследова-
тельским и информаци-
онно-образовательным
программам «Развитие»

международное право

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Влияние односторонних санкций на реализа-
цию положений Конвенции о правах инвалидов ..... *Е. Ф. Довгань* **3**

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Морально-политические обязательства госу-
дарств в сфере обеспечения информационной
безопасности ..... *Н. О. Мороз* **1 0**

МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Нормативные правовые предпосылки крими-
нализации реабилитации нацизма: междуна-
родно-правовой аспект ..... *Т. И. Андрушко* **1 7**

международные отношения

Африканский вектор деятельности Управления
Верховного комиссара ООН по делам бежен-
цев в начале 1980-х гг. .... *А. В. Селиванов* **2 2**

Проблема границ в советско-польских отноше-
ниях в период Второй мировой войны ..... *В. В. Барабаш* **2 8**

Основные результаты и перспективы китайско-
российского сотрудничества в Арктическом ре-
гионе в оценках российских и китайских ученых
в русскоязычной литературе ..... *Ло Сюань* **3 5**

Участие Китая в восстановлении Афганистана
в 2001—2014 гг. .... *Ван Ифун* **4 2**

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Исследование роли БССР в Организации Объ-
единенных Наций ..... *А. В. Селиванов,
М. В. Стрелец* **5 1**

международные экономические отношения

Экономическое сотрудничество между Китаем
и Беларусью: состояние и перспективы разви-
тия (опыт Китайско-Белорусского индустриаль-
ного парка «Великий камень») ..... *Ху Минцзюнь,
И. В. Устинович* **5 6**

IN THIS ISSUE

Editor-in-chief:
Andrey Selivanov

Editing Board:
Alexey Danilchenko
(chairman)
Sergey Balashenko
Alena Dastanka
Elena Davydenko
Alena Douhan
Ruslan Esin
Paul Kalinichenko
Ludmila Pavlova
Anatoly Rozanov
Andrei Rusakovich
Oleg Starovoitov
Alexandr Sharapo
Natalia Yurova

English Text Editor:
Polina Chernopinskaya

Art Editor:
Vasily Gogolushko

Corrector:
Elena Melnikova

International Non-governmental
Association for Scientific Research,
Information and Educational
Programmes «Evolutio»
Legal address:
3, Korolya str., room 8,
Minsk, 220004, Belarus
Postal address:
PO Box 245,
Minsk, 220050, Belarus
tel.: +375 17 209 57 40,
+375 29 659 61 85
e-mail:
beljournal@evolutio.info
<http://www.beljournal.evolutio.info/>

The journal is licenced by the
Ministry of Information
of the Republic of Belarus.
Certificate N 804
27 November 2009

FIND US:

The founder and publisher:
 International Non-governmental
Association for Scientific Research, Infor-
mation and Educational
Programmes «Evolutio»

INTERNATIONAL LAW

HUMAN RIGHTS

The Impact of Unilateral Sanctions on the Imple-
mentation of Convention on the Rights of Persons
with Disabilities ..... *Alena Douhan* **3**

INTERNATIONAL SECURITY LAW

Moral and Political Obligations of States in the
Field of Ensuring Information Security ..... *Nataliya Maroz* **1** 0

INTERNATIONAL CRIMINAL LAW

Regulatory Prerequisites for the Criminalisation of
the Rehabilitation of Nazism: International Legal
Aspect ..... *Tatiana Andrushko* **1** 7

INTERNATIONAL RELATIONS

The African Direction of the United Nations High
Commissioner for Refugees in the Early 1980s ..... *Andrey Selivanov* **2** 2

The Problem of Borders in Soviet-Polish Relations
during World War II ..... *Vitaly Barabash* **2** 8

Main Results and Prospects of Sino-Russian
Cooperation in the Arctic Region as Evaluated
by Russian and Chinese Scientists in Russian-
Language Literature ..... *Luo Xuan* **3** 5

China's Participation in Afghanistan's Reconstruc-
tion in 2001—2014 ..... *Wang Yifu* **4** 2

BOOKSHELF

Study of the Role of the BSSR in the United
Nations..... *Andrey Selivanov,
Mikhail Strelets* **5** 1

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Economic Cooperation between China and
Belarus: Status and Development Prospects
(Experience of the Great Stone China-Belarus
Industrial Park) ..... *Hu Mingjun,
Irina Ustsinovich* **5** 6

ВЛИЯНИЕ ОДНОСТОРОННИХ САНКЦИЙ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПОЛОЖЕНИЙ КОНВЕНЦИИ О ПРАВАХ ИНВАЛИДОВ

Елена Довгань

Статья посвящена оценке влияния введения односторонних санкций государств и региональных организаций без одобрения Совета Безопасности ООН, а также политики нулевого риска (овер-комплаенс) частных субъектов на реализацию прав инвалидов и способность государств обеспечивать на национальном уровне реализацию Конвенции о правах инвалидов 2006 г. Разработаны предложения по совершенствованию международных механизмов контроля за соблюдением положений Конвенции, включая оценку односторонних санкций в качестве препятствия реализации положений Конвенции в процессе рассмотрения Комитетом по правам инвалидов отчетов государств, обновление замечаний общего порядка, внесение правовых проблем на рассмотрение Всемирной организации здравоохранения.

Ключевые слова: Конвенция о правах инвалидов; овер-комплаенс; односторонние санкции; права инвалидов; реализация положений Конвенции.

«The Impact of Unilateral Sanctions on the Implementation of Convention on the Rights of Persons with Disabilities» (Alena Douhan)

The article focuses on the assessment of the impact of unilateral sanctions of states and regional organisations without authorisation of the UN Security Council along with the zero-risk policy (over-compliance) by private actors to the fulfilment of rights of the people with disabilities, and the capacity of states to implement provisions of the Convention on the rights of persons with disabilities at the national levels. The article also makes some recommendations on the improvement of the international monitoring mechanisms over the implementation of the Convention including the need to assess unilateral sanctions as the impediment to implement provisions of the Convention during the process of assessment of reports submitted by states, review of the relevant General comments by the Committee on the Rights of Persons with Disabilities; consideration of legal and humanitarian aspects of the problem for discussion at the level of the World Health Organisation.

Keywords: Convention on the rights of persons with disabilities; implementation of the Convention; over-compliance; rights of persons with disabilities; unilateral sanctions.

Применяемые государствами и региональными организациями односторонние санкции и овер-комплаенс банков и частных субъектов с санкционными режимами значительным образом затрагивают возможности государств по реализации международных обязательств, в том числе в части имплементации международных договоров, направленных на защиту прав инвалидов.

Вопросы статуса инвалидов и влияния односторонних санкций на реализацию их прав, а также на возможность государств обеспечивать имплементацию положений Конвенции о правах инвалидов 2006 г. (далее — Конвенция) [4] практически не затрагиваются в правовой литературе и деятельности международных организаций. Основное внимание фокусируется на проблемах применения, статусе и эф-

фективности односторонних первичных и вторичных санкций. Гуманитарное воздействие санкций обычно проводится в отношении конкретных прав человека [9, р. 96—97, 100—101; 12; 16; 37], прав человека в конкретном государстве [21] либо в части влияния конкретных видов санкций [31, р. 366—457].

В целом государства несут основную ответственность по реализации международных обязательств по участию в международных договорах, включая Конвенцию. В свете того, что инвалиды являются одной из наиболее уязвимых категорий населения (по данным ООН, лица с инвалидностью составляют около 10 % населения [7], в Республике Беларусь, по данным Министерства труда и социальной защиты, — около 6 % населения [6, с. 4]) и при этом признается негативное гуманитарное воздей-

Автор:

Довгань Елена Фёдоровна — доктор юридических наук, профессор кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: alena.f.douhan@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Douhan Alena — Doctor of Law, Professor of the Department of International Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: alena.f.douhan@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

ствие односторонних санкций и овер-комплаенса частных субъектов с такими санкциями на население в целом, исследование гуманитарного воздействия односторонних санкций на реализацию государствами обязательств, вытекающих из признания обязательной для себя Конвенции, является, несомненно, актуальным.

Конвенция относит к инвалидам лиц «с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими» (ст. 1) [4].

Конвенция закрепляет широкий перечень обязанностей государств, направленных на обеспечение прав инвалидов без какой бы то ни было дискриминации. Поскольку в Конвенции не ставится цель раскрыть всю совокупность прав инвалидов, остановимся на основных направлениях, которые больше всего затрагиваются применением односторонних санкций и овер-комплаенса, а именно: обеспечение инвалидам доступа наравне с другими к физическому окружению, транспорту, информации и связи, включая информационно-коммуникационные технологии и системы (ст. 9), свобода от пыток и жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (ст. 15), самостоятельный образ жизни и вовлеченность в местное сообщество (ст. 19), индивидуальная мобильность (ст. 20), образование (ст. 24), здоровье, абилитация и реабилитация (ст.ст. 25, 26), труд и занятость (ст. 27), достаточный жизненный уровень и социальная защита (ст. 28) [4]. В Республике Беларусь в целях имплементации положений Конвенции принят Закон о правах инвалидов и их социальной интеграции [5].

Практика показывает, что односторонние санкции и овер-комплаенс со стороны частных субъектов (принятие частными акторами мер, непосредственно не предусматриваемых санкционными режимами в связи с их неопределенностью, множественностью и пересечением, из опасения попасть под вторичные санкции либо под уголовное или гражданское преследование со стороны вводящих санкции государств) затрагивают практически все сферы, в которых государства обязаны принять меры по обеспечению прав инвалидов.

На практике введение односторонних санкций и овер-комплаенс затрагивает все население государств, находящихся под санкциями. Так, санкции против государств, секторов экономики, торговые и финансовые санкции, особенно в части торговли товарами, критичными для экономики страны, например нефтью и нефтепродуктами, минеральными ресурсами, золотом, древесиной и др., подрывают экономику государств в целом, лишая их доходов, необходимых для адекватного функциони-

рования государственных институтов, влекут гиперинфляцию и создают либо усугубляют экономический кризис, рост уровня безработицы, снижение ресурсов для обеспечения программ социального обеспечения, подрывают продовольственную безопасность ([36, para. 10, 13—14]; Куба, Венесуэла [36, para. 11]; Иран [36, para. 15]). Санкции против физических лиц и компаний зачастую затрагивают экономические права сотрудников, а иногда и целых отраслей, поскольку обычно целевые санкции вводятся против крупных предприятий либо глав министерств по должности [36, para. 20—45].

В частности, санкции против Венесуэлы, Сирии, Зимбабве и Ирана привели к сокращению доходов государств, отсутствию ресурсов для поддержания базовой инфраструктуры, что повлекло нехватку и нестабильность поставок воды, электричества, топлива, ограничение доступа к сети Интернет, невозможность поддержания работы и восстановления госпиталей, школ, водонапорных станций и станций подачи электричества, железных и автомобильных дорог, общественного транспорта, закупок медикаментов и медицинского оборудования, миграцию квалифицированных кадров, рост уровня нищеты [28; 34; 44; 45, para. 7—13]. Все это затрагивает права на жизнь, свободу передвижения, образование, наивысший достижимый уровень здоровья, питание, доступ к чистой питьевой воде и санитарии, свободу выражения мнения и развитие населения в целом, препятствуя тем самым достижению целей устойчивого развития [2; 3].

В сфере здравоохранения отмечаются сложности с проведением платежей, что препятствует закупке, оплате и доставке медицинских препаратов, запасных частей и медикаментов, сырьевых материалов, реагентов, программного обеспечения, оборудования, необходимого для людей с инвалидностью: коляски, слуховые аппараты и ряд иных (весь спектр государств под санкциями [20, p. 198]), нехватка медицинского персонала (Венесуэла [26, para. 50]), топлива, электричества, продуктов питания, питьевой воды (Венесуэла [17; 26], Сирия [26; 32]), проблемы с транспортировкой в медицинские учреждения, повышением квалификации медицинского персонала и проведением исследований [1].

Очевидно, что Конвенция делает упор на недискриминацию и предоставление инвалидам не меньших возможностей в области здравоохранения либо образования по сравнению с другими лицами (ст.ст. 24—26). Однако в связи с тем, что инвалиды нуждаются в большем объеме социальной помощи, постоянном медицинском лечении и медикаментах, они оказываются более уязвимыми при введении односторонних санкций как в части доступа к медикаментам и медицинской помощи, так и в повседневной жизни. Так, отмечаются про-

блемы с доступностью и серьезный рост цен (в 5–10 раз) на оборудование, необходимое для людей с инвалидностью: коляски, слуховые аппараты и ряд иных (Венесуэла, Иран, Сирия, Зимбабве); проведением серьезных операций (в Венесуэле отсутствие возможности закупки оборудования для детского кардиоцентра, проведения трансплантаций за рубежом [44, para. 46–47]); закупкой сканеров для компьютерных томографов, иного оборудования (Сирия [28]); закупкой и поставкой медикаментов для лечения буллезного эпидермолиза, талассемии, аутизма, гемофилии, ВИЧ/СПИД, отдельных видов онкологических заболеваний, диабета и ряда иных, несмотря на формальное наличие гуманитарных изъятий (Сирия, Иран [19; 22; 25; 28; 34, para. 28]), которые на практике оказываются нереализуемыми в связи с невозможностью проведения банковских переводов и доставки даже при их осуществлении под эгидой международных организаций.

Негативное влияние односторонних санкций на доступ к медицинскому оборудованию и медикаментам, снижение зарплат и рост уровня безработицы вследствие ухудшения экономического положения в связи с санкциями, увеличение времени поставок сырья для медикаментов и ухудшение его качества, препятствия в поставках вакцин, невозможность поставок оборудования для реабилитации, инвалидных кресел, товаров для реабилитации, одежды для лиц с инвалидностью, резкий рост стоимости ортопедического оборудования отмечаются и в отчетах неправительственных гуманитарных организаций [33; 35]. Таким образом, обеспечение права на здоровье, абилитацию и реабилитацию инвалидов серьезным образом затрагивается введением односторонних санкций и овер-комплаенса, во-многом представляя собой обстоятельство вне контроля стороны.

Права на занятость, достойный образ жизни и социальную защиту (ст.ст. 27, 28 Конвенции) также значительным образом затрагиваются введением односторонних санкций. Односторонние экономические, финансовые и секторальные санкции, а также овер-комплаенс влекут либо усугубляют экономический кризис и гиперинфляцию (Венесуэла, Иран, Зимбабве, Сирия), препятствуют получению государством доходов от экспорта товаров, что приводит к снижению объема ресурсов, которые могут быть использованы на социальную поддержку инвалидов, выплату пособий, обеспечение доступа к рабочим местам с дружелюбной рабочей средой, включая введение квот для инвалидов [14, p. 8]. Ситуация осложняется еще и тем, что введение односторонних санкций затрагивает инфраструктуру государств, включая транспорт, препятствуя возможности добираться до рабочих мест и больниц даже здоровым лицам (Венесуэла, Зимбабве, Сирия) [28; 34, para. 44–45; 44,

para. 65, 99; 45, para. 49], тем более, что отчеты многих гуманитарных организаций указывают на резкий рост стоимости и недоступность колясок для инвалидов (Венесуэла, Зимбабве, Иран, Сирия) [28; 34, para. 65; 44, para. 27, 92; 45, para. 60]. Затрудняется даже возможность выполнения инвалидами надомной работы, поскольку зачастую в государствах под санкциями снижается доступ к электричеству и воде либо коммуникациям, тем самым препятствуя осуществлению целого ряда видов надомной деятельности. Таким образом, помимо статей 27, 28, введение односторонних санкций препятствует положениям статьи 9 Конвенции.

Согласно статье 19 Конвенции вовлеченность в местное сообщество означает создание дополнительных ресурсов, которые позволяют инвалидам участвовать в жизни сообщества посредством технических средств, а также получать дополнительную социальную помощь [39, p. 29–32], равный доступ к работе, образованию и пр. Пункт 2 статьи 4 Конвенции прямо указывает, что реализация экономических, социальных и культурных прав инвалидов должна обеспечиваться максимально в пределах имеющихся у государств ресурсов. В замечании общего порядка (далее — ЗОП) № 2 (2014) Комитет по правам лиц с инвалидностью отмечает, что доступность в отношении инвалидов должна распространяться на физическую среду, транспорт и информационно-коммуникативные технологии (пп. 6–10) [8]. Аналогичное положение содержится в ЗОП № 9 Комитета по правам ребенка (п. 39) [41]. К сожалению, практика показывает, что введение односторонних санкций препятствует государствам в приобретении ресурсов, необходимых для обеспечения функционирования базовой инфраструктуры, включая доступ к воде, электричеству, транспорту для населения в целом. Поэтому в отсутствие ресурсов обеспечения инклюзии инвалидов и ликвидация их изоляции весьма затруднительны.

Статья 24 Конвенции предусматривает право на равный доступ к качественному и инклюзивному образованию для инвалидов. Однако в ситуациях, когда введение односторонних санкций оказывает негативное влияние на право на образование для всего населения (недоступность транспорта, информационных технологий в связи с отсутствием Интернет-покрытия либо его высокой стоимости, нехватка учителей, учебников и учебных пособий и даже тетрадей и ручек), доступ к образованию инвалидов оказывается еще более ограниченным в связи со сложностями, обусловленными их физическим и психологическим состоянием, ухудшением состояния здоровья в связи с отсутствием надлежащей медицинской помощи и медикаментов и пр. В качестве препятствий для обеспечения доступа инвалидов к качественному и инклюзивному образованию Ко-

митет по правам инвалидов в ЗОП № 4 (2016) называет отсутствие возможностей обеспечения дополнительной поддержки с тем, чтобы инклюзия не нарушала право остальных детей на получение качественного образования, необходимых научных разработок и методик по обеспечению инклюзивного образования, тренингов для учителей, финансовых средств для обеспечения процесса (п. 4) [27]. ЗОП № 4 ссылается на вооруженные конфликты, природные и техногенные катастрофы как явления, препятствующие развитию инклюзивного образования (п. 14). К сожалению, влияние односторонних санкций Комитетом по правам инвалидов не отслеживается.

Односторонние санкции и овер-комплаенс, по нашему мнению, также препятствуют реализации обязательств по международному сотрудничеству (невозможность для инвалидов участвовать в конференциях и иных онлайн мероприятиях в связи с наличием их IP-адресов в государствах под санкциями), содействию сотрудничеству в области исследований и доступа к научно-техническим знаниям (ученые оказываются отрезанными не только от доступа к онлайн платформам [42], но и от возможности опубликовать результаты своих исследований [23; 24]), а также предоставлению, «где это уместно, технико-экономической помощи, в том числе путем облегчения доступа к доступным и ассистивным технологиям» (ст. 32 Конвенции) [4] (поскольку, как отмечалось выше, односторонние санкции и овер-комплаенс значительно ограничивают поставки гуманитарной помощи).

Следует также отметить, что Конвенция не ограничивает обязанности государств по обеспечению возможностей инвалидов пользоваться всеми правами человека пределами своей территории. Как следствие, полагаем, что цель Конвенции в *«поощрении, защите и обеспечении полного и равного осуществления всеми инвалидами всех прав человека и основных свобод, а также в поощрении уважения присущего им достоинства»* (ст. 1), обязанности *«воздерживаться от любых действий или методов, которые не согласуются с настоящей Конвенцией»* (п. 1d ст. 4) и *«поощрять преподавание специалистам и персоналу, работающим с инвалидами, признаваемых в настоящей Конвенции прав, чтобы совершенствовать предоставление гарантированных этими правами помощи и услуг»* (п. 1i ст. 4) имеет, в том числе трансграничный эффект в рамках обязательства должной осмотрительности [4].

Применимыми в данной ситуации также являются обязательства государств и частного сектора в части поставки товаров, необходимых для обеспечения надлежащего жизненного уровня инвалидов, в частности соблюдения компаниями и государствами Руководящих принципов предпринимательской деятель-

ности в области прав человека. Так, частные компании, независимо от их вида, типа и структуры, обязаны соблюдать права человека, предпринимать меры, направленные на предотвращение нарушений прав человека, по меньшей мере в части прав, закрепленных в Международном пакте о гражданских и политических правах и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (пп. 11–13). При этом на государствах лежит обязанность принять необходимые меры и обеспечить контроль того, чтобы при осуществлении любых видов предпринимательской деятельности соблюдались права человека (пп. 3–6) [15]. Аналогичный подход отражен и в ЗОП № 24 (2017) Комитета по экономическим, социальным и культурным правам, которое констатирует, что свобода бизнеса не нарушает вытекающие из соответствующего пакта права (п. 12), и требует от государств создать механизмы, препятствующие нарушению данных прав (п. 14), в том числе экстерриториально (п. 27). Отсутствие таких мер рассматривается Комитетом в качестве нарушения государством положений пакта (п. 17) [13].

Статья 15 Конвенции (свобода от пыток и жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания) направлена в первую очередь на запрет проведения опытов и медицинских экспериментов над инвалидами. Полагаем, однако, что в условиях, когда применение односторонних санкций либо овер-комплаенс с такими санкциями влечет невозможность доступа к конкретным видам медикаментов, значительным образом ухудшает состояние здоровья и качество жизни инвалидов и повышает риск их смерти, такие действия могут рассматриваться в качестве негуманного обращения согласно Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и иным международным договорам в области прав человека [11, art. 16; 18, art. 7; 29, para. 72; 43, art. 5]. Более того, ограничение доступа к медикаментам само по себе представляет нарушение права на наивысший достижимый уровень здоровья [30, para. 43; 40, p. 25–26].

Показательно, что, несмотря на то, что Конвенция предусматривает обязанность государств представлять Комитету по правам инвалидов по меньшей мере 1 раз в 4 года доклады о мерах, предпринятых ими для имплементации положений Конвенции, и достигнутом в этой сфере прогрессе, а также о факторах и трудностях, препятствующих достижению целей Конвенции (ст. 35), имеются лишь точечные указания на то, что достижению целей Конвенции препятствуют введенные односторонние санкции (Иран [10, para. 127]), отсутствие финансовых ресурсов и возможности социальных выплат (Зимбабве [38, para. 42]).

Отчеты государств под односторонними санкциями не отражают негативного влияния таких санкций на реализацию обязательств по защите прав инвалидов, возможно, в связи с тем, что большая часть отчетов была представлена государствами до введения в отношении них санкционных режимов.

На основании вышеизложенного представляется возможным сделать следующие выводы.

Введение односторонних санкций государствами, а также овер-комплаенс частных акторов препятствует выполнению государством своих обязательств по реализации положений Конвенции.

Односторонние санкции и овер-комплаенс затрагивают практически весь перечень прав всех лиц, находящихся на территории государства. Инвалиды в связи с незащищенностью, необходимостью принятия дополнительных мер по предоставлению недискриминационного пользования всеми правами, медицинской помощи и социального обеспечения, являются наиболее уязвимыми при ухудшении экономической ситуации, появлении барьеров в торговле и доставке, особенно в части медикаментов и оборудования, необходимого для их абилитации, реабилитации и социализации.

Обязанность не препятствовать поставкам гуманитарных товаров для инвалидов, доступу к технологиям, сотрудничеству и солидарности носит экстерриториальный характер и должна обеспечиваться государствами, в том числе вне пределов своей территории и в части

обеспечения ненарушения частными компаниями прав человека за пределами территории государства.

Введение односторонних санкций против государства, однако, не освобождает последнее от принятия всех возможных мер по защите прав инвалидов в пределах имеющихся у него ресурсов.

Полагаем, что в связи с этим, было бы целесообразно предложить к рассмотрению Комитетом по правам инвалидов проблему односторонних санкций как явления вне контроля сторон и препятствующего реализации ими обязательств по защите прав инвалидов (данный вопрос ни разу не был объектом внимания со стороны Комитета).

Полагаем также целесообразным ходатайствовать, чтобы Комитет по правам инвалидов при сборе информации для оценки отчетов вводящих санкции государств, в том числе проводил оценку их экстерриториальной деятельности в части оказания негативного влияния на защиту прав инвалидов в других странах в результате введения ими односторонних санкций.

Кроме того, считаем целесообразным инициировать пересмотр Комитетом по правам инвалидов уже принятых ЗОП, чтобы отметить в них негативное влияние односторонних санкций на реализацию государствами обязательств по обеспечению прав инвалидов и учитывать данный факт при разработке новых замечаний.

Список использованных источников

1. Довгань, Е. Ф. Международно-правовые проблемы обеспечения прав лиц, страдающих от серьезных и хронических заболеваний, в свете применения односторонних санкций / Е. Ф. Довгань // *Право.by*. — 2022. — № 4. — С. 134—142.
2. Довгань, Е. Ф. Правовые аспекты влияния односторонних принудительных мер на достижение целей устойчивого развития (часть 1) / Е. Ф. Довгань // Там же. — № 5. — С. 89—98.
3. Довгань, Е. Ф. Правовые аспекты влияния односторонних принудительных мер на достижение экономических и экологических целей устойчивого развития (часть 2) / Е. Ф. Довгань // Там же. — № 6. — С. 127—137.
4. Конвенция о правах инвалидов: [принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 дек. 2006 г.] [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml>. — Дата доступа: 11.03.2023.
5. О правах инвалидов и их социальной интеграции: Закон Респ. Беларусь от 30 июня 2022 г. № 183-З [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН-online: информационно-поисковая система. — Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=h12200183&q_id=7175610>. — Дата доступа: 11.03.2023.
6. Социальная защита пожилых и инвалидов: достижения и перспективы развития до 2025 года [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/flash_files/itog-sotsialka.pdf>. — Дата доступа: 11.03.2023.
7. Фактологический бюллетень по вопросам инвалидов [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/rights/disabilities/background_7.shtml>. — Дата доступа: 11.03.2023.
8. Article 9: Accessibility: General comment N 2 (2014): UN Doc. CRPD/C/GC/2 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/CRPD/C/GC/2>>. — Date of access: 11.03.2023.
9. Carucci, A. Environmental effects of economic sanctions: the Cuban experience: student research / A. Carucci. — Colby College, 2000. — 116 p. [Electronic resource] // About Digital Commons of Colby College. — Mode of access: <<https://digitalcommons.colby.edu/honorstheses/49/>>. — Date of access: 11.03.2023.
10. Consideration of reports submitted by States parties under article 35 of the Convention: Initial reports of States parties due in 2011: Islamic Republic of Iran: UN Doc. CRPD/C/IRN/1 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/CRPD/C/IRN/1>>. — Date of access: 11.03.2023.
11. Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment: adopted by the General Assembly resolution 39/46, 10 December 1984, entry into force 26 June 1987, in accordance with article 27 (1) [Electronic resource] // Office of the High Commissioner for Human Rights. — Mode of access: <<https://www.ohchr.org/sites/default/files/cat.pdf>>. — Date of access: 11.03.2023.
12. Garfield, R. The Public Health Impact of Sanctions: Contrasting Responses of Iraq and Cuba / R. Garfield // *Middle East Report*. — 2000. — N 215. — P. 16—19.
13. General comment N 24 (2017) on State obligations under the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights in the context of business activities: UN Doc. E/C.12/GC/24 [Electronic resource] // Refworld. — Mode of access: <<https://www.refworld.org/docid/5beaeca4.html>>. — Date of access: 11.03.2023.

14. Guide on Business on the Rights of Persons with Disabilities [Electronic resource] // International Labour Organization. — Mode of access: <https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/---ifp_skills/documents/publication/wcms_633424.pdf>. — Date of access: 11.03.2023.
15. Guiding Principles on Business and Human Rights: Implementing the United Nations «Protect, Respect and Remedy» Framework. — New York and Geneva, 2011. — 35 p. [Electronic resource] // Office of the High Commissioner for Human Rights. — Mode of access: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/publications/guidingprinciplesbusinesshr_en.pdf>. — Date of access: 11.03.2023.
16. Hakim, S. Conflicts of Interest: the Environmental Costs of Modern War and Sanctions [Electronic resource] / S. Hakim, K. E. Makuch // Royal United Services Institute. — 11.05.2022. — Mode of access: <<https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/conflicts-interest-environmental-costs-modern-war-and-sanctions>>. — Date of access: 11.03.2023.
17. Input of the Bolivarian Republic of Venezuela for the study regarding the impact of unilateral sanctions on human rights during the state of emergency in the context of COVID-19 pandemic [Electronic resource] // Office of the High Commissioner for Human Rights. — Mode of access: <<https://www.ohchr.org/Documents/Issues/UCM/submissions/states/Venezuelapart1.docx>>. — Date of access: 11.03.2023.
18. International Covenant on Civil and Political Rights: adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 2200A (XXI) of 16 December 1966, entry into force 23 March 1976, in accordance with Article 49 [Electronic resource] // Office of the High Commissioner for Human Rights. — Mode of access: <<https://www.ohchr.org/sites/default/files/ccpr.pdf>>. — Date of access: 11.03.2023.
19. Iran: Over-compliance with unilateral sanctions affects thalassemia patients say UN experts [Electronic resource] // Office of the High Commissioner for Human Rights. — 14.02.2023. — Mode of access: <<https://www.ohchr.org/en/press-releases/2023/02/iran-over-compliance-unilateral-sanctions-affects-thalassemia-patients-say>>. — Date of access: 11.03.2023.
20. Kasturi, S. Syria: the Impact of Sanctions on Public Health / S. Kasturi, W. Al-Faisal, Y. Alsaleh // Journal of Public Health. — 2013. — Vol. 35, N 2. — P. 195—199. (<https://doi.org/10.1093/pubmed/fds090>)
21. Kokabisagh, F. Assessment of the Effects of Economic Sanctions on Iranians' Right to Health by Using Human Rights Impact Assessment Tool: a Systematic Review / F. Kokabisagh // International Journal of Health Policy and Management. — 2018. — Vol. 7, N 5. — P. 374—393. (<https://doi.org/10.15171/ijhpm.2017.147>)
22. Mandates of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights; the Working Group on the issue of human rights and transnational corporations and other business enterprises; the Special Rapporteur on the right to development; the Special Rapporteur on the right of everyone to the enjoyment of the highest attainable standard of physical and mental health and the Independent Expert on human rights and international solidarity: Doc. AL OTH 95/2022, 11 Oct. 2022 [Electronic resource] // Office of the High Commissioner for Human Rights. — Mode of access: <<https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownloadPublicCommunicationFile?gId=27592>>. — Date of access: 11.03.2023.
23. Mandates of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights; the Special Rapporteur in the field of cultural rights; the Special Rapporteur on the right to development and the Independent Expert on human rights and international solidarity: Doc. AL OTH 37/2022, 22 June 2022 [Electronic resource] // Office of the High Commissioner for Human Rights. — Mode of access: <<https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownloadPublicCommunicationFile?gId=27323>>. — Date of access: 11.03.2023.
24. Mandates of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights; the Special Rapporteur in the field of cultural rights; the Special Rapporteur on the right to development and the Independent Expert on human rights and international solidarity: Doc. USA 9/2022, 22 June 2022 [Electronic resource] // Office of the High Commissioner for Human Rights. — Mode of access: <<https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownloadPublicCommunicationFile?gId=27317>>. — Date of access: 11.03.2023.
25. Mandates of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights; the Working Group on the issue of human rights and transnational corporations and other business enterprises; the Special Rapporteur on the right to development; the Special Rapporteur on the right of everyone to the enjoyment of the highest attainable standard of physical and mental health and the Independent Expert on human rights and international solidarity: Doc. AL SWE 4/2022, 11 October 2022 [Electronic resource] // Office of the High Commissioner for Human Rights. — Mode of access: <<https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownloadPublicCommunicationFile?gId=27591>>. — Date of access: 11.03.2023.
26. Negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights in the coronavirus disease pandemic: Report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights, Alena Douhan: UN Doc. A/75/209 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/A/75/209>>. — Date of access: 11.03.2023.
27. On the right to inclusive education: General comment N 4: UN Doc. CRPD/C/GC/4 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/CRPD/C/GC/4>>. — Date of access: 11.03.2023.
28. Preliminary findings of the visit to the Syrian Arab Republic by the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights Prof. Dr. Alena Douhan [Electronic resource] // Office of the High Commissioner for Human Rights. — Mode of access: <<https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/issues/ucm/statements/2022-11-09/20221110-eom-syria-sr-ucm-en.docx>>. — Date of access: 11.03.2023.
29. Promotion and Protection of All Human Rights, Civil, Political, Economic, Social and Cultural Rights, including the right to Development: Report of the Special Rapporteur on Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment, Manfred Nowak: UN Doc. A/HRC/10/44 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/A/HRC/10/44>>. — Date of access: 11.03.2023.
30. Report on the Fifty-Fifth Session of the Commission on Human Rights, 22 March — 30 April 1999: UN Doc. E/1999/23, E/CN.4/1999/167 [Electronic resource] // United Nations. — Mode of access: <<https://www.un.org/esa/documents/ecosoc/docs/1999/e1999-23.htm>>. — Date of access: 11.03.2023.
31. Research Handbook on Unilateral or Extraterritorial Sanctions / ed. by C. H. Beaucillon. — Elgar Publishing, 2021. — 512 p.
32. Responses by the Syrian Arab Republic to questions in the questionnaire circulated by Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures [Electronic resource] // Office of the High Commissioner for Human Rights. — Mode of access: <<https://www.ohchr.org/Documents/Issues/UCM/submissions/states/Syria.doc>>. — Date of access: 11.03.2023.
33. Sanctions and the People with disabilities: report N 7, 2020. — 8 p. [Electronic resource] // Organization for Defending Victims of Violence. — Mode of access: <https://www.odvv.org/resources/attachment/1585982377_c9364bfa3f9808e8f6523a879496c315.pdf>. — Date of access: 11.03.2023.
34. Situation of human rights in the Islamic Republic of Iran: report of the Special Rapporteur on the situation of human rights in the Islamic Republic of Iran: UN Doc. A/HRC/51/33/Add.1 [Electronic resource] // Office of the High Commissioner for Human Rights. — Mode of access: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/hrbodies/hrcouncil/regularsession/session51/2022-09-07/A_HRC_51_33_Add1_AdvanceUneditedVersion.docx>. — Date of access: 11.03.2023.

35. Strother, J. North Koreans with Disabilities Threatened by International Sanctions, Aid Groups Say / J. Strother [Electronic resource] // Voice of America. — 14.12.2019. — Mode of access: <https://www.voanews.com/a/east-asia-pacific_north-koreans-disabilities-threatened-international-sanctions-aid-groups-say/6181070.html>. — Date of access: 11.03.2023.
36. Targets of unilateral coercive measures: notion, categories and vulnerable groups: UN Doc. A/76/174/Rev.1 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/A/76/174/Rev.1>>. — Date of access: 11.03.2023.
37. The impact of international sanctions on environmental performance / Q. Fu [et al.] // Science of the Total Environment. — 2020. — Vol. 745. — P. 1–14. (<https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2020.141007>)
38. The Republic Zimbabwe's initial report: submitted to the Committee on the Convention on the Rights of Persons with Disabilities, March 2022 [Electronic resource] // Office of the High Commissioner for Human Rights. — Mode of access: <https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/TreatyBodyExternal/DownloadDraft.aspx?key=HTMbKk68FyVWLq28TX1gcIfKisT3aKDvUGvolbj+cDjvV8Kzb9TvXLSoppOKVbi+CXnrSVJ/kkoowjBtz2DKVA==>. — Date of access: 11.03.2023.
39. The right of people with disabilities to live independently and be included in the community. — Council of Europe, 2012. — 58 p. [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <<https://rm.coe.int/the-right-of-people-with-disabilities-to-live-independently-and-be-inc/16806da8a9>>. — Date of access: 11.03.2023.
40. The Right to Health: fact sheet N 31 / Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights; World Health Organization. — Geneva, 2008. — 45 p. [Electronic resource] // Office of the High Commissioner for Human Rights. — Mode of access: <<https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Publications/Factsheet31.pdf>>. — Date of access: 11.03.2023.
41. The rights of children with disabilities: General comment N 9 (2006): UN Doc. CRC/C/GC/9 [Electronic resource] // Refworld. — Mode of access: <<https://www.refworld.org/docid/461b93f72.html>>. — Date of access: 11.03.2023.
42. Unilateral sanctions in the cyberworld: tendencies and challenges: report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights, Alena Douhan: UN Doc. A/77/296 [Electronic resource] // Official Documents System of the United Nations. — Mode of access: <<https://undocs.org/en/A/77/296>>. — Date of access: 11.03.2023.
43. Universal Declaration of Human Rights [Electronic resource] // Office of the High Commissioner for Human Rights. — Mode of access: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/UDHR/Documents/UDHR_Translations/eng.pdf>. — Date of access: 11.03.2023.
44. Visit to the Bolivarian Republic of Venezuela: report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights, Alena Douhan: UN Doc. A/HRC/48/59/Add.2 [Electronic resource] // Reliefweb. — Mode of access: <https://reliefweb.int/attachments/2c45fc17-c098-3ddd-855b-cfe5c3930e74/A_HRC_48_59_Add.2_AdvanceUneditedVersion.pdf>. — Date of access: 11.03.2023.
45. Visit to Zimbabwe: report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights, Alena Douhan: UN Doc. A/HRC/51/33/Add.2 [Electronic resource] // Reliefweb. — Mode of access: <<https://reliefweb.int/attachments/ec766d56-a7e0-4c9a-9fc4-73ae61d0506a/G2244831.pdf>>. — Date of access: 11.03.2023.

Статья поступила в редакцию 14 марта 2023 г.

МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Наталья Мороз

В настоящее время вопросы обеспечения информационной безопасности приобрели особую актуальность. При этом ориентиры должного поведения государств в киберпространстве задаются нормами международной морали. В статье рассматриваются морально-политические обязательства государств, вытекающие как из правовых, так и из норм рекомендательного характера. Указывается, что доклады Групп правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности, а также доклад Группы открытого состава по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности представляют собой своеобразный Кодекс ответственного поведения государств в киберпространстве. Автор приходит к выводу, что морально-политические обязательства государств в сфере обеспечения информационной безопасности следует рассматривать в узком и широком значении. Морально-политические обязательства государств в сфере поддержания информационной безопасности охватывают довольно широкий спектр международных отношений, ряд из которых не может регулироваться исключительно нормами международной морали и требует принятия необходимого международно-правового регулирования.

Ключевые слова: информационная безопасность; кибербезопасность; морально-политические обязательства; ответственное поведение государств в киберпространстве.

«Moral and Political Obligations of States in the Field of Ensuring Information Security» (Nataliya Maroz)

The issues of ensuring information security are relevant as ever. At the same time, the rules for appropriate state behaviour in cyberspace are regulated by the norms of international morality. The article addresses moral and political obligations of states arising from both legal and recommendatory norms. The article indicates that the reports of the Groups of Governmental Experts on Advances in the Sphere of Informatisation and Telecommunications in the Context of International Security, as well as the report of the Open-Ended Group on Advances in the Sphere of Informatisation and Telecommunications in the Context of International Security, constitute a peculiar kind of Code of Responsible Behaviour of States in Cyberspace. The author comes to the conclusion that the moral and political obligations of states in the field of information security should be considered in a narrow and broad sense. The moral and political obligations of states in the field of maintaining information security cover a fairly wide range of international relations, some of which cannot be regulated solely by the norms of international morality and require the adoption of the necessary international legal regulation.

Keywords: cybersecurity; information security; moral and political obligations; responsible behaviour of states in cyberspace.

Вопросы обеспечения информационной безопасности как никогда актуальны в настоящее время. Так, за последние три года существенно увеличилось количество инцидентов, связанных с оказанием неправомерного воздействия на функционирование информационно-телекоммуникационных систем и сетей. В 2020 г. число кибератак с использованием

вредоносных программ возросло на 358 % по сравнению с 2019 г., в 2021 г. — на 125 % [42] и в 2022 г. — на 38 % [52]. При этом ущерб от таких кибератак стал рассматриваться как угроза не только национальной, но и международной безопасности [23]. Несмотря на тот факт, что международное сотрудничество в области обеспечения информационной безопас-

Автор:

Мороз Наталья Олеговна — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного управления юридического факультета Белорусского государственного университета, e-mail: nataliya.maroz@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Maroz Nataliya — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State Management of the Faculty of Law, Belarusian State University, e-mail: nataliya.maroz@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

ности имеет значительную специфику, международно-правовое регулирование указанной сферы международных отношений на универсальном уровне по-прежнему осуществляется на основе международных договоров общего характера (Устава ООН 1945 г. [37], Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [21], Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. [11–14] и Дополнительных протоколов 1977 г. к ним [8; 9] и др.). При этом ориентиры должного поведения государств в киберпространстве задаются нормами международной морали [23, с. 138–140].

Республика Беларусь выступает за разработку правил ответственного поведения в виртуальном пространстве в целях уменьшения конфронтации и восстановления доверия, активно принимает участие в Группе правительственных экспертов ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности (далее — ГПЭ) [2], Рабочей группе открытого состава по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности (далее — РГОС) [18], а также в рамках своего членства в Организации Договора о коллективной безопасности и Содружестве Независимых Государств (далее — СНГ). Необходимость достижения целей обеспечения международной информационной безопасности в контексте поддержки и продвижения соответствующих инициатив, отвечающих национальным интересам Республики Беларусь в информационной сфере, подчеркивалась в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь 2019 г. [26]. Указанное выше предопределяет значение данной статьи.

Правила ответственного поведения государств в киберпространстве, разработанные ГПЭ и РГОС, вносят весомый вклад в формирование нормативной основы для обеспечения международной информационной безопасности, поскольку не только определяют, как существующее международное право применимо к отношениям государств по вопросам безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ), но и содержат рекомендации по укреплению доверия, а также наращиванию потенциала государств в области обеспечения безопасности в сфере использования ИКТ [47, р. 347–350]. Таким образом, положения, содержащиеся в докладах ГПЭ и РГОС, ориентированы на предупреждение международных споров, а также ситуаций, в том числе угрожающих международному миру и безопасности.

Более того, такие нормы «мягкого права» в дальнейшем способны стать основой кодификации норм международного права в рассматриваемой области, что подчеркивает важность и своевременность выявления специ-

фики морально-политических обязательств в сфере обеспечения информационной безопасности. В частности, рекомендации, содержащиеся в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» и докладах ГПЭ и РГОС, были положены в основу Обновленной концепции Конвенции ООН об обеспечении международной информационной безопасности, подготовленной Российской Федерацией при участии Республики Беларусь, Корейской Народно-Демократической Республики, Республики Никарагуа и Сирийской Арабской Республики, представленной на имя Генерального секретаря ООН 15 мая 2023 г. [25].

Таким образом, целью данной статьи является определение особенностей морально-политических обязательств государств в сфере обеспечения информационной безопасности.

Следует отметить, что источники и содержание морально-политических обязательств государств в области обеспечения информационной безопасности, хотя частично исследовались в доктрине, но все же не стали самостоятельным предметом комплексного научного изучения. В научных работах, как правило, указанные обязательства рассматривались в комплексе с юридическими [1; 17; 24] либо с учетом выявления роли конкретной международной организации или конференции в сфере обеспечения информационной безопасности [4; 10; 29], либо в контексте оценки необходимости разработки международно-правовых норм для регулирования конкретных вопросов [43].

В доктрине международного права сложилось мнение, что источником морально-политических обязательств государств являются нормы «мягкого права» [35, с. 157–158]. В сфере обеспечения информационной безопасности основными из них являются доклады ГПЭ (А/65/201, 2009/2010; А/68/98, 2012/2013; А/70/174, 2014/2015; А/76/135, 2021), а также доклад РГОС (А/АС.290/2021/CRP.2, 2021), представляющие собой своеобразный Кодекс ответственного поведения государств в киберпространстве [43, р. 53–55]. Кроме того, указанные аспекты в той или иной степени регламентируются рядом актов Генеральной Ассамблеи ООН (резолюции 55/45, 57/239, 58/199, 62/17, 63/37, 64/25, 65/41, 66/24, 67/27, 68/243, 69/28, 70/237, 71/28, 73/266, 74/29, 74/247, 75/240, 76/19 и др. [31]), а также актами органов региональных международных организаций (решение Совета глав правительств СНГ о Стратегии обеспечения информационной безопасности государств — участников СНГ от 25 октября 2019 г. [28], Стратегия кибербезопасности Европейского союза от 16 декабря 2020 г., принятая совместным коммюнике Европейской комиссии и Верховного представителя ЕС по внешней политике и по-

литике безопасности [51], Стратегия АСЕАН по сотрудничеству в области кибербезопасности на 2021—2025 г. [41], решение Совета Министров ОБСЕ № 5/16 «Усилия ОБСЕ по сокращению рисков возникновения конфликтов в результате использования информационных и коммуникационных технологий» [36] и др.).

В то же время не вполне корректно сводить все формы выражения морально-политических обязательств исключительно к источникам мягкого права.

Полагаем, что ряд международных договоров, применимых к регулированию международных отношений по поводу использования ИКТ, являются одновременно источниками как юридических, так и морально-политических обязательств в области обеспечения информационной безопасности. Тот факт, что международное право закрепляет в своих положениях последовательную систему гуманистических моральных норм и ценностей, в настоящее время в доктрине не оспаривается [38, с. 187]. Как справедливо отмечает российский ученый М. В. Шугуров, «в результате несоблюдение международного права со стороны его субъекта одновременно может рассматриваться как безнравственный акт» [38, с. 188]. В Декларации по случаю пятидесятой годовщины ООН, принятой резолюцией 50/6 Генеральной Ассамблеи от 24 октября 1995 г., указывается, что «Устав является выражением общих ценностей и чаяний человечества» [3]. Как отмечал российский ученый-правовед И. И. Лукашук, основные принципы международного права, закрепленные в Уставе ООН, обладают «высшим политическим, моральным и юридическим авторитетом» [16, с. 296]. Основные принципы международного права в полной мере применимы и к правоотношениям в сфере обеспечения информационной безопасности [40].

По мнению американского исследователя М. Дж. Перри, права человека, закрепленные в международных договорах, являются не только юридическими, но и моральными правами [49, р. 435]. Таким образом, международные договоры по правам человека в этом плане содержат одновременно и юридические, и моральные обязательства. В контексте обеспечения информационной безопасности они охватывают запрет пропаганды войны, а также выступлений в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющих собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию (ст. 20 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [21]), запрет прямого публичного подстрекательства к совершению геноцида (п. с ст. III Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 г. [15]), всякое распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, подстрекательство к расовой дискриминации

и актам насилия, направленным против любой расы или группы лиц другого цвета кожи или этнического происхождения, организованную и всякую другую пропагандистскую деятельность, которая поощряет расовую дискриминацию и подстрекает к ней (пп. а, b ст. 4 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. [19]), подстрекательство к апартеиду (п. а ст. III Международной конвенции о пресечении преступления апартеида и наказания за него 1973 г. [20]), подстрекательство к совершению актов терроризма [30] и др.

Особого внимания заслуживают моральные ценности, воплощенные в нормах Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительных протоколов к ним 1977 г. [46, с. 350]. Юридические запреты совершения определенных действий в ходе вооруженных конфликтов имеют и серьезные моральные основания (например, умышленные нападения на гражданское население, гражданские объекты, объекты, необходимые для выживания гражданского населения, установки и сооружения, содержащие опасные силы, и др.). Нормы международного гуманитарного права такого рода применимы и к деяниям, совершаемым с использованием ИКТ [50, р. 422, 434, 529].

Кроме того, полагаем, что региональные договоры по вопросам информационной безопасности также содержат важные ценностные установки в области регулирования сотрудничества государств в рассматриваемой сфере, характерные для конкретного региона, и воплощают морально-политические ориентиры государств-участников (преамбулы Соглашения о сотрудничестве государств — участников СНГ в области обеспечения информационной безопасности от 20 ноября 2013 г. (далее — Соглашение СНГ) — признание важного значения информационной безопасности для реализации основных прав и свобод человека и гражданина [27], Соглашения о сотрудничестве государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности в области обеспечения информационной безопасности от 30 ноября 2017 г. (далее — Соглашение ОДКБ) — неприемлемость деструктивного информационного воздействия с использованием информационной инфраструктуры, использование информационных технологий для вмешательства во внутренние дела, провоцирование угроз информационной безопасности, признание, что доверие и безопасность в использовании ИКТ относятся к фундаментальным основам информационного общества, основанность культуры информационной безопасности на уважении прав и свобод человека, приоритете сохранения политической, социальной и экономической стабильности, необходимость соблюдения баланса между основными правами и свободами

человека и эффективным противодействием угрозам информационной безопасности и др. [33], Соглашения между правительствами государств — членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 16 июня 2009 г. (далее — Соглашение ШОС) — признание важной роли информационной безопасности в обеспечении прав и основных свобод человека и гражданина, указание на необходимость углубления доверия и развитие взаимодействия сторон в вопросах обеспечения международной информационной безопасности [32], Конвенции Африканского союза о кибербезопасности и защите персональных данных от 27 июня 2014 г. — необходимость мобилизации усилий всех государственных и частных субъектов для продвижения кибербезопасности, указание на необходимость обеспечения баланса между защитой персональных данных и обеспечением безопасности ИКТ [39] и др.).

Таким образом, источники морально-политических обязательств государств в сфере поддержания информационной безопасности можно рассматривать в узком и широком смысле. В широком смысле такие источники включают также источники права, в которых воплощены определенные моральные нормы. К ним, прежде всего, относится Устав ООН, иные международные договоры, применимые для регулирования обеспечения информационной безопасности, резолюции Совета Безопасности ООН, а также источники «мягкого права». В узком смысле источниками морально-политических обязательств государств в сфере поддержания информационной безопасности выступают исключительно документы, содержащие правила ответственного поведения государств в сфере поддержания информационной безопасности, которые нельзя отнести к источникам международного права. При этом основным источником морально-политических обязательств государств в рассматриваемой сфере является так называемый Кодекс ответственного поведения государств в киберпространстве.

Морально-политические обязательства, сформулированные в докладах ГПЭ и РГОС, изложены достаточно аффирмативно («государства не должны осуществлять или заведомо поддерживать...» [5, п. 13 k); 6, с. 20], «государства должны принимать надлежащие меры для защиты...» [5, п. 13 k); 6, с. 16], «все государства должны принимать участие в деятельности по повышению безопасности киберпространства» [5, с. 5], «государства не должны осуществлять или сознательно поддерживать деятельность в области ИКТ, противоречащую их обязательствам по международному праву...» [48, para. 31]), что отличает их от положений, сформулированных как рекомендации («Группа рекомендует государствам рассмо-

треть следующие добровольные меры укрепления доверия» [5, п. 16], «рекомендовать... принятие мер по укреплению доверия...» [7, п. 18 ii]). Полагаем, что положения докладов ГПЭ и РГОС, не сформулированные аффирмативно, т. е. по сути являющиеся положениями-рекомендациями, не создают морально-политических обязательств для государств в области обеспечения информационной безопасности, поскольку «устанавливают желательную, целесообразную модель поведения, но не обязывают следовать ей» [16, с. 152].

Учитывая характер формулировок морально-политических обязательств в сфере обеспечения информационной безопасности («государства не должны осуществлять...», «государства должны принимать надлежащие меры»), можно также прийти к выводу, что морально-политические обязательства в сфере обеспечения информационной безопасности разделяются на позитивные и негативные.

По своему содержанию морально-политические обязательства государств в сфере обеспечения информационной безопасности, содержащиеся в источниках «мягкого права», шире установленных в международных договорах [5]. Как уже было указано выше, на универсальном уровне вопросы обеспечения информационной безопасности не стали предметом специального международно-правового регулирования и регламентированы фрагментарно в международных договорах общего характера. Региональные соглашения в сфере информационной безопасности в основном ориентированы на организацию взаимодействия и сотрудничества государств-участников по определенным в них основным направлениям (например, ст. 3 Соглашения СНГ [27], ст. 3 Соглашения ШОС [32]), взаимодействия сторон в интересах обеспечения информационной безопасности (ст. 1 Соглашения ОДКБ [33]). Иными словами, данные международные соглашения практически не закрепляют конкретные негативные обязательства в сфере использования ИКТ в отношении как друг друга, так и третьих государств, а также позитивные обязательства такого рода в отношении третьих государств. Единственным региональным международным соглашением, указывающим на запрет совершения определенных действий с использованием ИКТ в отношении других государств — участников данного соглашения, является Соглашение ШОС. При этом перечень таких действий довольно узок. Так, в данном международном договоре указывается лишь на защиту информационных ресурсов и критически важных структур своего государства от недопустимого неправомерного использования и несанкционированного вмешательства, в том числе от информационных атак, а также оказание содействия другим сторонам в реализации указанных действий (п. 3 ст. 4) [32].

В то же время, например, в докладах ГПЭ и РГОС как негативные, так и позитивные обязательства в отношении третьих государств регламентируются. В частности, они включают недопустимость заведомого использования территории государств для совершения международно-противоправных деяний с использованием ИКТ [5, п. 13 с)]; недопустимость нанесения ущерба информационным системам групп экстренной готовности к компьютерным инцидентам других государств или же использования таких групп для участия в злонамеренной международной деятельности [5, п. 13 k)]; удовлетворение просьб об оказании помощи, поступающих от других государств, критически важная инфраструктура которых становится объектом злонамеренных действий в сфере ИКТ [5, п. 13 h)]; принятие разумных мер для обеспечения неприкосновенности каналов поставок и предупреждения распространения злонамеренных программных средств в сфере ИКТ, технических средств или пагубных скрытых функций [5, п. 13 i)]; обеспечение трансформации цифрового разрыва в цифровые возможности через принятие мер в области наращивания потенциала [48, para. 58] и др.

Таким образом, можно заключить, что морально-политические обязательства государств в сфере поддержания информационной безопасности носят как негативный (воздерживаться от совершения действий, которые могут квалифицироваться как угроза или нарушение международного мира и безопасности), так и позитивный характер (принимать комплекс мер, направленных на предупреждение, недопущение ухудшения ситуации, а также пресечение угрозы и (или) нарушения международного мира и безопасности, совершаемых с использованием ИКТ, восстановление положения, существовавшего до нарушения, и недопущение повторения подобной ситуации в будущем; оказывать помощь государству, пострадавшему от злонамеренной деятельности в сфере ИКТ; сотрудничать в разработке и осуществлении мер по укреплению стабильности и безопасности в использовании ИКТ, в том числе в контексте права на развитие).

В то же время ряд международных отношений не может регулироваться исключительно нормами международной морали и требует принятия правовых норм. К вопросам, требующим специального международно-правового регулирования, в доктрине ранее относили международное сотрудничество государств в борьбе с киберпреступностью [45]. Вместе с тем с учетом содержания ряда резолюций Совета Безопасности ООН, из которых следует, что ИКТ могут использоваться в террористических целях, создавать угрозу международному миру и безопасности (резолюции 2395 и 2396 от 21 декабря 2017 г., 2462 от 28 марта 2019 г., 2535 от 14 июля 2020 г. и др. [31]), полагаем, что указанные аспекты требуют также адекватного

регулирования комплексного характера. Кроме того, учитывая разрушительный характер результата, который может быть достигнут в случае кибератак на критически важную инфраструктуру государств или иной злонамеренной деятельности с использованием ИКТ против таких объектов [44], правила сотрудничества государств по пресечению, а также иным аспектам преодоления негативных последствий подобного рода деяний требуют именно правовой регламентации. Необходимо также определение минимального перечня объектов, в отношении которых такие правила будут применимы, поскольку отнесение той или иной инфраструктуры к категории «важнейшей» входит в исключительную компетенцию государств [34], что фактически приводит к отсутствию единого подхода к установлению перечня критически важных инфраструктур и неопределенности списка объектов, которые не могут подвергаться кибератакам в мирное время.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Установлено, что источники морально-политических обязательств государств в сфере поддержания информационной безопасности можно рассматривать в узком и широком смысле. В широком смысле такие источники включают, прежде всего, Устав ООН, международные договоры, посвященные вопросам регулирования обеспечения информационной безопасности, а также источники «мягкого права», применимые к рассматриваемой области. В узком смысле источниками морально-политических обязательств государств в сфере поддержания информационной безопасности выступают исключительно документы, содержащие правила ответственного поведения государств в сфере поддержания информационной безопасности, которые нельзя отнести к источникам международного права. К основным из них относятся резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, доклады ГПЭ и РГОС.

2. Выявлено, что морально-политические обязательства государств в сфере поддержания информационной безопасности носят как негативный (воздерживаться от совершения действий, которые могут квалифицироваться как угроза или нарушение международного мира и безопасности), так и позитивный характер (принимать комплекс мер, направленных на предупреждение, недопущение ухудшения ситуации, пресечение угрозы и (или) нарушения международного мира и безопасности, совершаемых с использованием ИКТ, а также восстановление положения, существовавшего до нарушения, и недопущение повторения подобной ситуации в будущем, оказывать помощь государству, пострадавшему от злонамеренной деятельности в сфере ИКТ, сотрудничать в разработке и осуществлении мер по укреплению стабильности и безопасности в использовании ИКТ, в том числе в контексте права на разви-

тие). Таким образом, сфера позитивных морально-политических обязательств государств в сфере поддержания информационной безопасности шире, чем сфера юридических обязательств в данной области.

3. Установлено, что морально-политические обязательства государств в сфере поддержания информационной безопасности охватывают довольно широкий спектр международных отношений, ряд из которых не может регулироваться исключительно нормами междуна-

ной морали и требует принятия необходимого международно-правового регулирования. К вопросам, требующим специального международно-правового регулирования, относятся: а) международное сотрудничество в борьбе с террористическим или иным преступным использованием информационно-коммуникационных технологий; б) правила взаимодействия государств в случае, если критически важная инфраструктура одного из них становится объектом злонамеренных действий в сфере ИКТ.

Список использованных источников

1. Арчаков, В. Ю. О теоретико-методологических подходах к обеспечению международной информационной безопасности / В. Ю. Арчаков // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2019. — № 3-4 (90-91). — С. 3—11.
2. Бойко, С. Группа правительственных экспертов ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности: взгляд из прошлого в будущее / С. Бойко [Электронный ресурс] // Фонд НОРАВАНК. — 19.12.2016. — Режим доступа: <http://www.noravank.am/rus/articles/security/detail.php?ELEMENT_ID=15284>. — Дата доступа: 10.03.2023.
3. Декларация по случаю пятидесятой годовщины Организации Объединенных Наций: док. ООН А/RES/50/6 [Электронный ресурс] // Система официальной документации ООН. — Режим доступа: <<https://undocs.org/ru/A/RES/50/6>>. — Дата доступа: 20.06.2023.
4. Довгань, Е. Ф. ОДКБ и информационная безопасность / Е. Ф. Довгань, Н. О. Мороз // Организация Договора о коллективной безопасности и планирование на случай чрезвычайных обстоятельств после 2014 г. / Е. Ф. Довгань [и др.]; под ред. Е. Ф. Довгань, А. В. Русаковича. — Женева; Минск, 2015. — С. 207—236.
5. Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности: док. ООН А/70/174 [Электронный ресурс] // Система официальной документации ООН. — Режим доступа: <<https://undocs.org/ru/A/70/174>>. — Дата доступа: 12.11.2022.
6. Доклад Группы правительственных экспертов по поощрению ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности: док. ООН А/76/135 [Электронный ресурс] // Система официальной документации ООН. — Режим доступа: <<https://undocs.org/ru/A/76/135>>. — Дата доступа: 12.11.2022.
7. Доклад правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности: док. ООН А/65/201 [Электронный ресурс] // Система официальной документации ООН. — Режим доступа: <<https://undocs.org/ru/A/65/201>>. — Дата доступа: 12.11.2022.
8. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I). Женева, 8 июня 1977 г. [Электронный ресурс] // Международный комитет Красного Креста. — Режим доступа: <<https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-additional-protocol-1.htm>>. — Дата доступа: 09.06.2023.
9. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II). Женева, 8 июня 1977 г. [Электронный ресурс] // Международный комитет Красного Креста. — Режим доступа: <<https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/61kh3l.htm>>. — Дата доступа: 09.06.2023.
10. Ефремов, А. А. Развитие регулирования информационной или «цифровой» безопасности в документах международных организаций / А. А. Ефремов // Междунар. право и междунар. организации. — 2017. — № 1. — С. 48—55. (<https://doi.org/10.7256/2226-6305.2017.1.20710>)
11. Конвенция (I) об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Женева, 12 авг. 1949 г. [Электронный ресурс] // Международный комитет Красного Креста. — Режим доступа: <<https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-1.htm>>. — Дата доступа: 09.06.2023.
12. Конвенция (II) об улучшении участи раненых и больных, потерявших корабли, из состава вооруженных сил на море. Женева, 12 авг. 1949 г. [Электронный ресурс] // Международный комитет Красного Креста. — Режим доступа: <<https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-2.htm>>. — Дата доступа: 09.06.2023.
13. Конвенция (III) об обращении с военнопленными. Женева, 12 авг. 1949 г. [Электронный ресурс] // Международный комитет Красного Креста. — Режим доступа: <<https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-3.htm>>. — Дата доступа: 09.06.2023.
14. Конвенция (IV) о защите гражданского населения во время войны. Женева, 12 авг. 1949 г. [Электронный ресурс] // Международный комитет Красного Креста. — Режим доступа: <<https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-4.htm>>. — Дата доступа: 09.06.2023.
15. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него: [принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 дек. 1948 г.] [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml>. — Дата доступа: 12.06.2023.
16. Лукашук, И. И. Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов. Изд. 3-е, перераб. и доп. / И. И. Лукашук; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Акад. правовой ун-т. — М.: Волтерс Клувер, 2008. — 432 с.
17. Макаров, О. С. Актуальные аспекты обеспечения информационной безопасности государств — участников СНГ / О. С. Макаров. — Минск: Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь, 2013. — 270 с.
18. Международная информационная безопасность [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://mfa.gov.by/multilateral/global_issues/inform/>. — Дата доступа: 10.03.2023.
19. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации: [принята резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 дек. 1965 г.] [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/racesconv.shtml>. — Дата доступа: 22.05.2023.
20. Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него: [принята резолюцией 3068 (XXVIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 30 нояб. 1973 г.] [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apartheid1973.shtml>. — Дата доступа: 23.06.2023.
21. Международный пакт о гражданских и политических правах: [принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 сент. 1966 г.] [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ractpol.shtml>. — Дата доступа: 23.06.2023.
22. Мороз, Н. О. Информационный суверенитет Республики Беларусь в контексте современного международного права / Н. О. Мороз // Право.by. — 2022. — № 2 (76). — С. 111—116.
23. Мороз, Н. О. Международно-правовое регулирование поддержания информационной безопасности / Н. О. Мороз // Там же. — № 6 (80). — С. 138—144.

24. Мороз, Н. О. Международно-правовые основы обеспечения международной информационной безопасности / Н. О. Мороз // Труд. Профсоюзы. Общество. — 2016. — № 1 (51). — С. 77—81.
25. Обновленная концепция Конвенции Организации Объединенных Наций об обеспечении международной информационной безопасности: приложение к письму постоянных представителей Беларуси, Корейской Народно-Демократической Республики, Никарагуа, Российской Федерации и Сирийской Арабской Республики при Организации Объединенных Наций от 15 мая 2023 г. на имя Генерального секретаря: док. ООН А/77/894 [Электронный ресурс] // Система официальной документации ООН. — Режим доступа: <<https://undocs.org/ru/A/77/894>>. — Дата доступа: 26.05.2023.
26. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь: постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://pravo.by/document/?guid=12551&po=P219s0001&rp1=1>>. — Дата доступа: 12.06.2023.
27. О ратификации Соглашения о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности: закон Респ. Беларусь от 14 июля 2014 г. № 179-З [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://pravo.by/document/?guid=12551&po=N11400179&rp1=1&rp5=0>>. — Дата доступа: 12.06.2023.
28. О Стратегии обеспечения информационной безопасности государств — участников СНГ: решение Совета глав правительств СНГ от 25 окт. 2019 г. [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. — Режим доступа: <<http://www.cis.minsk.by/geestv2/doc/6162#text>>. — Дата доступа: 15.06.2023.
29. Полякова, Т. А. Проблемы формирования системы международной информационной безопасности в условиях трансформации права и новых вызовов и угроз / Т. А. Полякова, Г. Г. Шинкарецкая // Право и государство: теория и практика. — 2020. — № 10 (190). — С. 138—142.
30. Резолюция 1624 (2005), принятая Советом Безопасности на его 5261-м заседании 14 сентября 2005 года: док. ООН S/RES/1624(2005) [Электронный ресурс] // Система официальной документации ООН. — Режим доступа: <[https://undocs.org/ru/S/RES/1624\(2005\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1624(2005))>. — Дата доступа: 26.05.2023.
31. Система официальной документации ООН [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <<https://documents.un.org/>>. — Дата доступа: 22.06.2023.
32. Соглашение между правительствами государств — членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности: [закл. в г. Екатеринбурге 16 июня 2009 г.] [Электронный ресурс] // Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина. — Режим доступа: <<https://www.prlib.ru/item/1283353>>. — Дата доступа: 20.06.2023.
33. Соглашение о сотрудничестве государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности в области обеспечения информационной безопасности: [закл. в г. Минске 30 нояб. 2017 г.] [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://pravo.by/document/?guid=12551&po=E01700001>>. — Дата доступа: 20.06.2023.
34. Создание глобальной культуры кибербезопасности и защита важнейших информационных инфраструктур: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН: док. А/RES/58/199 [Электронный ресурс] // Система официальной документации ООН. — Режим доступа: <<https://undocs.org/ru/A/RES/58/199>>. — Дата доступа: 12.11.2022.
35. Толстых, В. Л. Курс международного права: учеб. / В. Л. Толстых. — М.: Проспект, 2018. — 736 с.
36. Усилия ОБСЕ по сокращению рисков возникновения конфликтов в результате использования информационных и коммуникационных технологий: док. ОБСЕ МС.DEC/5/16/Согг.1 [Электронный ресурс] // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. — Режим доступа: <<https://www.osce.org/files/f/documents/8/9/290396.pdf>>. — Дата доступа: 17.06.2023.
37. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 5: Политические документы / ред.-науч. совет: Г. Ю. Семгин (пред.) [и др.]. — М.: Мысль, 1997. — С. 343—392.
38. Шугуров, М. В. Динамика соотношения международного права и международной морали: теоретический и методологический аспекты / М. В. Шугуров // Рос. журн. правовых исследований. — 2017. — Т. 4, № 1. — С. 183—191. (<https://doi.org/10.17816/RJLS18254>)
39. African Union convention on cyber security and personal data protection: [adopted 27th June 2014] [Electronic resource] // African Union. — Mode of access: <<https://au.int/en/treaties/african-union-convention-cyber-security-and-personal-data-protection>>. — Date of access: 12.06.2023.
40. Applicability of international law [Electronic resource] // The Cyber Law Toolkit. — Mode of access: <https://cyberlaw.ccdcoe.org/wiki/Applicability_of_international_law>. — Date of access: 22.06.2023.
41. ASEAN Cybersecurity Cooperation Strategy (2021—2025) [Electronic resource] // ASEAN. — Mode of access: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/02/01-ASEAN-Cybersecurity-Cooperation-Paper-2021-2025_final-23-0122.pdf>. — Date of access: 25.06.2023.
42. De Pasquale, F. Terrifying Cyber Security Statistics from 2022 / F. De Pasquale [Electronic resource] // TekSpace. — 20.01.2023. — Mode of access: <<https://www.tekspace.com.au/blog/cyber-security-stats-2022/>>. — Date of access: 10.03.2023.
43. Heiln, C. Cyber Dynamics and World Order: Enhancing International Cyber Stability / C. Heiln // Irish Studies in International Affairs. — 2018. — Vol. 29. — P. 53—72. (<https://doi.org/10.3318/isia.2018.29.18>)
44. Kerner, M. S. Colonial Pipeline hack explained: Everything you need to know / M. S. Kerner [Electronic resource] // TechTarget. — 26.04.2022. — Mode of access: <<https://www.techtarget.com/whatis/feature/Colonial-Pipeline-hack-explained-Everything-you-need-to-know>>. — Date of access: 24.06.2023.
45. Maroz, N. A Critical Analysis of the Need for a Stronger International Legal Framework for Cyber Ethics in Times of Pandemic / N. Maroz // Revista Etică și Deontologie. — 2021. — Vol. 1, N 1. — P. 60—73. (<https://doi.org/10.52744/RED.2021.01.08>)
46. Meron, T. The Geneva Conventions as Customary Law / T. Meron // The American Journal of International Law. — 1987. — Vol. 81, N 2. — P. 348—370. (<https://doi.org/10.2307/2202407>)
47. Meyer, P. Norms of Responsible State Behaviour in Cyberspace / P. Meyer // The Ethics of Cybersecurity: the International Library of Ethics, Law and Technology (ELTE. Vol. 21) / ed. by M. Christen, B. Gorjin, M. Loi. — Springer, 2020. — P. 347—360.
48. Open-ended working group on developments in the field of information and telecommunications in the context of international security: final Substantive Report: UN Doc. A/AC.290/2021/CRP.2 [Electronic resource] // Digital Watch. — Mode of access: <<https://dig.watch/wp-content/uploads/2022/08/OEWG-Report.pdf>>. — Date of access: 17.06.2023.
49. Perry, M. J. The Morality of Human Rights / M. J. Perry // Human Rights Quarterly. — 2020. — Vol. 42, N 2. — P. 434—478. (<https://doi.org/10.1353/hrq.2020.0023>)
50. Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations / ed. M. N. Schmitt. — Cambridge: Cambridge University Press, 2017. — 598 p.
51. The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade: Joint Communication to the European Parliament and the Council, 16 Dec. 2020, JOIN(2020) 18 final [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <<https://ec.europa.eu/newsroom/dae/redirection/document/72164>>. — Date of access: 23.06.2023.
52. The Latest 2023 Cyber Crime Statistics (updated March 2023) [Electronic resource] // AAG. — Mode of access: <<https://aag-it.com/the-latest-cyber-crime-statistics/>>. — Date of access: 10.03.2023.

Статья поступила в редакцию в марте 2023 г., доработана в июне 2023 г.

Исследование выполнено в рамках ГПНИ № ГР 20212197

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Татьяна Андрушко

В статье рассмотрены положения международных соглашений (договоров), а также международных правовых документов рекомендательного характера, направленные на противодействие историческому ревизионизму как форме косвенного подстрекательства к дискриминации. Обозначены нормативные правовые предпосылки криминализации реабилитации нацизма универсального и регионального значения, определен перечень международных правовых документов, содержащих стандарты (рекомендации) криминализации опасных форм исторического ревизионизма, сделан вывод о необходимости учета данных стандартов при дальнейшем редактировании нормы статьи 130¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь и формировании правоприменительной практики.

Ключевые слова: международные соглашения (договоры); преступления против мира и безопасности человечества; реабилитация нацизма; уголовная ответственность; фальсификация истории.

«Regulatory Prerequisites for the Criminalisation of the Rehabilitation of Nazism: International Legal Aspect» (Tatiana Andrushko)

The article examines the provisions of international agreements (treaties), as well as international soft instruments aimed at countering historical revisionism as a form of indirect incitement to discrimination. The universal and regional regulatory prerequisites for criminalising the rehabilitation of Nazism are outlined; the list of international legal documents containing standards (recommendations) for criminalising dangerous forms of historical revisionism is determined; the conclusion about the need to take these standards into account when amending and applying the norms of Article 130¹ of the Criminal Code of the Republic of Belarus is made.

Keywords: crimes against peace and security of mankind; criminal liability; history falsification; international agreements (treaties); rehabilitation of Nazism.

6 марта 2023 г. Советом Безопасности Республики Беларусь одобрен проект новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (далее — Концепция). Отмечая характерные для современного мира тенденции искажения исторической правды и фальсификации истории, документ выделяет защиту исторической правды в качестве стратегического национального интереса, а к основным национальным интересам в политической сфере относит обеспечение гармоничного развития международных и межконфессиональных отношений [13, пп. 5, 8, 9]. Фактически проект новой Концепции подтвердил важность и актуальность внесенных в 2019 г. в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее — УК) изменений в части криминализации реабилитации нацизма, имеющих своей главной целью пресечение опасных форм исторического ревизионизма, способствующих пропаганде и распространению идеологии национал-социализма [20].

Несмотря на относительно недавнюю криминализацию, белорусские и российские ученые (в УК Российской Федерации одноименная норма введена в 2014 г. [21]) проявили к анализу нового преступления повышенное внимание. Вместе с тем опубликованные научные статьи в основном посвящены проблемным вопросам состава реабилитации нацизма (Н. А. Егорова [4], Е. А. Червонных [22] и др.), анализу существующих правовых мер недопущения реабилитации нацизма (И. Э. Мартыненко [6] и др.), проблеме определения объекта преступления и использованной законодателем терминологии (И. С. Яцута [24] и др.). Лишь немногие ученые обратили внимание на то, что уголовно-правовой запрет реабилитации нацизма обусловлен не только национальным, но и международным правом (А. А. Дорская, Д. А. Пашенцев [3] и др.), в том числе отметили особенности развития анализируемой группы норм в законодательстве го-

Автор:

Андрушко Татьяна Игоревна — соискатель, Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, e-mail: Zt23@yandex.ru
Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. Адрес: 1а, ул. Берсона, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Andrushko Tatiana — post-graduate student, National Centre of Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus, e-mail: Zt23@yandex.ru
National Centre of Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus. Address: 1a, Berson str., Minsk, 220030, BELARUS

сударств — участников Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) (Д. Г. Полещук [16] и др.). Тем не менее, в международном праве существует достаточно объемный пласт правовых норм, содержащих рекомендации по криминализации деяний, объединенных отечественным законодателем в статье 130¹ УК [20], анализ которых необходим для уяснения сущности нового основания уголовной ответственности. Цель данной статьи — обозначить международные правовые предпосылки криминализации реабилитации нацизма в национальном уголовном праве, определить перечень выработанных международными органами и организациями, в том числе при непосредственном участии Республики Беларусь, международных стандартов криминализации опасных форм исторического ревизионизма.

В международном и европейском уголовном праве такого преступления, как «реабилитация нацизма», не существует. Вместе с тем противодействие тем формам поведения, которые в отечественном УК именуется реабилитацией нацизма, в международном праве осуществляется в рамках борьбы с опасными формами такого современного явления, как исторический ревизионизм.

Правовой основой противодействия опасным формам ревизионизма являются положения статьи 4 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (далее — МКЛРД) [7] и части 2 статьи 20 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее — МПГПП) [8]. Нормы данных договоров требуют запрета подстрекательства к дискриминации. Именно как косвенное подстрекательство к дискриминации оцениваются сегодня наиболее опасные формы исторического ревизионизма в международных нормативных правовых актах, т. е. как деяния, создающие условия для пропаганды дискриминации.

На оба договора имеется ссылка в преамбуле Закона Республики Беларусь «О недопущении реабилитации нацизма» (далее — Закон от 14 мая 2021 г.) [11], что позволяет нам отнести данные нормы к международным правовым предпосылкам противодействия реабилитации нацизма в Республике Беларусь. Сложно сказать, учитывались ли данные нормы законодателем непосредственно при криминализации реабилитации нацизма в 2019 г., однако первоначально размещение нормы в статье 130 УК «Разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни» указывает как минимум на то, что законодателем признавалась правовая природа уголовно-правового запрета, основанная на международных правовых нормах о недопустимости подстрекательства к расовой дискриминации. Выделение реабилитации нацизма в самостоятельный состав преступления произошло после принятия Закона от 14 мая 2021 г. Бланкетность новой нормы в УК, изло-

женной в статье 130¹ [20], требующей обращения к Закону от 14 мая 2021 г. [11], позволяет заключить, что международные правовые документы, указанные в названном Законе, признаются законодателем в качестве международных правовых оснований криминализации реабилитации нацизма.

Ссылки на МКЛРД и МПГПП в Законе от 14 мая 2021 г. требуют обращения к указанным международным договорам и актам их толкования, которые, как отмечалось выше, выступают международно-правовой основой противодействия подстрекательству к расовой дискриминации в целом и историческому ревизионизму как его скрытой форме в частности.

Своеобразной точкой отсчета международного правового противодействия ревизионизму можно назвать решение Комитета по правам человека ООН (далее — КПЧ ООН) по делу «Фориссон против Франции». В указанном решении обоснована недопустимость оценки отрицания Холокоста как реализации права на свободу выражения мнения [25, para. 9.6, 9.7]. Данное решение, с точки зрения соответствия положениям МПГПП, фактически легализовало существующие к тому времени в ряде государств уголовно-правовые запреты. Разъясняя запрет на подстрекательство, установленный частью 2 статьи 20 МПГПП, КПЧ ООН отмечает, что запрет допустим лишь в рамках границ, определенных ограничениями на свободу выражения мнения, установленными частью 3 статьи 19 МПГПП. Допускается установление ограничений лишь в целях уважения прав или репутации других лиц либо охраны государственной безопасности, общественного порядка или здоровья и нравственности населения. Это разъяснение содержится в принятом в 2011 г. КПЧ ООН замечании общего порядка № 34, определяющем, что любые ограничения на свободу выражения мнения, коим, несомненно, является запрет на реабилитацию нацизма, должны быть установлены законом и отвечать требованиям необходимости и соразмерности [19, п. 22]. Замечания общего порядка не имеют обязывающего значения для государств-участников, однако, как справедливо отмечает М. Ф. Косолапов, этот факт не должен умалять их роль для внутригосударственного правоприменителя. Ученый аргументировано обосновывает необходимость рассмотрения подобного рода правовых документов комитетов ООН как важных элементов действующих международных стандартов в области прав человека [5, с. 173–175]. Замечания общего порядка КПЧ ООН, несомненно, носят характер актов аутентичного толкования положений МПГПП, что позволяет отнести такие замечания к международным правовым документам, содержащим стандарты криминализации преступлений, представляющих собой проявления языка вражды в целом и опасных форм исторического ревизионизма в частности.

Именно в рамках указанных правовых границ допустимых ограничений права на свободу выражения мнения международное сообщество на протяжении последних десятилетий принимает меры по противодействию языку вражды в целом и подстрекательству к дискриминации в частности.

Стандарты криминализации опасных форм исторического ревизионизма изложены в принятом в 2012 г. под эгидой ООН Рабатском плане действий по запрещению пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию (далее — Рабатский план). План в пунктах 19, 22 рекомендует проводить в законодательстве четкое различие между тремя типами высказываний: являющихся преступлением, не являющихся преступлением, но требующих применения административных мер или заявления гражданского иска и не являющихся нарушением законодательства, но вызывающих опасение с точки зрения толерантности, корректности и уважения прав других людей. Для определения высказываний, подлежащих уголовно-правовому преследованию, со ссылкой на статью 20 МПГПП, предлагается шестиступенчатый тест: 1) контекст (социальный и политический), 2) оратор (положение и статус говорящего), 3) намерение (наличие умысла, так как халатность и безрассудство не являются основанием для ограничения свободы выражения мнения), 4) содержание или форма (стиль изложения, сбалансированность и характер аргументации), 5) степень публичности (доступность высказывания, характер адресата, значительность и размер аудитории), 6) вероятность реализации призыва, включая неотвратимость (действие, к которому побуждает высказывание, не обязано совершиться для того, чтобы высказывание могло быть признано преступным) [17, с. 132—134].

Признавая МПГПП в качестве международной правовой предпосылки противодействия реабилитации нацизма, полагаем, что законодатель Республики Беларусь должен учитывать и положения Рабатского плана. Предложенный тест основан на всестороннем анализе деяния и устанавливает достаточно высокий порог отнесения дискриминационных высказываний к категории преступлений, определяя признаки объективной и субъективной сторон состава. Анализ соответствия признаков состава преступления, установленного статьей 130¹ УК, указанным международным правовым стандартам и целесообразность внесения каких-либо изменений требуют отдельного исследования. Для целей же настоящей статьи отметим, что, не являясь по сути международной правовой предпосылкой криминализации, Рабатский план следует относить к международным правовым нормам рекомен-

дательного характера, устанавливающим стандарты криминализации опасных форм исторического ревизионизма.

Обобщение правовых рекомендаций ООН нашло свое отражение в принятой в 2013 г. общей рекомендации № 35 Комитета по ликвидации расовой дискриминации ООН (далее — КЛРД ООН). Ревизионизм, по смыслу рекомендации, подлежит криминализации, когда выступает способом совершения подстрекательства. Рекомендация выделяет два вида подстрекательства: прямое и косвенное. К возможным формам косвенного подстрекательства рекомендация относит распространение соответствующих материалов и речей, а также демонстрацию расистской символики [2, пп. 7, 16]. КЛРД ООН в указанном документе не связывает допустимость уголовной ответственности необходимостью установления факта наличия расистской или дискриминационной цели. Такой подход получил дальнейшее развитие в ряде региональных норм рекомендательного характера [9] (так же, как и Рабатский план, указанный документ КЛРД ООН представляет собой международные правовые нормы рекомендательного характера).

Анализируя международные правовые документы универсального характера, отдельно следует остановиться на резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН. Несмотря на то, что данные резолюции не являются источниками международного права и относятся к категории «мягкого права» (*soft law*), их значение для формирования императивных норм как в международном, так и в национальном праве неоспоримо. И. А. Черных, учитывая мнения ученых-юристов Ф. И. Кожевникова, Н. М. Минасяна и Г. И. Морозова, указывающих, что резолюции ООН относятся к обязательным правовым нормам при условии их единогласного принятия или принятия $\frac{2}{3}$ голосов, отмечает, что, не становясь источниками права, обязательные резолюции входят в процесс нормообразования [см.: 23]. О влиянии таких резолюций на принятие в Республике Беларусь Закона от 14 мая 2021 г. и криминализацию реабилитации нацизма указывалось Конституционным Судом [14; 15].

Начиная с 2005 г. резолюции ООН, направленные на противодействие наиболее опасным проявлениям исторического ревизионизма и героизации нацизма, принимаются ежегодно. Все резолюции ссылаются на Устав ООН и приговор Международного военного трибунала в Нюрнберге как на источники международного права, создающие юридические предпосылки негативной международно-правовой реакции на ревизионизм. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН не содержат прямых рекомендаций к криминализации, однако они определяют общие правовые подходы к указанной проблеме. В частности, в резолюции 72/156 содержится призыв к государствам к приня-

тию конкретных законодательных и правоохранительных мер в целях предотвращения пересмотра итогов Второй мировой войны и отрицания преступлений против человечности и военных преступлений, совершенных во время Второй мировой войны [1].

Помимо универсальных международных правовых норм, к правовым предпосылкам криминализации следует также относить некоторые документы регионального значения, принятые в рамках СНГ. В первую очередь следует отметить модельный закон «О недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников» (далее — модельный закон) [10]. В настоящее время это единственный рекомендательный законодательный акт регионального характера, содержащий определения таких терминов, как нацизм, нацистские преступники, нацистские пособники, реабилитация нацизма, и др. Однако прямых рекомендаций к криминализации данный закон не содержит. Вместе с тем следует согласиться с мнением И. Э. Мартыненко о том, что модельный закон составил сущностную основу белорусского законодательства о противодействии реабилитации нацизма [6, с. 193]. Положения модельного закона, в том числе использованные в нем термины и определения, в полной мере имплементированы в Закон от 14 мая 2021 г.

Помимо модельного закона, к международным правовым предпосылкам криминализации следует также относить и Соглашение о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 28 сентября 2018 г., согласно статье 3 которого участники обязуются признать в качестве уголовно наказуемого распространение с использованием сети Интернет или иных каналов электрической связи материалов, признанных в установленном порядке экстремистскими [18]. Согласно положениям статьи 1 Закона Республики Беларусь «О противодействии экстремизму», реабилитация нацизма относится к экстремистской деятельности [12]. Следовательно, положения указанного Соглашения в части определения форм и механизмов сотрудничества распространяются и на факты совершения актов реабилитации нацизма, при условии использования для подобных актов сети Интернет или иных каналов

электрической связи. Принятое же согласно Соглашению обязательство криминализации фактически реализовано в основном составе статьи 130¹ УК, где указано в качестве одного из признаков объективной стороны, характеризующих альтернативные способы совершения данного преступления.

Проведенное исследование позволяет заключить, что криминализация реабилитации нацизма обусловлена, в том числе международными правовыми предпосылками. К нормативным правовым документам, выступающим в качестве международных правовых предпосылок криминализации, следует относить положения статьи 4 МКЛРД и часть 2 статьи 20 МПГПП, нормы которых требуют запрета подстрекательства к дискриминации. Кроме того, предпосылками криминализации выступают положения рекомендательного характера, содержащиеся в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, направленных на противодействие героизации нацизма и расовой дискриминации. Региональными международными правовыми предпосылками криминализации являются положения модельного закона от 17 мая 2012 г. и Соглашения о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 28 сентября 2018 г.

Основываясь на признании в качестве международных правовых предпосылок криминализации положений МКЛРД и МПГПП, считаем, что к международным правовым документам, содержащим стандарты криминализации опасных форм исторического ревизионизма, проявляющегося, в том числе в виде реабилитации нацизма, необходимо относить замечание общего порядка КПЧ ООН № 34, Рабатский план действий по запрещению пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, а также общую рекомендацию КЛРД ООН № 35. Полагаем, что учет данных международных правовых стандартов при дальнейшем редактировании нормы статьи 130¹ УК и формировании правоприменительной практики будет способствовать как развитию внутригосударственных стандартов в области прав человека, так и выполнению Республикой Беларусь международных обязательств.

Список использованных источников

1. Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости: док. ООН A/RES/72/156 [Электронный ресурс] // Система официальной документации ООН. — Режим доступа: <<https://undocs.org/ru/A/RES/72/156>>. — Дата доступа: 27.02.2023.
2. Борьба с ненавистническими высказываниями расистского толка: общая рекомендация № 35: док. ООН CERD/C/GC/35 [Электронный ресурс] // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. — Режим доступа: <<https://www.ohchr.org/ru/documents/general-comments-and-recommendations/general-recommendation-no-35-2013-combating-racist>>. — Дата доступа: 10.02.2023.
3. Дорская, А. А. Официальная политика памяти: сравнительный анализ законодательства и судебной практики современных государств / А. А. Дорская, Д. А. Пашенцев // Журн. зарубеж. законодательства и сравнит. правоведения. — 2021. — Т. 17, № 6. — С. 5—15. (<https://doi.org/10.12737/jflcl.2021.061>)

4. Егорова, Н. А. Реабилитация нацизма: уголовно-правовой анализ / Н. А. Егорова // Криминолог. журн. Байкал. гос. ун-та экономики и права. — 2015. — Т. 9, № 3. — С. 494—503. ([http://dx.doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9\(3\).494-503](http://dx.doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(3).494-503))
5. Косолапов, М. Ф. Замечания общего порядка как источник международных стандартов в области прав человека / М. Ф. Косолапов // Вестн. Саратов. гос. юрид. акад. — 2018. — № 5 (124). — С. 166—176.
6. Мартыненко, И. Э. Правовые меры недопущения реабилитации нацизма: опыт Республики Беларусь / И. Э. Мартыненко // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. — 2022. — № 1 (48). — С. 191—202. (<https://doi.org/10.17308/vsu.pros.law.2022.1/3725>)
7. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации: [принята резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 дек. 1965 г.] [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/racesconv.shtml>. — Дата доступа: 10.02.2023.
8. Международный пакт о гражданских и политических правах: [принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 дек. 1966 г.] [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ractpol.shtml>. — Дата доступа: 12.02.2023.
9. О борьбе с языком ненависти: общеполитическая рекомендация Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью № 15: [принята 8 дек. 2015 г.] [Электронный ресурс] // Совет Европы. — Режим доступа: <<https://gm.coe.int/ecri-general-policy-recommendation-no-15-on-combating-hate-speech-russ/16808b5b07>>. — Дата доступа: 12.02.2023.
10. О недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников: модельный закон. Приложение к постановлению Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ № 37-18: [принят в г. Санкт-Петербурге 17 мая 2012 г.] [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН-ONLINE / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.
11. О недопущении реабилитации нацизма: Закон Респ. Беларусь от 14 мая 2021 г. № 103-З [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://pravo.by/document/?guid=12551&po=N12100103&r1=1>>. — Дата доступа: 05.02.2023.
12. О противодействии экстремизму: Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2007 г. № 203-З [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН-ONLINE / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.
13. О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь от 6 марта 2023 г. № 1 [Электронный ресурс] // Там же.
14. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении Уголовного кодекса Республики Беларусь»: решение Конституционного Суда Респ. Беларусь от 8 июля 2019 г. № Р-1180/2019 [Электронный ресурс] // Там же.
15. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О недопущении реабилитации нацизма»: решение Конституционного Суда Респ. Беларусь от 30 апр. 2021 г. № Р-1262/2021 [Электронный ресурс] // Там же.
16. Полещук, Д. Г. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: актуальные проблемы теории и практики: монография / Д. Г. Полещук. — Минск: Колорград, 2022. — 237 с.
17. Рабатский план действий по запрещению пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию: [принят в г. Рабате 5 окт. 2012 г.] // Методическое руководство по проведению религиозоведческой и комплексной судебной психолого-лингвистической экспертизы в Кыргызской Республике / под общ. ред. И. И. Ивановой. — Бишкек: Махprint, 2017. — 144 с.
18. Соглашение о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий: [закл. в г. Душанбе 28.09.2018 г.] [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН-ONLINE / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.
19. Статья 19: Свобода мнений и их выражения: замечание общего порядка № 34: док. ООН ССРР/С/СР/34 [Электронный ресурс] // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. — Режим доступа: <<https://www.ohchr.org/ru/documents/general-comments-and-recommendations/general-comment-no34-article-19-freedoms-opinion-and>>. — Дата доступа: 10.02.2023.
20. Уголовный кодекс Респ. Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: текст по сост. на 1 июня 2023 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН-ONLINE / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.
21. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г.: текст по сост. на 1 июня 2023 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2023.
22. Червонных, Е. В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных ст. 354.1 «Реабилитация нацизма» УК РФ, и отдельные проблемы ее правоприменения / Е. В. Червонных // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2015. — № 4. — С. 21—27.
23. Черных, И. А. Роль резолюций Генеральной Ассамблеи ООН в процессе формирования международного режима космической деятельности / И. А. Черных // Междунар. публич. и частное право. — 2016. — № 3. — С. 33—35.
24. Яцута, И. С. К вопросу об ответственности за пропаганду нацизма / И. С. Яцута // Борьба с преступностью: теория и практика: тез. докл. VII Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 5 апр. 2019 г. — Могилев: Могилев. Ин-т МВД, 2019. — С. 133—136.
25. Faurisson v. France: UN Doc. ССРР/С/58/Д/550/1993 [Electronic resource] // Office of the High Commissioner for Human Rights. — Mode of access: <<https://juris.ohchr.org/casedetails/654/en-US>>. — Date of access: 15.02.2023.

Статья поступила в редакцию 10 марта 2023 г., доработана в июне 2023 г.

АФРИКАНСКИЙ ВЕКТОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ВЕРХОВНОГО КОМИССАРА ООН ПО ДЕЛАМ БЕЖЕНЦЕВ В НАЧАЛЕ 1980-х гг.

Андрей Селиванов

Проанализированы документы Организации Объединенных Наций (доклады Верховного комиссара по делам беженцев и Генерального секретаря). Выделены основные направления деятельности Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН): от оказания чрезвычайной помощи беженцам в Африке до активного использования долговременных решений (в первую очередь добровольной репатриации). Сделаны выводы о том, что две международные конференции по оказанию помощи беженцам не привели к ожидаемым результатам. При этом роль УВКБ ООН по решению проблемы беженцев в Африке в целом следует оценивать положительно.

Ключевые слова: Африка; беженцы; миграция; УВКБ ООН.

«The African Direction of the United Nations High Commissioner for Refugees in the Early 1980s» (Andrey Selivanov)

United Nations documents (reports of the High Commissioner for Refugees and the Secretary-General) are analysed. The main directions of the activities of the Office of the UN High Commissioner for Refugees (UNHCR) are highlighted: from emergency assistance to refugees in Africa to active using of durable solutions (primarily voluntary repatriation). It is concluded that the two international conferences on refugee assistance in Africa did not lead to the expected results. However, the role of UNHCR in addressing the refugee problem in Africa should generally be assessed positively.

Keywords: Africa; migration; refugees; UNHCR.

Африканское направление в белорусских исторических исследованиях недостаточно хорошо развито, при этом континент в последнее время является одним из важнейших векторов международного сотрудничества нашего государства. Поэтому для эффективного взаимодействия с африканскими государствами необходимо тщательно изучать историю части света, подавляющее большинство стран которой получили независимость во второй половине XX в. При этом важно понимать, что серьезным элементом африканской истории являются потоки беженцев и мигрантов, вызванные внутри- и межгосударственными конфликтами. Большинство конфликтов началось с процессов деколонизации в 1950-е гг. Международное сотрудничество играло важную роль как в урегулировании конфликтов, так и в решении проблем миграции и беженцев.

В данной статье была поставлена цель охарактеризовать африканское направление деятельности УВКБ ООН в первой половине 1980-х гг. Для достижения данной цели следует оценить ситуацию с беженцами в Африке в

рассматриваемый период, показать роль УВКБ ООН в оказании им помощи, в том числе и путем организации международной поддержки Африке. При подготовке статьи были использованы в основном документы Организации Объединенных Наций.

Автор статьи уже обращался к международным мероприятиям по решению проблемы беженцев в Африке в XX в. [14]. Важными элементами взаимодействия государств и международных организаций являются две африканские конференции 1981 и 1984 гг.

Кроме того, отметим, что русскоязычная историография как по международному сотрудничеству в решении миграционных проблем в целом, так и по деятельности УВКБ ООН в Африке в рассматриваемый период достаточно скудна. Так, можно обратить внимание лишь на коллективную монографию [12]. Среди англоязычных авторов следует выделить, в первую очередь, А. Бетса, который достаточно подробно проанализировал деятельность УВКБ ООН в разных регионах мира, в том числе в Африке [15].

Автор:

Селиванов Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: selivanych@bsu.by
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Selivanov Andrey — Candidate of History, Associate Professor, Doctorant of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: selivanych@bsu.by
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Обращаясь к рассматриваемому периоду, отметим доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев на 36-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1981 г.), где подчеркнуты «вызывающие удовлетворение примеры добровольной репатриации, особенно приятным и радостным событием явилось возвращение бывших зимбабвийских беженцев на свою родину, недавно обретшую независимость» [6, с. 1].

Кроме того, показаны «положительные сдвиги... в решении проблем беженцев на основе добровольной репатриации или натурализации. Это, в частности, относится к Африке...» [6, с. 1].

В документе также обращено внимание на региональное сотрудничество. В 1980 г. по рекомендации Арушской конференции 1979 г. была создана Рабочая группа Организации африканского единства и УВКБ ООН. В докладе подчеркнуто, что она «обеспечила конструктивное рассмотрение различных важных вопросов, связанных с правовой защитой беженцев в Африке» [6, с. 1]. Отмечено, что 1970-е гг. характеризовались постепенным увеличением количества беженцев на африканском континенте, которое за десятилетие выросло с 750 тыс. до 5 млн человек [6, с. 23].

Важно обратить внимание на утверждение в данном докладе, что «Африка вступила в 80-е годы с пониманием проблем беженцев» [6, с. 23]. Это заключалось в том, что большинство африканских государств без каких-либо ограничений принимали беженцев, несмотря на их значительные потоки, активно применяли принцип невысылки [6, с. 23].

Аналогичный подход прослеживается и в докладе Объединенной инспекционной группы о роли УВКБ ООН в Африке. Интересна формулировка, приведенная в данном докладе: «Положение беженцев в Африке характеризуется одной положительной чертой, которая заслуживает особого упоминания: “Твой гость — твой король”, — это известный в регионе афоризм, который точно передает традиционное африканское гостеприимство и взаимовыручку во времена невзгод» [13, с. 4].

Известно, что наиболее острой проблема беженцев в Африке в рассматриваемый период была в регионе Африканского Рога и соседних с ним странах, а также на юге континента.

В соответствии с данными, приведенными в тексте доклада Верховного комиссара ООН по делам беженцев Генеральной Ассамблеи 1981 г., ситуация с беженцами в Африке по состоянию на конец 1980 г. по странам представлена в табл. 1.

Данные таблицы свидетельствуют о количестве беженцев в Африке в 3 млн человек. Однако, как было отмечено ранее, в докладе говорится о 5 млн беженцев. К сожалению, подтверждения численности 5 млн человек

после анализа текста доклада не обнаружено. Можно предполагать, что в течение 1980 г. оказывалась помощь еще 2 млн беженцев, которые не учтены в данной статистике. При этом уже в следующем докладе Верховного комиссара 1982 г. фраза звучит несколько по-другому: «Страны Африки по-прежнему предоставляют убежище приблизительно 5 млн беженцев и перемещенных лиц» [5, с. 21]. Возможно, в упомянутой статистике учитывались и внутренне перемещенные лица.

В то же время в уже упомянутом докладе Объединенной инспекционной группы отмечено, что с 1980 г. «число беженцев в регионе ежегодно превышало в среднем три миллиона человек» [13, с. 3].

В докладе 1982 г. появилась информация о сахарских беженцах в Алжире в количестве 150 000 человек. Статистика УВКБ ООН по беженцам в Африке по состоянию на конец 1981 г. приведена в табл. 2. Общее количество беженцев по данным этой таблицы также несколько превышало 3 млн человек [5, с. 22—23].

С 1983 г. структура доклада поменялась: к сожалению, в нем перестала публиковаться информация о ситуации с беженцами и деятельности по ее разрешению в конкретных африканских государствах. Появилась скупая сводка под названием «Ситуация в Африке» [1—4].

Следует отметить важность Международной конференции по оказанию помощи беженцам в Африке, которая прошла в Женеве 9—10 апреля 1981 г. Мероприятие преследовало следующие цели: 1) сосредоточить внимание на тяжелом положении беженцев в Африке; 2) мобилизовать дополнительные ресурсы для программ помощи беженцам в Африке; 3) помочь странам убежища нести бремя, налагаемое на них большим количеством беженцев [5, с. 22].

Важным предложением стал сбор средств для решения проблем беженцев на континенте. Так, было объявлено о выделении 560 млн дол. США. При этом отмечалось, что «секретариат Конференции составил документ... в котором содержатся все предложения... В этих предложениях содержится призыв об оказании помощи на общую сумму в 893 126 792,00 дол. США» [11, с. 6, 14].

Интересно, что в докладе Верховного комиссара ООН по делам беженцев Генеральной Ассамблеи отмечено, что «Конференции удалось привлечь внимание мировой общественности к судьбе беженцев в Африке и проблемам стран, предоставляющих убежище, в результате чего были объявлены взносы на вспомоществование в размере около 574 млн дол. США. Эти средства позволили частично финансировать осуществляемые в настоящее время программы для беженцев в Африке на 1981/1982 годы» [5, с. 22]. Несколько странно выглядит различие сумм. Кроме того,

Ситуация с беженцами в Африке по состоянию на конец 1980 г.

Страна	Всего беженцев, чел.	Основные страны исхода	Примечание
Ангола	73 000	Намибия, Заир, ЮАР	—
Ботсвана	1300	Ангола, ЮАР, Намибия	22 441 беженец добровольно репатриирован в Зимбабве
Джибути	25 000	Эфиопия	Присутствует значительная неустановленная группа беженцев в городских районах
Египет	5500		
Эфиопия	11 000	Судан	В 1979—1980 гг. помощь оказана около 300 000 человек
Кения	5800	Уганда	—
Лесото	10 000	ЮАР	
Мозамбик	150 000 (начало 1980 г.)	—	Примерно 28 000 зимбабвийских беженцев были репатриированы с помощью УВКБ ООН, значительное число беженцев вернулись на родину самостоятельно
Сомали	1 200 000	Эфиопия	—
Судан	480 000	Эфиопия, Уганда, Чад, Заир	
Свазиленд	Более 5000	ЮАР	
Уганда	113 000	Руанда	
Камерун	110 000	Чад	
Танзания	156 000	Бурунди, Заир	
Заир	До 400 000	Ангола, Уганда, Руанда, Замбия	
Замбия	36 000	Ангола, Намибия, Заир, ЮАР	
Другие страны	Более 250 000	—	

Источники: [6, с. 24—44].

не совсем понятен тезис о частичной финансируемости программ для беженцев. Так, например, в докладе указано, что состоялись консультации с донорами по вопросу «обязательств и взносов. Из полученных ответов явствует, что некоторые обязательства правительств-доноров являются той частью их взносов для программ различных организаций, которая будет направлена на программы оказания помощи беженцам в Африке» [10, с. 5]. Там же отмечено, что ЮНИСЕФ и Всемирная продовольственная программа не получали средств в рамках обязательств, принятых на конференции [10, с. 5—6].

Кроме того, как отмечает А. Беттс, конференция «в итоге не смогла удовлетворить принимающие государства в Африке, не оправдав их ожиданий в отношении дополнительных ресурсов» [15, р. 8].

По докладом Верховного комиссара ООН по делам беженцев Генеральной Ассамблеи была составлена сводная таблица (табл. 3) расходов УВКБ ООН на решение проблем беженцев в Африке.

В докладе 1982 г. отмечено, что УВКБ ООН совместно с правительствами принимающих государств старались осуществить программы оказания временной помощи, санитар-

ных услуг и удовлетворения минимальных продовольственных потребностей. Важным элементом помощи в разных странах стало также содействие беженцам в самообеспечении, самозанятости (например, в сельском хозяйстве), образовании [5, с. 21—44]. Верховный комиссар отметил значение долговременных решений проблемы беженцев, в первую очередь добровольной репатриации [5, с. 21]. В 1981 г. для решения вопросов размещения беженцев в принимающих странах было направлено более 97 млн дол. США. Почти 3,6 млн дол. США было предназначено для образования беженцев, 3,7 млн дол. США — для оказания помощи южной части Африки [5, с. 22].

Данные доклада 1983 г. свидетельствуют о развитии вектора добровольной репатриации в 1982 г.: отмечены завершение программы репатриации беженцев из Чада и расширение программы помощи беженцам, возвращающимся в Эфиопию, а также обсуждение создания ряда других проектов возвращения в родные страны. УВКБ ООН «по-прежнему осуществляло проекты по содействию самообеспечению, деятельности в области самопомощи и по обеспечению занятости, приносящей доход, в рамках основных программ» [3, с. 33].

Таблица 2

Ситуация с беженцами в Африке по состоянию на конец 1981 г.

Страна	Всего беженцев, чел.	Основные страны исхода	Примечание	
Алжир	150 000	Западная Сахара	—	
Ангола	73 000	Намибия, Заир, ЮАР		
Ботсвана	1300	Ангола, ЮАР, Намибия		
Бурунди	234 600	—	Была достигнута договоренность ограничить мероприятия по оказанию помощи группой около 50 000 человек, проживающих в сельских поселениях	
Чад	150 000 (репатрианты)	—	УВКБ ООН оказывало помощь еще 50 000 внутренних переселенцев	
Джибути	31 600	Эфиопия	—	
Египет	5500			
Эфиопия	11 000	Судан		
Кения	3400	Руанда, Уганда		
Лесото	10 000	ЮАР		
Марокко	500	—		
Мозамбик	100	—		
Руанда	18 000	Бурунди		
Сомали	700 000	Эфиопия		Приведенные данные использовались в качестве основы для составления программы УВКБ ООН на 1982 г.
Судан	550 000	Эфиопия, Уганда, Чад, Заир		—
Свазиленд	5600	ЮАР		
Уганда	113 000	Руанда		
Камерун	110 000	Чад		
Танзания	164 000	Бурунди, Заир		
Заир	До 365 000	Ангола, Уганда, Руанда, Замбия		
Замбия	40 500	Ангола, Намибия, Заир, ЮАР		
Зимбабве	111	ЮАР		
Другие страны	400 000	—		

Источник: [5, с. 21–44].

Таблица 3

**Общие расходы фондов УВКБ ООН
на решение проблемы беженцев в Африке, тыс. дол. США**

Год	Регулярный бюджет	Общие программы	Специальные программы	Всего
1980	—	100 099,3	70 791,3	170 890,6
1981	—	111 161,6	55 270,4	166 432,0
1982	3118,9	103 492,7	31 219,4	137 831,0
1983	3533,0	114 796,5	38 235,1	156 564,6
1984	2962,0	131 553,1	46 639,6	181 154,7
1985	2882,7	96 984,3	128 802,9	228 669,9

Источники: [1, с. 55; 2, с. 35; 3, с. 36; 4, с. 61; 5, с. 93; 6, с. 94].

Примечание. Данные по 1980 г. приведены для справки.

Следует также обратить внимание на пункт доклада, в котором было отмечено начало подготовки второй международной конференции по оказанию помощи беженцам в Африке. Так, упоминалось принятие Генеральной Ассамблеей ООН 18 декабря 1982 г. резолюции 37/197 с просьбой Генеральному секретарю о созыве в

1984 г. совместно с Организацией африканского единства и Верховным комиссаром ООН по делам беженцев второй международной конференции по оказанию помощи беженцам в Африке. Указывалось, что «подготовительная работа к Конференции ведется быстрыми темпами. Разрабатываются проекты, предусма-

тривающие непосредственную помощь беженцам, входящим в компетенцию УВКБ ООН, и кроме того, программы помощи, координируемые ПРООН и направленные на усиление инфраструктуры в странах, предоставляющих убежище» [3, с. 2].

В 1983 г. Управление усилило работу в рамках долгосрочных решений проблем беженцев в Африке. При этом УВКБ ООН старалось переходить от программ решения насущных вопросов обслуживания и поддержки к программам содействию добровольной репатриации или при наличии возможностей к расселению на местах. Как отмечено в докладе Верховного комиссара, «характерной чертой разработки программ УВКБ ООН в Африке в 1983 г. являлась подготовка всеобъемлющих планов действий в отношении основных программных областей для обеспечения достижения политических целей на координированной основе». При этом первостепенными вопросами оставались проблемы самообеспечения беженцев, получения доходов, образования и пр. Так, например, среди важнейших событий года выделена добровольная репатриация примерно 12 000 эфиопских беженцев из Джибути [4, с. 35].

К сожалению, в 1984 г. на африканском континенте разразилась серьезная засуха, главным образом в регионе Африканского Рога и прилегающих районах. Результатом стало смещение усилий с поиска долгосрочных решений на осуществление программ оказанию чрезвычайной помощи. При этом отмечено, что во второй половине года «Верховный комиссар был вынужден обратиться со специальным призывом начать осуществление программ по оказанию чрезвычайной помощи в целях спасения» пострадавших лиц, которых поддерживает УВКБ ООН в Сомали, Судане, Центральноафриканской Республике и Эфиопии [1, с. 31].

Важным событием деятельности УВКБ ООН на континенте стала вторая Международная конференция по оказанию помощи беженцам в Африке, прошедшая 9–11 июля 1984 г. При ее подготовке отмечалось, что первая конференция «не смогла мобилизовать дополнительную помощь, в которой нуждаются пострадавшие страны, с тем чтобы помочь в укреплении их потенциала для облегчения тяжелого бремени, ложащегося на экономику этих стран в результате присутствия большого количества беженцев» [8, с. 5].

В докладе Верховного комиссара ООН по делам беженцев «было предложено и включено в официальную документацию 128 проектов на сумму приблизительно 362 млн дол. США» [9, с. 5], а также были «объявлены взносы на сумму 18 531 828 дол.» [9, с. 19].

Представляется интересным положение доклада Верховного комиссара ООН по делам беженцев 1986 г.: «К концу отчетного периода значительное число проектов, учрежденных в

рамках второй Международной конференции по оказанию помощи беженцам в Африке, находилось в стадии осуществления или пересмотра для реализации на более позднем этапе» [2, с. 23].

Кроме того, обратим внимание на доклад Объединенной инспекционной группы о роли УВКБ ООН в Африке. В нем указано, что в ноябре 1984 г. благодаря усилиям Генерального секретаря ООН был создан Отдел чрезвычайных операций в Африке. В результате его деятельности в связи с обострением чрезвычайного положения в Африке некоторые ресурсы, которые планировалось задействовать в рамках программ второй конференции по Африке, были ограничены [13, с. 23–24]. Это негативно сказалось на реализации мероприятий по результатам конференции.

Программа, принятая по результатам конференции, и с точки зрения ее организации была воспринята как раздробленная между УВКБ ООН, Программой развития ООН и Организацией африканского единства (каждая структура несла ответственность за осуществление разных групп проектов) [13, с. 26].

В докладе Генерального секретаря в 1988 г. по вопросу второй Международной конференции отмечено, что значительная часть связанной с проектами деятельности «была приостановлена, поскольку международное сообщество предпринимало меры по ликвидации последствий засухи 1984–1985 годов в странах Африки». В дальнейшем ряд проектов был продолжен, «однако степень внимания, уделявшегося странам южной части Африки, не отвечала надеждам Конференции» [7, с. 3–4]. Интересно, что в этом докладе стоимость проектов, которые финансировались из Целевого фонда конференции, по состоянию на 15 апреля 1988 г., составила 6,6 млн дол. США [7, с. 14–15]. Безусловно, можно учитывать еще и Целевой фонд Программы развития ООН для помощи в осуществлении связанных с беженцами проектов развития в Африке и, возможно, другие проекты, но при этом заявленную сумму 362 млн дол. США вряд ли можно получить.

Все это дает основания исследователям утверждать, что, вторая конференция потерпела неудачу [15, р. 12].

Увеличение расходов УВКБ ООН в 1985 г. на оказание помощи беженцам также связано с засухой и ее последствиями: расходы, связанные с оказанием данной программы чрезвычайной помощи, составили 77,76 млн дол. США [2, с. 22]. При этом должное внимание уделялось и долговременным решениям (в первую очередь добровольной репатриации).

Таким образом, африканское направление деятельности УВКБ ООН в первой половине 1980-х гг. предусматривало оказание экстренной помощи беженцам (питание, медицинское обеспечение, образование и доступ к возмож-

ности заработать средства). К сожалению, засуха 1984—1985 гг. не позволила развивать вопросы долгосрочных решений, в первую очередь добровольной репатриации. Инициативы проектов и программ, которые были приняты в рамках двух международных конфе-

ренций, не получили необходимого развития. Признавая положительную роль УВКБ ООН в преодолении кризисов с беженцами, следует указать при этом на неспособность международного сообщества справиться с кризисами в Африке.

Список использованных источников

1. Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев: док. ООН А/40/12 [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. — Режим доступа: <<https://digitallibrary.un.org/record/98926>>. — Дата доступа: 01.03.2023.
2. Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев: док. ООН А/41/12 [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. — Режим доступа: <<https://digitallibrary.un.org/record/122279>>. — Дата доступа: 01.03.2023.
3. Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев: док. ООН А/38/12 [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. — Режим доступа: <<https://digitallibrary.un.org/record/62150>>. — Дата доступа: 01.03.2023.
4. Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев: док. ООН А/39/12 [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. — Режим доступа: <<https://digitallibrary.un.org/record/69290>>. — Дата доступа: 01.03.2023.
5. Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев: док. ООН А/37/12 [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. — Режим доступа: <<https://digitallibrary.un.org/record/36695>>. — Дата доступа: 01.03.2023.
6. Доклад Верховного комиссара ООН по делам беженцев: док. ООН А/36/12 [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. — Режим доступа: <<https://digitallibrary.un.org/record/23447>>. — Дата доступа: 01.03.2023.
7. Международная конференция по оказанию помощи беженцам в Африке: докл. Генерального секретаря: док. ООН А/43/533 [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. — Режим доступа: <<https://digitallibrary.un.org/record/47356>>. — Дата доступа: 01.03.2023.
8. Международная конференция по оказанию помощи беженцам в Африке: докл. Генерального секретаря: док. ООН А/38/526 [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. — Режим доступа: <<https://digitallibrary.un.org/record/56529>>. — Дата доступа: 01.03.2023.
9. Международная конференция по оказанию помощи беженцам в Африке: докл. Генерального секретаря: док. ООН А/39/402 [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. — Режим доступа: <<https://digitallibrary.un.org/record/697019>>. — Дата доступа: 01.03.2023.
10. Международная конференция по оказанию помощи беженцам в Африке: докл. Генерального секретаря: док. ООН А/37/522 [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. — Режим доступа: <<https://digitallibrary.un.org/record/37440>>. — Дата доступа: 01.03.2023.
11. Международная конференция по оказанию помощи беженцам в Африке: докл. Генерального секретаря: док. ООН А/36/316 [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. — Режим доступа: <<https://digitallibrary.un.org/record/21577>>. — Дата доступа: 01.03.2023.
12. Миграции в Африке / отв. ред. О. З. Муштук. — М.: Восточ. лит., 1994. — 190 с.
13. Роль Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев в Африке: записка Генерального секретаря: док. ООН А/41/380 [Электронный ресурс] // Цифровая библиотека ООН. — Режим доступа: <<https://digitallibrary.un.org/record/118965>>. — Дата доступа: 01.03.2023.
14. Селиванов, А. В. Краткий анализ резолюций Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам беженцев в XX в. / А. В. Селиванов // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. Вып. 10. — Минск: БГУ, 2022. — С. 57—70. (<https://doi.org/10.33581/2311-9470-2022-10-57-70>)
15. Betts, A. International cooperation and the targeting of development assistance for refugee solutions: Lessons from the 1980s: New Issues in Refugee Research: Working Paper N 107 / A. Betts. — Geneva: UNHCR, 2004. — 20 p. [Electronic resource] // Refworld. — Mode of access: <<https://www.refworld.org/docid/4ff2a5172.html>>. — Date of access: 01.03.2023.

Статья поступила в редакцию 23 июня 2023 г.

ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ В СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Виталий Барабаш

В статье освещаются место и эволюция проблемы границ в геополитике СССР и польского эмигрантского правительства в 1939—1945 гг. Ведущая роль в борьбе против фашистского блока дала возможность СССР последовательно реализовывать свою программу формирования послевоенных границ в Восточной Европе. На Тегеранской конференции 1943 г. и Ялтинской конференции 1945 г. линия Керзона была признана как основа советско-польской границы. Автор пришел к выводу о том, что решение «проблемы Беларуси» было подчинено геополитическим интересам великих держав.

Ключевые слова: геополитика; национальная политика; польский лондонский лагерь; Польша; советско-польская граница; советско-польские отношения; СССР.

«The Problem of Borders in Soviet-Polish Relations during World War II» (Vitaly Barabash)

The article considers the place and evolution of the border problem in the geopolitics of the USSR and the Polish emigrant government in 1939—1945. The leading role in the struggle against the fascist block gave the USSR an opportunity to implement consistently its programme of forming post-war borders in Eastern Europe. At the Tehran Conference of 1943 and the Yalta Conference of 1945, the Curzon Line was recognised as the basis of the Soviet-Polish border. The author came to the conclusion that the solution of the «Belarus problem» was subjected to the geopolitical interests of the great powers.

Keywords: geopolitics; national policy; Poland; Polish London camp; Soviet-Polish border; Soviet-Polish relations; USSR.

Проблемы советско-польских отношений в период Второй мировой более семи десятилетий являются объектом пристального внимания отечественной и зарубежной историографии. Несмотря на следование официальной доктрине, ряд изданий СССР и ПНР содержат обширный и ценный фактографический материал, в котором затрагивается решение «белорусского вопроса» в советско-польских отношениях [6; 10; 18—20; 32; 43].

Большие заслуги в исследовании темы в условиях отсутствия моноидеологического давления принадлежат представителям западной историографии, включая польскую эмиграцию. Однако многие публикации зарубежных исследователей отличаются субъективностью и тенденциозностью [25; 31; 35; 44].

В результате процесса демократизации на рубеже 1980—1990-х гг., открытия доступа к неизвестным ранее источникам были созданы условия для многопланового научного изучения истории Второй мировой войны. Вышедшие в Польше документы и монографии, прежде всего таких авторов как Ю. Туронок (переиздано в Вильнюсе) [21], Е. Дурачиньски [26], П. Еберхардт [27], В. Михович [30],

Я. Слюсарчик [42] и др., предоставляют возможность воссоздать более достоверную картину выработки внешнеполитического курса эмигрантского правительства, столкновения при его реализации с интересами советской стороны в борьбе за статус территории Беларуси.

Важную роль в расширении представления о проблеме играют исследования историков России. Масштабная работа осуществлена ими по изучению и изданию неизвестных прежде источников, посвященных дипломатической истории 1939—1945 гг. [5; 14]. Введение в научный оборот новых архивных документов в трудах М. Мягкова [8], В. Печатнова [11], О. Ржешевского [13] и др. позволяет детальнее рассмотреть позицию СССР и польского эмигрантского правительства в отношении Беларуси в годы войны.

Вопросы названной темы нашли отражение в историографии Республики Беларусь. В своих работах А. Великий [4], В. Снапковский [16], С. Хомич [22] рассматривают определение советско-польских рубежей как одну из самых сложных проблем в отношениях держав антигитлеровской коалиции.

Автор:

Барабаш Виталий Васильевич — кандидат исторических наук, доцент, директор ПОДО «Термострой», e-mail: vitali.barabash@yandex.by
ПОДО «Термострой». Адрес: 14а, ул. Гаспадарчая, г. Гродно, 230005, БЕЛАРУСЬ

Author:

Barabash Vitaly — Candidate of History, Associate Professor, Director of the Termostroy production company, e-mail: vitali.barabash@yandex.by
Termostroy production company. Address: 14a, Gaspadarchaya str., Grodno, 230005, BELARUS

Изданные отечественные и зарубежные публикации позволяют существенно расширить представление о процессе формирования западной белорусской границы в период Второй мировой войны. Однако при всех достижениях исторической науки проблема требует дальнейшего всестороннего и комплексного освещения.

Геополитическое положение Беларуси во многом предопределило ее драматическую историю. Территория нашей страны нередко становилась ареной ожесточенного противоборства соседних государств и цивилизаций. Изучение опыта советско-польского геополитического противостояния в период Второй мировой войны становится особенно актуальным в настоящее время, когда отношения между соседями Беларуси приобрели выраженный конфликтный характер.

Цель данной статьи — на основе современных исследований и новых источников представить основные этапы, методы и результаты борьбы между СССР и польским эмигрантским правительством в процессе формирования советско-польской границы в 1939—1945 гг.

Начало Второй мировой войны в сентябре 1939 г. кардинально изменило международную обстановку в Европе. В результате поражения Польской Республики и советско-германских договоров от 23 августа и 28 сентября 1939 г. была установлена новая граница СССР с Германией — территория Западной Беларуси отходила к Советскому Союзу. 2 ноября 1939 г. Верховный Совет СССР, а 14 ноября 1939 г. Верховный Совет БССР законодательно оформили включение Западной Беларуси в состав Советского Союза и объединение с Белорусской ССР [6, т. 7, с. 184—185].

После поражения Польши началось восстановление ее высших государственных органов в эмиграции. 30 сентября 1939 г. во Франции было образовано новое правительство Польши во главе с В. Сикорским [41, с. 189].

Вступив в борьбу с Германией за возрождение независимой Польши, польское эмигрантское правительство оказалось также в противостоянии политике СССР. Это нашло отражение в принятых 15 августа 1940 г. правительством Польши в изгнании программных тезисах внешней политики. Главным условием нормализации советско-польских отношений в документе выдвигалось признание межгосударственной границы до сентября 1939 г. [43, с. 176—178], что отвергало исторический акт воссоединения белорусского народа.

У союзников Польши (Франции и Великобритании) включение ее восточных территорий в состав СССР, сопровождавшееся заявлениями советского правительства о нейтралитете в войне, вызвало сдержанную реакцию. Границы Рижского договора 1921 г. французское и английское правительства не считали незыблемыми [30, с. 135; 32, с. 1, с. 144].

Нападение Германии на СССР в 1941 г. вызвало насущную необходимость для советского руководства поиска союзников в противостоянии агрессору. В развернувшемся процессе образования антифашистской коалиции на повестку дня встал вопрос восстановления официальных отношений между СССР и польским эмигрантским правительством. Предпринятые с этой целью в июле 1941 г. в Лондоне переговоры выявили серьезные противоречия. Намерением премьера В. Сикорского являлось восстановление границы с СССР согласно Рижскому договору 1921 г. Советская сторона в лице посла И. Майского выступала за то, чтобы за основу новых рубежей был взят этнический критерий [6, т. 7, с. 203—204]. Советско-польское соглашение, заключенное 30 июля 1941 г., аннулировало договоры между СССР и Германией 1939 г., определявшие территориальный раздел Польши. Вместе с тем соглашение не содержало условия восстановления границы Рижского договора [6, т. 7, с. 208]. В результате вопрос был оставлен открытым.

Следствием расхождения сторон по проблемам границы и гражданства стало их отсутствие в подписанной В. Сикорским и И. Сталиным 4 декабря 1941 г. в Москве декларации о дружбе и взаимной помощи [6, т. 7, с. 257].

Заключенные в 1941 г. соглашения с СССР польское правительство рассматривало как временные, подлежащие ревизии с завершением военных действий. Над польскими политиками довлели стереотипы опыта Первой мировой войны. У них были расчеты, что Вторая мировая война значительно обескровит Германию и Советский Союз. Как следствие, Великобритания и США станут главными архитекторами послевоенного миропорядка.

Намерением И. Сталина в ситуации, когда откладывалось открытие второго фронта в Европе, являлось заставить западных союзников пойти на политические уступки. Признание западной границы СССР по состоянию на 1941 г. предлагалось им как одно из условий советско-британского договора о военном союзе. Польское правительство предпринимало активные меры противодействия этому при поддержке Лондона и Вашингтона. Встретив сопротивление союзников, И. Сталин отступил. Подписанный 26 мая 1942 г. договор СССР и Великобритании не содержал упоминания о советско-польской границе [20, т. 1, с. 237—240], что, впрочем, не вызвало недовольства в Кремле. Как заявил И. Сталин: «Это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах... будем решать силой» [см.: 13, с. 122—123].

В целях консолидации антифашистских сил руководством СССР реанимировалась идея боевого единства славянских народов. Носившая преимущественно пропагандистский характер, она вместе с тем отражала и реальные намерения советской внешней политики. Под

эгидой объединения СССР в борьбе против германского агрессора ставилась задача противостоять антисоветским геополитическим проектам, разрабатывавшимся прежде всего в среде польского лондонского лагеря: правительства, политических и военных партий, организаций эмиграции и подполья, поддерживавших его. Реализовывать эти планы было предназначено образованному в Москве в октябре 1941 г. Всеславянскому антифашистскому комитету, в состав которого вошли коммунисты и представители левых сил славянских народов. Пропагандистская деятельность Комитета сыграла определенную роль в усилении международного сопротивления фашизму. Вместе с тем идея единославянского фронта как организации ультранационального движения была утопией, поскольку продолжали действовать и тенденции межславянского противостояния [3, с. 13].

Национальные проблемы занимали важное место также в политике польского эмигрантского правительства. Опубликованная в июле 1941 г. декларация принципов правительства провозглашала, что Польша будет демократическим государством, основанным на равенстве всех граждан без различия расы, вероисповедания и национальности. Этническим меньшинствам обещали предоставить возможность свободного политического, социального и культурного развития [39, с. 95].

Как одну из серьезных угроз для своей деятельности польское правительство воспринимало советский панславизм [38, t. 4, s. 85]. В связи с этим в геополитических проектах польского лондонского лагеря развивалась идея образования союза государств Восточной и Центральной Европы между Балтийским, Адриатическим и Черным морями в результате разгрома или паралича в итоге войны Германии и СССР [38, t. 4, s. 107; 39, s. 84]. Коалиция, в которую входили как славянские (включая и белорусский), так и неславянские народы, должна была создать мощный орган, способный выдержать натиск «восточного и германского империализмов». Ведущая роль в планируемой унии отводилась Польше как государству наиболее зрелому и сильному, учитывая территорию, численность населения, экономическое, культурное развитие, исторические традиции [23, s. 30; 28, s. 169—182]. Популярными были концепции об исторической и мессианской роли Польши, которая несколько сотен лет распространяла на белорусских и украинских землях христианскую и западную цивилизацию, оказавшуюся под угрозой уничтожения советами [28, s. 167—168; 38, t. 4, s. 82—93]. Наряду с признанием необходимости сохранения территориального минимума в соответствии с Рижским договором 1921 г. предполагалось, что граница Польши при благоприятной конъюнктуре должна пройти как можно дальше на восток [28, s. 181, 201—202].

Вопрос о суверенитете Украины и Беларуси возникал единственно с целью остудить желания притязаний руководства СССР на восточные территории Польши. Данные претензии могли быть предъявлены только в пользу Украины и Беларуси в случае приобретения ими действительной независимости [37, t. 3, s. 530].

Согласно аналитическим разработкам польского лондонского лагеря, не следовало опасаться избытка белорусского населения в Польше. Беларусь не имела условий для самостоятельной государственности, белорусский элемент был немногочисленным, с несформированным национальным самосознанием. Отмечались нехватка интеллигенции, отсутствие других необходимых условий: независимой Беларуси, открытых границ, выхода к морю и возможности для индустриализации [23, s. 30—31, 33, 36].

В связи с наметившимся переломом на фронте в пользу Красной Армии Москва приступила к разработке планов по расширению своего влияния на Центральную и Восточную Европу. Препятствием на этом пути оставалась бескомпромиссная позиция правительства В. Сикорского. Исходя из этого на рубеже 1942—1943 гг. Советским Союзом был взят курс на свертывание отношений с польским союзником. Следствием этого стала активизация противоборства между сторонами в дипломатических нотах и на страницах печати, в центре которого были проблемы границы и гражданства. В ноте от 16 января 1943 г. советское правительство заявило, что поляки, которые находились на территории Советского Союза, лишались польского гражданства и становились гражданами СССР [6, т. 7, с. 342—343]. Данное заявление вступало в противоречие с советско-польскими соглашениями 1941 г.

Польский премьер искал поддержки своей позиции у У. Черчилля и Ф. Рузвельта. В. Сикорский предлагал оказать давление на Москву, угрожая прекращением поставок по ленд-лизу. Однако его усилия были тщетны [32, cz. 1, s. 259—260]. В Лондоне и Вашингтоне в целом начинали принимать подходы руководства СССР по спорным проблемам с польским правительством. Свидетельством этому стали переговоры в США английского министра иностранных дел Э. Идена с Ф. Рузвельтом в марте 1943 г. На них было достигнуто неформальное соглашение по вопросам государственно-территориального устройства послевоенной Европы, в том числе советско-польской границы [27, s. 101].

13 апреля 1943 г. германское радио сообщило об обнаружении в Катынском лесу под Смоленском массового захоронения польских военнопленных офицеров, расстрелянных НКВД в 1940 г. [41, s. 50]. После того как В. Сикорский обратился за разъяснением к руководству СССР, И. Сталин использовал это как предлог

для прекращения 25 апреля 1943 г. официальных отношений с правительством Польши [6, т. 7, с. 356—357]. В изменявшейся в пользу Советского Союза военно-политической обстановке Кремль больше не видел необходимости считаться с «неудобным» союзником, полностью завладев инициативой в решении советско-польских проблем.

С 1943 г. советское руководство ставило задачу радикального усиления партизанского движения, а также борьбы против польского сопротивления в западных областях БССР. Этим вопросам были посвящены постановления февральского V Пленума ЦК КП(б)Б 1943 г. [9, ф. 4п, оп. 20, д. 213, л. 296—297] и решения, принятые ЦК КП(б)Б 22 июня 1943 г. [9, ф. 4п, оп. 3, д. 1243, л. 64—65, 78—90]. Результатом реализации указаний руководства БССР стала переборка в Западную Беларусь крупных партизанских формирований. Состав советского партизанского движения в регионе в течение 1943 г. увеличился примерно в 3 раза, создав значительное превосходство над местными отрядами польской Армии Крайовой [2, с. 224—225].

В целях противостояния советскому партизанскому и подпольному движению и расширения своего влияния польское эмигрантское правительство и подчиненное ему подполье направляли из Великобритании и Центральной Польши в западные области Беларуси офицеров, эмиссаров военных, политических партий и организаций, а также отдельные вооруженные формирования. Однако их численность составляла несколько сотен человек, что было несопоставимо с массовой передислокацией советских отрядов [33, с. 360—363; 36, с. 446].

Дипломатия СССР в противоборстве с польским правительством использовала как весомый аргумент переброску советских формирований и активизацию их деятельности в Западной Беларуси. В сентябре 1943 г. представитель высшего командного состава США генерал А. Ведемейер обсуждал на встрече с польскими офицерами, аккредитованными при Объединенном штабе союзников, помощь оружием Армии Крайовой. А. Ведемейер, ссылаясь на информацию советской военной миссии в Вашингтоне, констатировал, что «восточные территории Польской Республики уже сейчас под оккупацией и под контролем Советской России, там действуют боевые организации и советские диверсанты и партизаны» [34, с. 65].

Характерно, что в тот же период (осенью 1943 г.) отчеты польского подполья информировали об «окончательном установлении сферы деятельности» структур, подчиненных коммунистической Польской рабочей партии, границами Генерал-губернаторства. Территориальное разграничение с советской стороной в соответствии с указаниями руководства СССР проходило по линии р. Буг [17, с. 329—330].

Важное значение для решения вопросов послевоенного устройства мира имели договоренности, принятые на Тегеранской конференции 28 ноября — 1 декабря 1943 г. лидерами СССР, США и Великобритании. В качестве советско-польской границы была признана линия Керзона [18, с. 148—151]. Итоги высшего форума в Тегеране знаменовали полный успех И. Сталина. Западные союзники пошли ему навстречу в санкционировании территориальных приращений СССР 1939—1940 гг. Утрачивая Белосточчину, Советский Союз приобрел более ценную в стратегическом отношении часть Восточной Пруссии с Кенигсбергом.

Наступление Красной Армии и переход бывшей советско-польской границы побудили правительство Польши, возглавляемое тогда С. Миколойчиком, выступить 5 января 1944 г. с заявлением. В нем подтверждались права Польши на независимость, восстановление суверенной государственной власти на ее территории заключенными международными соглашениями, которые не могли быть изменены путем свершившихся фактов [6, т. 8, с. 14—15].

В ответном заявлении руководства СССР, опубликованном 11 января 1944 г., повторялось утверждение об установлении советско-польской границы в соответствии с волеизъявлением населения Западной Украины и Западной Беларуси, выраженным в ходе народных собраний в 1939 г. При этом впервые правительство СССР публично декларировало, что «не считает неизменными границы 1939 г. В эти границы могут быть внесены исправления в пользу Польши, чтобы районы, в которых преобладает польское население, были переданы Польше. В этом случае советско-польская граница могла бы пройти примерно по так называемой линии Керзона» [6, т. 8, с. 21—22].

19 марта 1944 г. состоялась встреча В. Молотова с послом Великобритании А. Керром. Представляя согласие правительства СССР на линию Керзона как уступку польской стороне, глава советского дипломатического ведомства констатировал: «В Белоруссии очень многие не соглашаются с тем, что такие районы, как, например, район Белостока, должны отойти к Польше. Таково мнение Председателя Совнаркома Пономаренко и других руководителей Белоруссии и белорусов, не говоря уже о жителях Белостокской области, где преобладает белорусское население» [12].

В действительности нет никаких сведений об обсуждениях СССР с органами власти и общественностью БССР вопроса о будущей границе. Белорусское руководство не оставляло надежды, что Белосточчина останется в составе Беларуси. Об этом свидетельствовало то, что весной 1944 г. ЦК КП(б)Б вел активную деятельность по подготовке к установлению советской власти после освобождения территории Белостокской области [24, с. 266—267].

Стратегическим планам Кремля были также подчинены решения о наделении советских республик внешнеполитическими полномочиями. 1 февраля 1944 г. Верховный Совет СССР принял закон «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних отношений и о преобразовании народного комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский» [7, с. 174]. Принятый закон провозглашал, что БССР получила право вступать в непосредственные отношения с заграничными государствами, обмениваться с ними дипломатическими и консульскими представительствами. Несмотря на формальное преобразование БССР в субъект международных отношений, в условиях тоталитарного режима проводить какую-либо самостоятельную от союзного центра политику было нереально. Официально осуществление конституционных изменений декларировалось в интересах национального развития республик. На практике нововведения были подчинены реализации взятого курса на расширение влияния СССР на международной арене. Принятые законы использовались затем как юридическая основа для постановки вопроса о предоставлении союзным республикам членства в создававшейся ООН [15, с. 6–7].

Смысл документа для многих в мире сразу стал очевиден. Английская газета «Обсервер» 6 февраля 1944 г. писала, что последствиями предоставления дополнительных полномочий станет то, что украинцы и белорусы будут более настойчиво, чем прежде, предъявлять свои требования к Польше. При этом Кремль получит возможность играть роль доброжелательного арбитра в случае конфликта между сторонами [1, ф. 566, оп. 5, д. 7, т. 4, л. 193].

Подобные предположения высказал американский посол в СССР А. Гарриман, заявив, что можно ожидать выдвижения советскими республиками более «амбициозных национальных требований», чем руководством СССР, и тем самым усиления рычагов Москвы в политическом торге [29, р. 304].

В период, следующий за Тегеранским форумом, позиции польского эмигрантского правительства значительно ухудшились. Противостоять территориальным притязаниям СССР приходилось при возрастающем давлении Великобритании. Вместе с тем У. Черчилль инициировал возобновление советско-польского переговорного процесса. В ходе конференции в Москве в октябре 1944 г. С. Миколайчик пытался отстаивать свои постулаты, но неожиданно ему было доведено до сведения, что на встрече в Тегеране линия Керзона получила одобрение лидеров Великобритании и США [6, т. 8, с. 274]. Под давлением У. Черчилля польский премьер готов был признать линию Керзона в качестве будущей границы. Однако, вернувшись в Лондон, он не добился согласия членов своего кабинета и подал в отставку [32, cz. 2, s. 72, 80–81].

Сформированный 29 ноября 1944 г. новый Совет министров Польши Т. Арцишевского принял стратегию, которая опиралась на отрицание компромиссов с руководством СССР. В результате польское правительство окончательно потеряло какое-либо влияние на решение западных союзников [30, s. 573–578].

Тем не менее, изменение военно-политической обстановки в пользу СССР заставляло модифицировать стратегические концепции польского лондонского лагеря. Дезактуализированы были распространенные до 1944 г. великодержавные проекты территориальных приращений Польши на востоке. На повестку дня уже ставился вопрос о возможности сохранения советско-польской границы 1939 г. [39, s. 85; 41, s. 208].

Принимая во внимание бескомпромиссную позицию эмигрантского правительства, И. Сталин поступательно реализовывал «левицкую альтернативу» — поддержку в установлении власти в Польше просоветских политических сил. 1 января 1944 г. в Варшаве была образована Крайова Рада Народова в качестве временного парламента польского народа [6, т. 8, с. 11–13]. Следующим шагом в этом процессе стало создание 21 июля 1944 г. временного органа исполнительной власти Польского комитета национального освобождения (ПКНО) под предводительством Э. Осубка-Моравского [6, т. 8, с. 148].

Сразу после образования ПКНО в Москве были предприняты переговоры с его представителями, в повестке которых первоочередное место занял вопрос о границе, основывавшейся на линии Керзона. Польская делегация намеревалась получить от советской стороны дополнительные территориальные уступки, в частности в отношении Беловежской пуши, расположенной на востоке от линии Керзона. В результате упорства делегации ПКНО И. Сталин заколебался в своей позиции: «Что мне с вами делать, я должен еще раз посоветоваться с белорусами перед окончательным решением» [40, s. 204]. В действительности мнения представителей Беларуси, как и прежде, серьезно не принимались в расчет.

В итоге заключенное 27 июля 1944 г. за подписью В. Молотова и Э. Осубка-Моравского соглашение о советско-польской границе признавало за Польшей г. Беловеж с частью пуши [6, т. 8, с. 156–157]. Предварительное соглашение с ПКНО стало основой окончательного установления границы между Польшей и СССР, несмотря на продолжение войны и проводившиеся переговоры между участниками антигитлеровской коалиции.

На Ялтинской конференции 4–11 февраля 1945 г. руководителями СССР, США и Великобритании договоренность об установлении советско-польской границы была принята официально. Западные рубежи Советского Союза

определялись вдоль линии Керзона с отступлением от нее на некоторых участках от 5 до 8 км в пользу Польши [19, с. 251].

Польское эмигрантское правительство 13 февраля 1945 г. заявило о непризнании ялтинских договоренностей и расценило их как новый раздел Польши [38, t. 8, s. 238—239]. Однако протесты правительства в изгнании не принимались во внимание ни Москвой, ни западными союзниками. Война с Германией привела, вопреки необоснованным расчетам политиков польского лондонского лагеря, к укреплению могущества СССР. Союзные державы готовились к разгрому Японии. Значительная роль, которая отводилась в предстоявшей кампании Красной Армии, позволила Кремлю полностью завершить реализацию своих планов.

Заключительным этапом в процессе формирования советско-польской границы стал договор, подписанный в Москве 16 августа 1945 г. с Временным правительством национального единства Польши, также подконтрольным Кремлю, но уже имевшим международно-правовое признание. Договор подтверждал

установление границы вдоль линии Керзона и уступку дополнительно в пользу Польши части территории Беловежской пуши на участке Немиров — Яловка максимально на 17 км [6, т. 8, с. 541—542].

Таким образом, в период Второй мировой войны Беларусь оказалась в орбите активной международной политики. Ведущая роль в противостоянии Германии позволила СССР реализовать программу включения Восточной Европы в сферу своего влияния. В соответствии с ней была определена и западная белорусская граница.

Решение «белорусского вопроса» было подчинено геополитическим интересам государств антигитлеровской коалиции. Декларированные заявления как советского руководства, так и польского эмигрантского правительства о необходимости удовлетворения потребностей национального развития белорусского народа служили собственным политическим целям и не подкреплялись практическими действиями. Несмотря на весь драматизм событий, в период Второй мировой войны был осуществлен процесс воссоединения белорусской нации.

Список использованных источников

1. Архив внешней политики Российской Федерации.
2. Барабаш, В. В. Беларусь в советско-польских отношениях в период Второй мировой войны / В. В. Барабаш. — Гродно: ЮрСаПринт, 2017. — 398 с.
3. Волокитина, Т. Славянская идея в годы Второй мировой войны / Т. Волокитина // Шлях да ўзаемнасці: матэрыялы XVIII міжнар. навук. канф., Гродна, 15—16 ліст. 2012 г. — Ліда, 2014. — С. 11—16.
4. Вялікі, А. Ф. Беларусь у савецка-польскіх міждзяржаўных адносінах 1944—1959 гг. / А. Ф. Вялікі. — Мінск: БДПУ, 2010. — 248 с.
5. Документы внешней политики СССР. В 25 т. Т. 22—24 / редкол.: В. Г. Комплектов [и др.]. — М.: Междунар. отношения, 1992—2010.
6. Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 12 т. / под ред. И. А. Хренова и В. Т. Ковальского. — М.: Наука, 1963—1985. — Т. 7: 1939—1943 гг. — 1973. — 510 с.; Т. 8: Январь 1944 г. — декабрь 1945 г. — 1974. — 680 с.
7. Знешняя палітыка Беларусі: зб. дак. і матэрыялаў: у 10 т. / М-ва знеш. спраў Рэсп. Беларусь [і інш.]. — Мінск: БДУ, 1999—2010. — Т. 4: Чэрвень 1941 — жнівень 1945 г. / склад.: Н. М. Дзятчык [і інш.]. — 2001. — 394 с.
8. Мягков, М. Ю. Проблема послевоенного устройства Европы в американо-советских отношениях 1941—1945 / М. Ю. Мягков. — М.: ИВИ РАН, 2006. — 278 с.
9. Национальный архив Респ. Беларусь.
10. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941—1945: в 2 т. / под ред. А. А. Громыко. — М.: Политиздат, 1989.
11. Печатнов, В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: док. очерки / В. О. Печатнов. — М.: Терра: Книжный клуб, 2006. — 752 с.
12. Прием английского посла Керра, 19 марта 1944 г. в 22 часа [Электронный ресурс] // СССР и союзники: документы Архива МИД России о внешней политике и дипломатии ведущих держав антигитлеровской коалиции. — Режим доступа: <https://agk.mid.ru/DATA/6_6_15/00000122.jpg>. — Дата доступа: 12.12.2022.
13. Ржешевский, О. А. Сталин и Черчилль / О. А. Ржешевский. — М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. — 336 с.
14. Ржешевский О. Война и дипломатия: документы, комментарии (1941—1942) / О. Ржешевский. — М.: Наука, 1997. — 288 с.
15. Снапковский, В. Е. Путь Беларуси в ООН. 1944—1945 гг. / В. Е. Снапковский. — Минск: Навука і тэхніка, 1994. — 141 с.
16. Снапкоўскі, У. Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі 1944—1945 гг. / У. Снапкоўскі. — Мінск: Беларус. навука, 1997. — 207 с.
17. Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 г. — декабрь 1945 г. В 3 т. Т. 1: Апрель 1943 г. — август 1944 г. Ч. 1: Апрель 1943 г. — март 1944 г. / отв. сост. О. К. Иванцова. — М.: МФД, 2018. — 864 с.
18. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.: сб. док. В 6 т. Т. 2: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). / под ред. А. А. Громыко. — М.: Политиздат, 1984. — 175 с.
19. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.: сб. док. В 6 т. Т. 4: Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.) / под ред. А. А. Громыко. — М.: Политиздат, 1984. — 302 с.
20. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945: док. и материалы: в 2 т. / под ред. А. А. Громыко. — М.: Политиздат, 1983.
21. Туронак, Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі / Ю. Туронак. — Вільнюс: Ін-т беларусістыкі, 2006. — 877 с.
22. Хомич, С. Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo / С. Н. Хомич. — Минск: Экопроект, 2011. — 416 с.

23. Archiwum A. Bienia. Akta narodowościowe (1942–1944) / pod red. L. Nowak [i inni]. — Kraków, 2001. — 551 s.
24. Boćkowski, D. Na zawsze razem. Białostoczczyzna i Łomżyńskie w polityce radzieckiej w czasie drugiej wojny światowej (IX 1939 – VIII 1944) / D. Boćkowski. — Warszawa, 2005. — 333 s.
25. Ciechanowski, J. Powstanie Warszawskie. Zarys podłoża politycznego i dyplomatycznego / J. Ciechanowski. — Warszawa: Państwowy instytut wydawniczy, 1984. — 534 s.
26. Duraczyński, E. Polska. 1939–1945. Dzieje polityczne / E. Duraczyński. — Warszawa: Wiedza Powszechna, 1999. — 636 s.
27. Eberhardt, P. Polska granica wschodnia. 1939–1945 / P. Eberhardt. — Warszawa: Ed. spotkania, 1993. — 224 s.
28. Giedroń, M. Wizja Polski w myśli politycznej PPS-WRN, SL, SN, i SP w latach 1939–1945 / M. Giedroń. — Szczecin: Wyd. Naukowe uniwersytetu Szczecińskiego, 2003. — 238 s.
29. Harriman, W. A. Special envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946 / W. A. Harriman, E. Abel. — New York, 1975. — 596 p.
30. Historia dyplomacji Polskiej (połowa X–XX w.). W 5 t. T. 5 / pod red. W. Michowicza. — Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 1999. — 845 s.
31. Karski, J. Wielkie mocarstwa wobec Polski 1919–1945 od Wersalu do Jałty / J. Karski. — Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1992. — 548 s.
32. Kowalski, W. Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie (1939–1945): w 2 cz. / W. Kowalski. — Warszawa: Książka i wiedza, 1985.
33. Krajewski, K. Uderzeniowe Bataliony Kadrowe 1942–1944 / K. Krajewski. — Warszawa: Instytut Wyd. PAX, 1993. — 608 s.
34. Mitkiewicz, L. W najwyższym sztabie zachodnich aliantów 1943–1945 / L. Mitkiewicz. — London: Veritas, 1971. — 295 s.
35. Pobóg-Malinowski, W. Najnowsza historia polityczna Polski 1864–1945. W 3 t. T. 3 / W. Pobóg-Malinowski. — Londyn, 1986. — 930 s.
36. Polski czyn zbrojny w II wojnie światowej. Polski ruch oporu 1939–1945 / red. B. Kołbuszewski [i inni]. — Warszawa: MON, 1988. — 1238 s.
37. Polskie dokumenty dyplomatyczne. W 3 t. T. 3: 1941 / red. J. Tebinka. — Warszawa: PISM, 2013. — 976 s.
38. Protokoły z posiedzeń Rady Ministrów Rzeczypospolitej Polskiej: zb. dok.: w 8 t. / pod red. M. Zgórnika. — Kraków: Secesja, 1994–2008.
39. Przybysz, K. Polska myśl polityczna 1939–1945. Zarys problematyki / K. Przybysz. — Warszawa: Oficyna Wyd. ASPRA, 2000. — 266 s.
40. Puacz, E. Sprawa granic Polski w układach między Polskim Komitetem Wyzwolenia Narodowego i ZSSR / E. Puacz // Zeszyty Historyczne. — 1969. — Z. 15. — S. 202–204.
41. Słownik historii Polski 1939–1948 / pod red. A. Chwałby i T. Gąsowskiego. — Kraków: Księgarnia akademicka, 1996. — 256 s.
42. Ślusarczyk, J. Stosunki polsko-sowieckie 1939–1945 / J. Ślusarczyk. — Toruń: Wyd. A. Marszałek, 2000. — 376 s.
43. Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej: zb. dok. / komitet red.: T. Cieślak [i inni]. — Warszawa: Państwowe Wyd. Naukowe, 1965. — 837 s.
44. The Great Powers and the Polish Question 1941–1945. A documentary Study in Cold War Origins / ed. by A. Polonsky. — London: London School of Economics and Political Science, 1976. — 282 p.

Статья поступила в редакцию 7 марта 2023 г., доработана в июне 2023 г.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЙСКО-РОССИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ло Сюань

В статье рассматриваются мнения российских и китайских ученых в контексте взаимодействия национальных экономических и политических интересов двух держав в Арктическом регионе, выявляются перспективы и препятствия на пути укрепления китайско-российского сотрудничества по арктическим вопросам. Автор делает вывод о том, что Китай будет стремиться к дальнейшему усилению своей роли в Арктике в качестве законного участника Арктического союза посредством торгово-экономических сделок и инвестирования российских проектов в обмен на доступ к природным ресурсам и развитие Северного морского пути.

Ключевые слова: Арктика; российско-китайское сотрудничество; Северный морской путь; торгово-экономические отношения.

«Main Results and Prospects of Sino-Russian Cooperation in the Arctic Region as Evaluated by Russian and Chinese Scientists in Russian-Language Literature» (Luo Xuan)

This article examines the opinions of Russian and Chinese scientists in the context of the interaction of the national economic and political interests of the two powers in the Arctic region, identifies prospects and obstacles for strengthening Sino-Russian cooperation on Arctic issues. The author concludes that China will seek to further strengthen its role in the Arctic as a legitimate participant in the Arctic Union through trade and economic transactions and investment of Russian projects in exchange for access to natural resources and the development of the Northern Sea Route.

Keywords: Arctic; Northern Sea Route; Sino-Russian cooperation; trade and economic relations.

Россия все больше внимания уделяет освоению Арктики как способу укрепления своей экономической базы. Однако долгосрочные тенденции на энергетических рынках и военный конфликт в Украине с последующими санкциями США и Европейского союза наложили ограничения на участие западных компаний в российских энергетических проектах в Арктике. Это побудило Россию пристальнее обратить внимание на Азию, в частности на Китай, в поисках вероятных инвесторов и технологических партнеров, а также основного потребительского рынка.

В то же время Китай стремится к дальнейшему укреплению своего участия и роли в Арктике на правах полноправного члена Арктического союза с помощью диверсификации и двусторонних договоров с арктическими государствами в сфере экономики, науки и дипломатии.

Актуальность темы статьи заключается в потребности сравнительного анализа позиций российских и китайских ученых по вопросу

противоречий между Россией и Китаем в Арктическом регионе с учетом потенциала сотрудничества, к основным направлениям которого можно отнести: 1) освоение нефтяных и газовых месторождений; 2) развитие инфраструктуры Северного морского пути (СМП), увеличение объема и количества перевозок; 3) взаимодействие в области охраны окружающей среды; 4) развитие сферы критических технологий; 5) организация туризма; 6) формирование технологий по добыче экологически чистой энергии.

Цель статьи — выявить перспективы и препятствия китайско-российского партнерства в Арктике на основе работ русских и китайских ученых в русскоязычной литературе.

Китай во многом зависит от России как крупнейшего арктического государства в вопросах активизации своей деятельности и укрепления роли в качестве законной заинтересованной стороны в регионе, и поддержка России необходима для обеспечения места за

Автор:

Ло Сюань — аспирант кафедры политологии факультета Восточного института — Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, e-mail: xuan80202@gmail.com
Дальневосточный федеральный университет. Адрес: 10, о. Русский, Владивосток, 690922, РОССИЯ

Author:

Luo Xuan — post-graduate student of the Department of Political Studies of the Institute of Oriental Studies — School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, e-mail: xuan80202@gmail.com
Far Eastern Federal University. Address: 10, Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, RUSSIA

столом переговоров при обсуждении и разработке будущего Арктики. С момента получения статуса наблюдателя в Арктическом совете в 2013 г. Китай в целом стремился преуменьшить свои политические и стратегические амбиции в Арктике и подчеркивал научные интересы и научно-экономическое партнерство. Но в настоящее время Китай стремится постепенно укрепиться в Арктике и со временем занять лидирующую позицию.

Спрос Китая на энергоресурсы и полезные ископаемые продолжает расти, поэтому правительство КНР видит большой потенциал Арктики, Дальнего Востока и Сибири в качестве не только источников углеводородов и других полезных ископаемых, но и экспортных рынков и получателей-партнеров. Примером может служить участие Китая в проекте по производству сжиженного природного газа (СПГ) на Ямале, который с китайской стороны не рассматривается как часть китайской арктической политики, поскольку переговоры по нему ведут не политики, а люди «с энергетическим опытом и интересами» [16, с. 14].

Аспектам развития и рискам китайско-российского партнерства в Арктическом регионе посвящен ряд экономических, политических и правовых исследований ученых и международных экспертов двух стран. Российскую сторону интересуют совместная научная работа по освоению Арктического региона, проблемам и путям преодоления кризисных моментов экономического сотрудничества на равноправных взаимовыгодных условиях, возможным угрозам со стороны Китая политическим интересам России и экологической системе региона. В то же время ряд авторов акцентируют негативные стороны и разногласия России и Китая по арктическим вопросам, а политика Китая в Арктике рассматривается с позиций ущемления российских национальных интересов.

Всесторонний взгляд на проблему представлен в книге В. Е. Петровского и Л. В. Филипповой [23], с позиции как России, так и Китая исследующих основы международно-правового режима Арктики, вопросы безопасности в регионе, институциональные механизмы взаимодействия двух стран, проекты экономического и научного сотрудничества, перспективы развития СМП. Авторы приводят доказательства того, что арктическая наука Китая еще не оформилась как самостоятельное направление (в стране отсутствуют НИИ и центры, специализирующиеся на арктических вопросах), что «создает серьезные опасения относительно возможности долгосрочного и равноправного двустороннего сотрудничества при проведении исследований Арктики» между Россией и КНР [23, с. 136]. Учитывая, что интерес Китая к Арктике лежит не в политической, а в экономической плоскости, России следует повысить конкурентные преимущества предла-

гаемых инвестиционных проектов. При этом текущая модель сотрудничества — «китайские инвестиции и технологии в обмен на доступ к российским ресурсам» — может быть выгодной для обеих сторон: Россия получит деньги и сможет построить новую арктическую инфраструктуру, а КНР, кроме дохода от инвестиций, расширит ресурсную базу и увеличит экспорт технологий [23, с. 78]. В результате анализа исследователи приходят к выводу, что у России и Китая нет серьезных разногласий и непримиримых интересов в Арктическом регионе, а существующие проблемы могут быть урегулированы в ходе переговоров [23, с. 138].

Международное сотрудничество в научно-исследовательской сфере является предметом изучения сотрудников Арктической общественной академии наук [19], Байкальского государственного университета [11; 31], Института исследований международных экономических отношений [22; 24]. Экономическим аспектам, которые тесно переплетены с научными изысканиями и политическими интересами, российско-китайского сотрудничества в Арктике посвящены статьи Н. В. Васильевой [5], Д. Н. Веселовой [6], В. Л. Ерохина [13; 14], М. А. Казакова и М. С. Лысцева [15], Я. В. Лексютинной [16; 17; 27], международного обозревателя С. Манукова [18], исследователей Центра научной политической мысли и идеологии М. Н. Ананьевой и П. А. Грачёва [2], старшего научного сотрудника центра «Россия, Китай, мир» Института Китая и современной Азии РАН Л. В. Филипповой [26]. Негативную оценку намерениям и действиям Китая в Арктике дают О. Б. Александров [1], П. А. Гудев [9], Н. Ю. Гусевская и Ю. В. Муромова [10], А. В. Загорский [12], Ю. В. Морозов и А. Ф. Клименко [20], В. Л. Нежданов [21].

Необходимость проведения российско-китайских научных исследований, ориентированных на развитие и освоение Арктики, подчеркивают, как правило, российские ученые. Так, президент Арктической общественной академии наук В. Б. Митько и вице-президент М. В. Минина считают, что сотрудничество с Китаем в Арктике для России является движущей силой надежного развития региона и поддержкой региональной и глобальной безопасности, особенно по аспектам общего применения СМП и строительства Ледового Шелкового пути (другими авторами используется термин «Арктический пояс Шелкового пути» [22]), научно-исследовательских изысканий в сфере ледового судоходства, применения инноваций в логистических услугах по перевозке грузов, создания и использования современной транспортной инфраструктуры Евразии. По их мнению, имеется острая необходимость создания Российско-Китайского научного центра на базе Цзилиньского университета и Академии военных наук Российской Федерации, который займется разработками безопас-

ных морских маршрутов Ледового Шелкового пути, используя навигационные спутниковые системы *GLONASS* и *Beidou* [19].

В круг научных интересов Байкальского государственного университета на протяжении нескольких лет также входят различные аспекты российско-китайских арктических отношений. Например, С. В. Чупров призывает российских и китайских ученых к совместным научным исследованиям, направленным на предотвращение кризисных тенденций и поддержание взаимовыгодных партнерских отношений между Россией, Китаем и международным сообществом. К перспективным направлениям науки он относит адаптацию национальной экономики к вызовам XXI в., проблемы глобализации и эффективного встраивания в мировые экономические отношения с ведущими экономиками мира, глобальную экономику и взаимодействие стран БРИКС в конкурентной мировой среде, эволюцию национальной промышленности в процессе перехода от индустриальной к постиндустриальной экономике [31].

Особый интерес у российских исследователей вызывают экономические и политические аспекты российско-китайского сотрудничества в Арктике. Например, коллектив авторов Института исследований международных экономических отношений, анализируя российские и китайские интересы в процессе реализации Ледового Шелкового пути, считают целесообразным: 1) создание межгосударственного консорциума по арктическим программам, который в первую очередь разработает план строительства и совместной эксплуатации кораблей ледового класса; 2) проектирование дорожной карты с учетом взаимных интересов [22; 24]. Китай имеет технические проблемы в сфере строительства ледокольных судов и атомных ледоколов: в целях их решения планируется увеличение китайских инвестиций в экономику стран Арктического союза. При этом, по мнению авторов, Китай не собирается «проводить политику экспансии в процессе осуществления проекта, а будет стремиться к нахождению консенсуса для обеспечения национальных интересов сторон» [22, с. 6, 17].

Появление новых рабочих мест и крупных инфраструктурных проектов причисляются А. А. Дюг и А. П. Буюковой к финансово-выгодным направлениям российско-китайского сотрудничества в рамках концепции «Арктический пояс Шелкового пути» [11]. Северный маршрут способен в 4 раза сократить время и расстояние доставки китайских товаров на европейский рынок. Серьезные риски для России авторы видят в том, что Китай будет стремиться занять главенствующую позицию на СМП в целях снижения издержек на перевозки.

При оценке использования СМП как экономического коридора В. Л. Ерохин приходит к выводу, что сотрудничество с Россией, кроме

коммерческих перспектив, содержит большие риски для Китая [13; 14]. Основными проблемами остаются: 1) неразвитость инфраструктуры Арктического региона; 2) высокая стоимость российской ледокольной проводки, что «нивелирует экономические преимущества использования СМП по сравнению с маршрутом через Суэцкий канал» [13, с. 26]. Для повышения инвестиционной привлекательности российской Арктики и создания современной транспортно-логистической базы от России требуется изменение таможенного, налогового, иммиграционного законодательства, что и затягивает реализацию концепции «Синего экономического коридора» между Северным Ледовитым океаном и Европой.

Подобной точки зрения придерживается и Н. В. Васильева, считая, что налоговое законодательство Российской Федерации тормозит развитие российско-китайских отношений в экономической сфере, в частности неблагоприятным фактором выступает отсутствие налоговых льгот для совместных предприятий [5]. В качестве пути решения данной проблемы автор предлагает на семь лет (срок окупаемости любого инвестиционного проекта) ввести в действие налоговые преференции для китайских компаний.

Осложняющим фактором китайско-российского сотрудничества в Арктике Я. В. Лексютина видит возможную угрозу экологической системе и национальной безопасности России из-за усиления китайского присутствия в регионе [17; 27]. Позитивным моментом выступает сотрудничество в сфере арктического туризма. Развитие контактов обусловлено совпадением ряда интересов: Китаю необходимы энергетическая безопасность, диверсификация источников ресурсов и торгово-транспортных путей, Россия же заинтересована в экспорте энергоресурсов в Китай, китайских инвестициях в Арктику и развитии судоходства по СМП. Анализ современного состояния российско-китайского сотрудничества в Арктике свидетельствует о преувеличении прогнозов западных экспертов о неизбежности столкновения интересов двух стран в данном регионе.

Д. Н. Веселова из выделенных направлений сотрудничества Российской Федерации и КНР в Арктике приоритетными векторами развития считает добычу газа и нефти, поставку углеводородов из России в Китай, совершенствование инфраструктуры вдоль СМП и увеличение количества перевозок по нему [6]. Противоречия заключаются в том, что Китай расценивает Арктику как мировое достояние и считает, что неарктические государства также имеют право глобального управления данным регионом. Такая позиция, по мнению России и приарктических держав, задевает национальные интересы и угрожает их суверенитету. К ограничивающим факторам сотрудничества между Китаем и Россией эксперт причисляет

СМП: Китай, США и Канада оспаривают право России называть его «исторически сложившейся национальной единицей транспортной коммуникации России в Арктике». К числу разногласий относятся и намерения Пекина расширить свой ледокольный флот и добиться мирного прохода китайских военных кораблей через экономические зоны арктических государств.

На отрицательных моментах коммуникации России и Китая по данному вопросу заостряют внимание Н. Ю. Гусевская и Ю. В. Муромова [10]. Они, в частности, отмечают: 1) недовольство КНР высокими тарифами российской стороны по использованию СМП и привлечению ледоколов; 2) обеспокоенность Китая по вопросу расширения суверенных прав арктических держав и уменьшения зоны международных арктических вод; 3) отсутствие в Китае экологических законов в сфере добычи ресурсов. Делается предположение, что Китай постарается достичь придания статуса международных проливов самым кратким арктическим маршрутам, что приведет к конфронтации интересов КНР и России.

Эксперт Института актуальных международных проблем В. Л. Нежданов высказывает мнение о том, что позиционирование Китая себя как «околоарктической» страны и взгляд на Арктику как на международное достояние могут быть использованы Россией в своих интересах [21]. Основными препятствиями на пути осуществления совместных арктических проектов он видит отсутствие сотрудничества между малым и средним бизнесом двух стран в регионе, недостаток централизованного управления китайскими арктическими проектами. Интересы Китая в Арктике — добыча и покупка полезных ископаемых, использование морских путей, научные исследования — оцениваются В. Л. Неждановым как легитимация китайской экономической активности на Севере.

Ряд российских ученых, в частности О. Б. Александров [1], А. В. Загорский [12], Ю. В. Морозов и А. Ф. Клименко [20], считают Китай опасным конкурентом в Арктическом регионе, а его намерения потенциально экспансионистскими. Ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН П. А. Гудев убежден, что политика Пекина по признанию Арктики международной зоной и стремление использовать ее ресурсы идут вразрез с национальными интересами России. Он обвиняет китайскую «Белую книгу» по Арктике в излишней претенциозности, необоснованных амбициях, непоследовательности, отмечая также ряд правовых ошибок и географических нелепостей типа понятия «околоарктическое государство» [9, с. 176].

В ближайшее время магистральным направлением развития российско-китайского арктического сотрудничества, по мнению

М. А. Казакова, станут нефтегазовая и транспортная сферы [15]. К важным совместным проектам причисляются «Ямал СПГ», железная дорога из Архангельска в Пермь «Белкомур», строительство глубоководного района «Северный» в Архангельском морском порту. Реализация проекта «Ледовый Шелковый путь» создаст выгодные условия для транзита грузов через Россию, соединив государства Северной Европы с Казахстаном и республиками Средней Азии. Автор согласен с мнениями некоторых экспертов, что Китай попытается стать государством, оказывающим влияние на геополитику региона, что повышает риск экономического доминирования КНР на российском Дальнем Востоке и в Сибири. По прогнозам, в условиях санкций Запада Китай для России приобретет статус ведущего партнера в технической и финансовой сферах.

Международный обозреватель информационного агентства *EADaily* С. Мануков убежден, что в долгосрочной перспективе Китай станет одним из главных участников освоения природных богатств Арктики благодаря своим преимуществам: умению планировать на долгую перспективу и политической стабильности [18].

По мнению М. Н. Ананьевой и П. А. Грачёва, для сдерживания западного военного присутствия в регионе «за счет морских, воздушных, ракетных сил и средств Россия прибегнет к китайским инвестициям», что укрепит позиции Китая в качестве приоритетного партнера в реализации арктических проектов [2].

Усиливающаяся санкционная политика Запада по отношению к России, по мнению Л. В. Филипповой, «будет и далее подталкивать Москву в “арктические объятия” КНР, способствуя наращиванию присутствия Пекина в регионе» [26]. Об этом свидетельствуют заключенные в марте—апреле 2023 г. соглашения между главами двух стран, в частности Меморандум о взаимопонимании по укреплению сотрудничества правоохранительных органов на море между ФСБ России и Управлением морской полиции КНР, получение китайской стороной дополнительного пакета 9,9 % акций проекта «Ямал СПГ», доступ к природным ресурсам и возможность самостоятельно импортировать добытые полезные ископаемые.

В сферу интересов китайских исследователей, в частности Ван Цзюньгао [3], Ван Шучунь, Чжу Ян и В. Л. Ерёмкина [4], Гао Тяньмина [7; 8], Сунь Сюэня [25], Фэй Цзюньхуэя [28], Цинь Дуна, А. Л. Лукина [29; 30], входят проблемы и пути их преодоления, потенциал и перспективы сотрудничества России и Китая в Арктике. Там, где российские эксперты видят непреодолимые расхождения интересов и угрозу национальной безопасности России, китайские коллеги предлагают искать взаимовыгодные пути решения проблем с учетом

того, что Россия нуждается в китайских инвестициях, а Китай готов предоставлять займы и кредиты.

Учитывая национальные интересы КНР и Российской Федерации в Арктике, Сунь Сюэнь делает вывод, что камнем преткновения развития российско-китайского арктического сотрудничества выступают «различные трактовки международных правовых документов и связанные с ними непонимание, опасения и разногласия между двумя государствами» [25, с. 15]. Автор полагает, что китайская философия дипломатии «去同存异» («Стремление к единению при сохраняющихся различиях») поспособствует преодолению проблем и развитию совместной деятельности.

Сравнение национальных приоритетов двух держав в Арктике позволило Гао Тяньмину совместно с В. Л. Ерохиным определить шесть областей потенциального сотрудничества: 1) освоение природных ресурсов; 2) развитие морских судоходных маршрутов; 3) социально-экономическое развитие Арктической зоны; 4) морской инжиниринг и судостроение; 5) природная среда и экология; 6) климат [7; 8]. Для реализации проектов потребуется четырехформатное взаимодействие российских и китайских компаний, университетов и НИИ: 1) привлечение иностранных инвесторов в регион путем налогового стимулирования; 2) участие китайского бизнеса на Дальнем Востоке; 3) совместные исследования полярных технологий; 4) формирование совместных предприятий по разработке и строительству ледокольных танкеров для доставки сжиженного природного газа.

Фэй Цзюньхуэй приоритетными направлениями арктических контактов считает: 1) торгово-экономическое; 2) энергетическое; 3) научные технологии; 4) совершенствование инфраструктуры СМП; 5) информационный обмен [28]. Главный акцент в исследовании делается на создании российско-китайских информационных баз данных по перемещению торговых судов, проведению научных арктических экспедиций, гидро- и метеопрогнозам. В перспективе сотрудничество может реализоваться в разработке и введении в действие новейших систем мониторинга ледового покрова и движения судов.

Китайские инвестиции, по мнению Гао Тяньмина, могут быть направлены на «строительство инфраструктуры и грузообразующих производственных мощностей вдоль арктических транспортных артерий» [7, с. 53]. При этом автор признает, что Россия опасается невыгодной для нее монополизации Китаем транспортных путей в целях снижения стоимости перевозок и ухудшения условий для потенциальных конкурентов. В свою очередь, Китай может сыграть на противостоянии между Россией и арктическими державами и попытаться обменять свою экономическую и технологиче-

скую поддержку на доступ к природным ресурсам и транспортным коридорам в российской Арктике, что и происходит в данный момент.

С позиций Цинь Дуна, Арктика рассматривается Китаем как важная ресурсная база для китайского импорта газа и нефти [29]. Экспансия блока НАТО поспособствовала активному участию КНР в освоении и разработке арктических энергоресурсов, но до сих пор остается спорным вопрос господства над арктическими маршрутами. Кроме того, Китай хотел бы сотрудничать с Россией в области военной безопасности в Арктике, что ранее было невозможно из-за политики США и запрета на размещение военно-морских баз в регионе. Однако ситуация стремительно меняется, о чем свидетельствует участие китайской делегации в морских учениях по противодействию угрозам в сфере морской безопасности «Арктический патруль — 2023».

Учитывая, что Москве необходимы иностранные инвестиции, а Китай готов выступить софинансистом строительства нового ледокольного флота и создавать совместные предприятия, Цинь Дун и А. Л. Лукин предлагают использовать потенциал взаимовыгодного государственно-частного партнерства, который способен реализоваться в кредитовании Китаем проектов корпорации «Росатом» в обмен на совместные разработки в области критических технологий [30].

Проследившая изменение отношений между Россией и Китаем по арктическому вопросу, Ван Шучунь, Чжу Янь и В. Л. Ерёмин отводят СМП важную роль в развитии торговли и энергобезопасности Китая и прогнозирует рост китайских инвестиций в российскую Арктику [4]. О реализации прогнозов пятилетней давности свидетельствует заявление В. Путина в ходе переговоров с Си Цзиньпином в марте 2023 г. о создании совместного рабочего органа по развитию потенциала СМП.

Главным вектором движения российско-китайских отношений в арктических вопросах Ван Цзюньтао видит реализацию национальных экономических интересов двух стран [3]. Он придерживается позиции М. Н. Ананьевой и П. А. Грачёва, что давление Запада, как в прежнее время, так и в текущей ситуации, послужит стимулом к расширению возможностей китайского присутствия в Арктике [2].

Можно сделать вывод, что, несмотря на поддержку и поощрение руководством Китая исследовательской деятельности в Арктике, увеличение инвестиций в научный сектор и продвижение научных экспедиций, для китайских ученых это направление развития российско-китайского сотрудничества не является приоритетным. На наш взгляд, главная причина такого положения заключается в прагматичном подходе китайской стороны к освоению Арктического региона. В свою очередь, среди российских ученых наблюдается боль-

шой интерес к совместным российско-китайским научным изысканиям по арктическим проблемам, одним из которых является защита экологической системы и рациональное использование энергоресурсов.

По нашему мнению, оценивание некоторыми российскими экспертами политики Китая в Арктике как агрессивной и угрожающей национальным интересам России не имеет под собой оснований. Ведущей стратегией и фундаментальной концепцией международного сотрудничества КНР является принцип «мягкой силы». Умение планировать, ожидать благоприятных условий и использовать сложившуюся ситуацию для реализации и продвижения государственных интересов — сильные стороны китайской внешней политики. Доказательством этого служит подписанное в марте 2023 г. соглашение о сотрудничестве в Арктике между главами Китая и России, по итогам которого российская компания

«НОВАТЭК» получила на льготных основаниях долгосрочные китайские инвестиции, а у китайской стороны оказалось около 30 % акций в проекте «Ямал СПГ» и 20 % в «Арктик СПГ-2» [26].

В нынешних геополитических условиях существует доля неопределенности динамики развития китайско-российского сотрудничества в Арктике. Безусловно, при конфронтации России и Запада Китай будет наращивать свое влияние в регионе. Но в будущем все зависит от отношения Китая к различным правовым аспектам Конвенции ООН по морскому праву, касающимся территориальных и морских споров и прав на территориальные воды и исключительные экономические зоны, а также реакции государств Арктического совета на стремительное сближение России и Китая по вопросам развития СМП, увеличения доли китайского капитала в регионе, добычи полезных ископаемых и получения энергоресурсов.

Список использованных источников

1. Александров, О. Б. Перспективы стратегического альянса России и Китая в Арктике / О. Б. Александров // Россия XXI. — 2015. — № 2. — С. 24–35.
2. Ананьева, М. Н. Карт-бланш. Арктику можно сделать российско-китайской / М. Н. Ананьева, П. А. Грачёв [Электронный ресурс] // Независимая газета. — 20.03.2014. — Режим доступа: <http://www.ng.ru/economics/2014-03-20/3_kartblansh.html>. — Дата доступа: 15.02.2023.
3. Ван Цзюньтао. Российско-китайские отношения в Арктике: проблемы и перспективы / Ван Цзюньтао // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. — 2016. — № 1 (239). — С. 92–96.
4. Ван Шучунь. Новая китайская концепция и российско-китайское сотрудничество по Северному морскому пути / Ван Шучунь, Чжу Янь, В. Л. Ерёмин // Свободная Мысль. — 2017. — № 6. — С. 109–120.
5. Васильева, Н. В. Налоговое законодательство Российской Федерации как фактор, сдерживающий развитие российско-китайских отношений в экономической сфере / Н. В. Васильева // Развитие российско-китайских отношений: новая международная реальность: материалы Второй междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Победы во Второй мировой войне, Иркутск, 21–22 сент. 2015 г. — Иркутск: Изд-во Байкал. гос. ун-та, 2015. — С. 27–30.
6. Веселова Д. Н. Основные направления сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики в Арктике / Д. Н. Веселова // Управленческое консультирование. — 2022. — № 12 (168). — С. 42–61. (<https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-12-42-61>)
7. Гао Тяньмин. Российско-китайское сотрудничество по созданию Арктического синего экономического коридора: проблемы и перспективы / Гао Тяньмин // Общество: политика, экономика, право. — 2018. — № 3. — С. 51–56. (<https://doi.org/10.24158/per.2018.3.10>)
8. Гао Тяньмин. Экономические меры реализации научно-технического сотрудничества России и Китая в Арктике / Гао Тяньмин, В. Л. Ерохин // Теория и практика общественного развития. — 2021. — Вып. 1 (155). — С. 59–64. (<https://doi.org/10.24158/tiprog.2021.1.10>)
9. Гудев, П. А. Арктические амбиции Поднебесной / П. А. Гудев // Россия в глобальной политике. — 2018. — № 5. — С. 174–184.
10. Гусевская, Н. Ю. Российско-китайское сотрудничество в Арктике: возможности и вызовы / Н. Ю. Гусевская, Ю. В. Муромова // Россия — Китай: развитие регионального сотрудничества в XXI веке: сб. ст. XV Междунар. науч.-практ. конф., Чита, 19 мая 2017 г. — Чита: Забайкал. гос. ун-т, 2017. — С. 20–28.
11. Дюг, А. А. Риски и перспективы Российско-Китайского сотрудничества в рамках проекта «Арктический пояс Шелкового пути» / А. А. Дюг, А. П. Буякова // Global & Regional Research. — 2019. — Т. 1, № 1. — С. 188–190.
12. Загорский, А. В. Россия и Китай в Арктике: разногласия реальные или мнимые? / А. В. Загорский // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2016. — Т. 60, № 2. — С. 63–71. (<https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-2-63-71>)
13. Ерохин, В. Л. Арктика в российско-китайских отношениях: от политики к экономике // Мир русскоговорящих стран. — 2020. — № 2 (4). — С. 26–36. (<https://doi.org/10.20323/2658-7866-2020-2-4-26-36>)
14. Ерохин, В. Л. Северный морской путь как инфраструктурная основа российско-китайского Арктического синего экономического коридора / В. Л. Ерохин // Маркетинг и логистика. — 2018. — № 1 (15). — С. 12–29.
15. Казаков, М. А. Российско-китайское сотрудничество в арктическом регионе на современном этапе / М. А. Казаков, М. С. Лысцев // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики: сб. ст. Вып. 4. — Н. Новгород, 2020. — С. 104–109.
16. Лексютина, Я. В. Китай в российских арктических СПГ-проектах: мотивация участия, роль и результаты / Я. В. Лексютина, Чжоу Гээр // Общество: политика, экономика, право. — 2022. — № 2. — С. 12–16. (<https://doi.org/10.24158/per.2022.2.1>)
17. Лексютина, Я. В. Китай и Индия в Арктике: интересы, стратегии и сотрудничество с Россией / Я. В. Лексютина // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2019. — № 4 (51). — С. 40–48.
18. Мануков, С. Китай в Арктике: новая холодная война? [Электронный ресурс] // Eurasia Daily. — 03.02.2018. — Режим доступа: <<https://eadaily.com/ru/news/2018/02/03/kitay-v-arktike-novaya-holodnaya-voyna>>. — Дата обращения: 10.12.2022.
19. Митько, В. Б. Российско-китайское сотрудничество в Арктике и безопасность морской деятельности / В. Б. Митько, М. В. Минина // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2019. — № 2 (28). — С. 69–78.

20. Морозов, Ю. В. Китай и другие государства Северо-Восточной Азии в «арктической гонке» / Ю. В. Морозов, А. Ф. Клименко // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XX. — М.: ИДВ РАН, 2015. — С. 173—191.
21. Нежданов, В. Л. Российско-китайское сотрудничество в Арктике: текущая работа и перспектива / В. Л. Нежданов // Архитектура безопасности и сотрудничества в Восточной Азии: доклады, представленные на IV Междунар. конф. молодых востоковедов в Ин-те Дальнего Востока, Москва, 17—18 нояб. 2016 г. / Л. В. Захарова (отв. ред.). — М.: ИДВ РАН, 2017. — С. 46—54.
22. Перская, В. В. Институциональные аспекты сотрудничества в рамках Арктического пояса Шелкового пути / В. В. Перская, В. Н. Ремыга, Н. С. Ревенко // Вопросы регулирования экономики. — 2018. — Т. 9, № 4. — С. 7—21. (<http://dx.doi.org/10.17835/2078-5429.2018.9.4.006-021>)
23. Петровский, В. Е. Россия и Китай в Арктике / В. Е. Петровский, Л. В. Филиппова // Институт Дальнего Востока РАН. — М.: Весь Мир, 2022. — 168 с.
24. Ремыга, В. Н. Арктический пояс Шелкового пути / В. Н. Ремыга // Региональная энергетика и энергосбережение. — 2018. — № 2. — С. 70—71.
25. Сунь Сюэнь. Потенциал международного сотрудничества РФ и КНР в Арктике: сравнительный анализ национальных интересов / Сунь Сюэнь // Социально-политические науки. — 2017. — № 3. — С. 12—17.
26. Филиппова, Л. В. Новая роль Китая в Арктике: по следам визита Си Цзиньпина в Россию / Л. Филиппова [Электронный ресурс] // Международный дискуссионный клуб «Валдай». — 31.05.2023. — Режим доступа: <<https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/novaya-rol-kitaya-v-arktike/>>. — Дата доступа: 16.06.2023.
27. Фокин, Я. П. Экономические аспекты российско-китайского сотрудничества в Арктике: ключевые интересы и направления сотрудничества / Я. П. Фокин, Я. В. Лексютина // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы X Междунар. науч.-практ. конф., Благовещенск — Хэйхэ, 2—4 июня 2020 г. Вып. 10. — Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2020. — С. 485—491. (<https://doi.org/10.48344/BSPU.2020.66.91.068>)
28. Фэй Цзюньхуэй. Перспективы сотрудничества России и Китая в Арктике / Фэй Цзюньхуэй // Современные востоковедческие исследования. — 2020. — № 2 (4). — С. 80—87.
29. Цинь Дун. Китайские инвестиции на российском Дальнем Востоке: состояние и проблемы / Цинь Дун // Ойкумена. Регионоведческие исследования. — 2018. — № 2 (45). — С. 151—159. (<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2018-2/151-160>)
30. Цинь Дун. Перспективы сотрудничества России и Китая в Арктике и российский Дальний Восток / Цинь Дун, А. Л. Лукин // Там же. — № 4 (47). — С. 158—167. (<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2018-4/158-167>)
31. Чупров, С. В. Перспективные направления российско-китайского сотрудничества в сфере экономических исследований: проблемы глобализации, реиндустриализации, деформации / С. В. Чупров // Развитие российско-китайских отношений: новая международная реальность: материалы Второй междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Победы во Второй мировой войне, Иркутск, 21—22 сент. 2015 г. — Иркутск: Изд-во Байкал. гос. ун-та, 2015. — С. 77—81.

Статья поступила в редакцию 6 мая 2023 г., доработана в июне 2023 г.

УЧАСТИЕ КИТАЯ В ВОССТАНОВЛЕНИИ АФГАНИСТАНА В 2001—2014 гг.

Ван Ифу

В статье анализируются политическое участие Китая в восстановлении Афганистана с 2001 по 2014 г., а также конструктивная роль Китая в данном процессе. Участие Китая в восстановлении Афганистана в рассматриваемый период в целом можно разделить на два этапа. Первый этап охватывает период 2001—2010 гг. Учитывая сложность афганской проблемы и ведущую роль США и Евросоюза в этом вопросе, Китай занял четкую, последовательную и относительно сдержанную политическую позицию. Китай принимал участие в восстановлении Афганистана главным образом за счет многосторонней дипломатии. Второй этап охватывает 2010—2014 гг. В 2010 г. политическое участие Китая в восстановлении Афганистана вступило в более активную фазу. В 2011 г. администрация США объявила о выводе американских войск и Международных сил содействия безопасности под руководством НАТО из Афганистана к концу 2014 г. По мере того, как уход США из Афганистана близился к завершению, дипломатическое участие Китая в восстановлении Афганистана заметно активизировалось. По мнению автора, надлежащее регулирование отношений со всеми сторонами, связанными с афганским вопросом, и оказание помощи Афганистану в достижении истинного «афганского правления» и «афганской ответственности» были главными проблемами Китая в афганской дипломатии, заслуживающими детального изучения и анализа.

Ключевые слова: Афганистан; безопасность; восстановление Афганистана; дипломатическое взаимодействие; китайская дипломатия; КНР.

«China's Participation in Afghanistan's Reconstruction in 2001—2014» (Wang Yifu)

The article analyses China's political involvement in Afghanistan's reconstruction from 2001 to 2014 and China's constructive role in the reconstruction process. China's political engagement in Afghanistan's reconstruction has been broadly divided into two phases. The first phase covers the period of 2001—2010. Given the complexity of the Afghan issue and the leading role of the US and the European Union in this issue, China adopted a clear, consistent and relatively restrained political stance. China's involvement in Afghanistan's reconstruction was mainly through multilateral diplomacy. The second phase covers 2010—2014. Chinese diplomatic engagement in Afghanistan entered a more intensive phase in 2010. In 2011, the US administration announced the withdrawal of US troops from Afghanistan and the NATO-led International Security Assistance Force by the end of 2014. As the US withdrawal from Afghanistan nears completion, China's diplomatic involvement in Afghanistan's reconstruction has deepened markedly. In the author's opinion, properly managing relations with all parties related to the Afghan issue, and helping Afghanistan to achieve true 'Afghan governance' and 'Afghan ownership' are the main challenges facing China in Afghan diplomacy, and deserve detailed research and assessment.

Keywords: Afghanistan; Afghan reconstruction; diplomatic engagement; China; Chinese diplomacy; security.

Афганистан является дружественным соседом Китая с древних времен и одной из первых стран, признавших Китайскую Народную Республику и установивших с ней дипломатические отношения в 1955 г. После начала операции «Несокрушимая свобода» в 2001 г. в Афганистане Китай активно участвует в мирном восстановлении этой страны, играя важную роль, в частности, в экономическом и социальном строительстве.

Изучение политики Китая в отношении Афганистана имеет большое значение как с теоретической, так и с практической точки зрения. Этим объясняется значительное количество исследований по данной теме не только китайских ученых, но и специалистов разных стран мира. Так, В. И. Балакин рассмотрел политико-дипломатические проблемы США и Китая в Афганистане [2], М. А. Дьяконова и Ф. Ф. Шарипов изучили роль Афганистана для

Автор:

Ван Ифу — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: vesselness@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Wang Yifu — post-graduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: vesselness@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

России и Китая [10], А. Ф. Клименко дал оценку особенностей нынешней политики Китая в отношении Афганистана [12]. Политика Китая в отношении Афганистана в начале XXI в. нашла отражение в ряде работ китайских авторов. Ван Шида оценил ведущую роль Китая в восстановлении Афганистана [4], Фу Сяоцян проанализировал, как Китай реагирует на афганские перемены в «эпоху после вывода войск» [22], Хо Минг изучил восстановление Афганистана и стратегическую безопасность Китая [24], а Чжао Хуашэн позицию и интересы Китая в отношении Афганистана [26].

При подготовке данной статьи были использованы различные источники: официальные документы, отражающие состояние и развитие китайско-афганских отношений (документы, декларации, совместные заявления о стратегическом партнерстве) [8; 9; 27; 31; 32; 34; 37], а также материалы официальных сайтов государственных органов и информационных агентств, касающиеся внешнеполитической деятельности КНР [1; 5–7; 18–21; 25; 28; 29; 33; 39; 41], официальные документы Совета Безопасности ООН по Афганистану [11] и др.

В начале XXI в. Афганистан вступил в важный переходный период в области политики, безопасности и экономического восстановления, его взаимодействие и дипломатия с сопредельными странами приобрели большое значение. При этом Китай столкнулся с различными возможностями и серьезными вызовами. В данной статье анализируется содержание политики и дипломатии Китая в отношении Афганистана в период 2001–2014 гг. Цель статьи — характеристика участия Китая в восстановлении Афганистана в указанный период.

Нижняя граница исследования связана с возобновлением в 2001 г. дипломатических отношений между Китаем и Афганистаном, приостановленных в феврале 1993 г., когда по соображениям безопасности Китай эвакуировал персонал своего посольства в Афганистане. Верхняя граница исследования определяется рядом серьезных событий. Так, 5 апреля 2014 г. в Афганистане состоялись выборы президента и провинциальных советов, ознаменовавшие первый в современной истории страны случай передачи политической власти от одного демократически избранного правительства другому. В конце того же года завершилась оперативная миссия Международных сил содействия безопасности в Афганистане, возглавляемых США и НАТО [34].

19 мая 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин во время встречи с президентом Афганистана Х. Карзаем торжественно заявил, что «Китай неуклонно проводит дружественную политику по отношению к Афганистану. Независимо от того, как изменится международная и региональная ситуация, Китай является надежным другом Афганистана. Мы готовы

поддерживать контакты с Афганистаном на высоком уровне, продвигать обмены и сотрудничество на всех уровнях и во всех областях, оказывать посильную помощь в мирном восстановлении Афганистана, вместе с Афганистаном продвигать строительство экономического пояса Шелкового пути» [29]. Важная роль Китая в восстановлении Афганистана была положительно отмечена правительством Х. Карзая. 10 июня 2014 г. Х. Карзай подчеркнул, что «Китай является надежным партнером Афганистана» [1].

Участие Китая в восстановлении Афганистана в рассматриваемый период можно разделить на два этапа.

Этап сдержанного участия Китая в восстановлении Афганистана (2001–2010 гг.). После событий 11 сентября президент США Дж. Буш-мл. и председатель КНР Цзян Цзэминь провели беседу по телефону. От имени китайского правительства Цзян Цзэминь выразил осуждение теракта и соболезнования Соединенным Штатам [9]. 7 октября 2001 г. США начали наносить авиаудары по объектам «Талибана» и «Аль-Каиды» в Афганистане, и таким образом официально началась война в Афганистане, которую США воспринимали как возмездие за теракты 11 сентября [19].

Во время войны в Афганистане в 2001 г. Китай вместе с другими членами международного сообщества оказывал необходимую поддержку Афганистану в создании нового послевоенного правительства. В декабре 2001 г., после падения режима талибов, Китай принял участие в Боннской конференции по послевоенному восстановлению Афганистана, направил туда рабочую группу, принял участие в церемонии создания Временного правительства и вручил поздравительное письмо правительства Китая председателю Временного правительства Х. Карзаю. 6 февраля 2002 г. посольство Китая в Афганистане возобновило свою работу, что «свидетельствует о том, что Китай предпринимает существенные шаги для участия в мирном восстановлении Афганистана» [5].

Дипломатическое участие Китая в восстановлении Афганистана в последующее десятилетие заключалось главным образом в неизменной поддержке формирования нового правительства и проведении восстановительных работ при содействии международного сообщества. Китай всегда настаивал на уважении суверенитета Афганистана и подчеркивал, что его политическое восстановление должно быть внутренним делом Афганистана, правительство и народ должны определять состав своих политических сил, социальную модель и идеологию [7]. Однако в отношении реализации конкретной политики Китай занимал относительно сдержанную позицию, опираясь в основном на прагматичный подход к восстановлению Афганистана. Исходя

из принципа невмешательства во внутренние дела Афганистана китайское правительство принимало активное участие в региональном сотрудничестве и переговорах с заинтересованными сторонами, консультациях и обменах мнениями по вопросам восстановления Афганистана.

С началом войны войска американо-европейского альянса вошли в Афганистан как политические наблюдатели и защитники безопасности нового правительства. После окончания основного этапа военных действий США и Евросоюз начали процесс восстановления Афганистана. Исходя из данной ситуации, а также сложности афганской проблемы Китай всегда избегал военного вмешательства, отказываясь участвовать в Международных силах содействия безопасности в Афганистане, а также не намеревался оспаривать позицию США и ЕС в этом вопросе [13, с. 67].

Однако сдержанная позиция Китая не мешала ему высказывать свои политические предложения по восстановлению Афганистана. 12 ноября 2001 г., после падения режима талибов, министр иностранных дел Китая Тан Цзясюань принял участие в совещании министров иностранных дел в формате «6+2» по Афганистану в Нью-Йорке. На встрече присутствовали представители Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, Ирана, Пакистана, США и России. На заседании председательствовал Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций К. Аннан. Его специальный представитель по Афганистану Л. Брахими сообщил о последних событиях в Афганистане. Тан Цзясюань изложил предложение Китая о восстановлении Афганистана:

- 1) необходимо обеспечить суверенитет, независимость и территориальную целостность страны;
- 2) решение должно приниматься самим афганским народом;
- 3) будущее правительство Афганистана должно отражать интересы всех национальностей;
- 4) необходимо содействовать поддержанию мира и стабильности в регионе;
- 5) Организация Объединенных Наций должна играть более активную и конструктивную роль в восстановлении Афганистана [20].

Таким образом, китайским правительством была определена важность политического сотрудничества с Афганистаном для восстановления страны: активно и конструктивно содействовать политическому урегулированию афганской проблемы, чтобы население страны как можно быстрее вернулось к мирной и спокойной жизни [21].

На уровне двусторонних контактов Китая и Афганистана страны постоянно обменивались визитами на высшем и высоком уровне. Кроме того, главы двух стран неоднократно встречались на многосторонних форумах.

В декабре 2001 г. Китай направил в Афганистан рабочую группу, которая приняла участие в церемонии создания Временной администрации Афганистана и вручила ее председателю Х. Карзаю поздравительное письмо от правительства Китая [31].

В январе 2002 г. председатель Временной администрации Афганистана Х. Карзай посетил Китай. Председатель КНР Цзян Цзэминь и премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзи провели отдельную встречу, в ходе которой они подписали ряд документов о предоставлении Китаем Афганистану чрезвычайной материальной помощи в размере 30 млн юаней и денежных переводов в размере 1 млн дол. США. Председатель Китая Цзян Цзэминь объявил о том, что в течение следующих пяти лет китайское правительство выделит Афганистану 150 млн дол. США [31].

В декабре 2002 г. Китай вместе с пятью другими соседями Афганистана подписал Декларацию о добрососедских отношениях, в которой заявлялось об уважении суверенитета и территориальной целостности Афганистана, поддержке мира и процессов восстановления в этой стране [11]. В последующие годы в таком формате было подписано еще несколько документов. Так, в сентябре 2003 г. китайское правительство совместно с Переходным правительством Афганистана и другими соседними странами подписало Декларацию о поощрении более тесного торгового, транзитного и инвестиционного сотрудничества между странами, подписавшими Кабульскую декларацию о добрососедских отношениях. В конце марта 2004 г. аналогичный состав участников подписал Кабульскую декларацию о борьбе с наркотиками [31].

В июне 2006 г. президент Х. Карзай совершил государственный визит в Китай после участия в саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в ходе которого Китай и Афганистан подписали Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве и опубликовали совместное заявление [23], объявив об установлении отношений всестороннего сотрудничества и партнерства. В том же месяце Китай посетил заместитель министра внутренних дел Афганистана М. Дауд и стороны подписали Соглашение о сотрудничестве в борьбе с наркотиками.

Следующий государственный визит президента Х. Карзая в Китай прошел в марте 2010 г. По результатам визита стороны опубликовали совместное заявление [34], в котором договорились укреплять и развивать китайско-афганские отношения всестороннего сотрудничества и партнерства, характеризующиеся «добрососедством, взаимным доверием и дружбой, передающейся из поколения в поколение» [23, с. 15].

Ряд соглашений и договоров о торгово-экономическом и техническом сотрудничестве, подписанных обеими сторонами, заложили

крепкую основу двустороннего сотрудничества. В торгово-экономической сфере с 2002 по 2014 г. Китай заключил контракты в рамках экономического сотрудничества с Афганистаном на общую сумму 858 млн дол. США, а общий оборот составил около 983 млн дол. В основном это касалось таких инфраструктурных сфер, как коммуникации и строительство дорог [31]. Кроме того, Китай и Афганистан осуществляли ресурсное сотрудничество на основе взаимной выгоды. В мае 2008 г. корпорация «Чайна металлурджикал» (Китайская металлургическая корпорация) заключила с Министерством промышленности и горнодобывающей промышленности Афганистана договор об аренде и освоении месторождения меди «Айнак» с общим капиталовложением 4,4 млрд дол. США сроком на 30 лет [16]. Для Афганистана этот проект позволил покрыть большую часть бюджетных потребностей правительства и имел большое значение для избавления страны от внешней зависимости. В свою очередь Китай стал крупнейшим инвестором в Афганистане.

Отметим, что поддержка Китаем нового правительства Афганистана и его восстановления была последовательной, несмотря на сложную обстановку и вызовы. Так, 19 июня 2004 г. китайские инженеры подверглись нападению террористов в Афганистане. Осудив насилие, председатель КНР Ху Цзиньтао вновь заявил правительству Х. Карзая, что Китай поддерживал правительство и народ Афганистана в их выборе собственной социальной системы и модели развития [33]. После того, как в 2003 г. Соединенные Штаты перенесли стратегический фокус на войну в Ираке, ситуация в области безопасности в Афганистане ухудшилась. После реорганизации и возрождения в 2005 г. афганских организаций «Талибан» и «Аль-Каида» в 2007 г. государство подверглось серьезному испытанию [17, с. 52]. В это время правительство Китая оказывало поддержку и помощь Афганистану, получая положительные отзывы правительства и народа этой страны.

В целях эффективного противодействия угрозе терроризма и укрепления контртеррористического сотрудничества государства — члены ШОС и Исламская Республика Афганистан 27 марта 2009 г. приняли совместную Декларацию государств — членов ШОС и Исламской Республики Афганистан о борьбе с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью [37] и утвердили план действий [36]. Данные документы определили основные направления сотрудничества в области борьбы с терроризмом: пограничный контроль, совместные действия по противодействию террористическим угрозам, постепенное включение Афганистана в региональное антитеррористическое сотрудничество в рамках ШОС, взаимное со-

трудничество в получении информации о террористических организациях, угрожающих безопасности государств-членов и Афганистана, взаимное содействие захвату и передаче террористов, выявление и ликвидация источников и каналов финансирования террористических организаций, приглашение соответствующих органов Афганистана к участию в совместных учениях, семинарах, тренингах и других мероприятиях правоохранительных органов государств-членов. Контртеррористическая деятельность включала также проведение учебных курсов и других мероприятий по борьбе с терроризмом [16].

Таким образом, на данном этапе отношения Китая и Афганистана развивались достаточно активно и динамично: стороны подписали ряд важных документов, среди которых наиболее значимым стал Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2006 г., установивший политические принципы и направления развития двусторонних отношений между Китаем и Афганистаном. До 2010 г. Китай сохранял активную, но сдержанную позицию в отношении послевоенного восстановления Афганистана. Поддержка и помощь в деле восстановления Афганистана оказывались по мере возможности на политическом и экономическом уровнях.

Этап расширения участия Китая в восстановлении Афганистана (2010—2014 гг.). Администрация президента США Б. Обамы в 2009 г. представила Новую стратегию для Афганистана и Пакистана в поисках выхода из тяжелого положения Афганистана и «достойного вывода войск» [38]. В восстановлении Афганистана наступил новый исторический период. Новая стратегия рассматривала Афганистан и Пакистан как единое политическое целое, сосредоточенное на нанесении смертоносных ударов по «Аль-Каиде» и другим группам боевиков, а также подчеркивала необходимость институционального строительства в Афганистане, поскольку международное сообщество отмечало невозможность сохранения в этом стратегическом геополитическом регионе состояния постоянной нестабильности или чередующихся военных действий. Отличительной чертой новой стратегии США в отношении Афганистана и Пакистана являлось ее «расширение», т. е. включение Пакистана в стратегические рамки по афганскому вопросу и интеграция этого вопроса с другими международными и региональными проблемами [38].

Несмотря на то, что к 2010 г. Афганистан добился позитивных результатов в институциональном строительстве, экономическом развитии и внешних отношениях, стратегические изменения в Соединенных Штатах и обстановки внутри Афганистана создавали серьезные проблемы в области восстановления. В политическом плане в 2009 г. возникли

противостоянии при переизбрании президентом Х. Карзая, в 2010 г. завершился процесс смены членов парламента. Однако споры по поводу выборов продолжались, и способность правительства Афганистана управлять страной вызывала беспокойство. Кроме того, процесс политического примирения застопорился в результате возвращения сил движения «Талибан» и их отказа от мирных переговоров [14, с. 80]. Межконфессиональный конфликт, терроризм и преступность, связанная с наркотиками, представляли серьезную угрозу для стабильности Афганистана. С 2010 г. религиозный экстремизм и терроризм в Афганистане демонстрировали тенденцию к росту; вооруженные конфликты, распространение наркотиков, контрабанда оружия и другие проблемы угрожали долгосрочному порядку и стабильности [15, с. 3]. В дипломатическом плане резкое ухудшение отношений между Афганистаном, Соединенными Штатами и Пакистаном, продолжавшиеся трудности и все более открытые противоречия между правительством Х. Карзая, США и странами — членами ЕС также оказали серьезное негативное воздействие на восстановление Афганистана.

Рост числа вопросов послевоенного восстановления Афганистана вызвал обеспокоенность Китая и некоторый пересмотр позиции по Афганистану в сторону расширения участия в процессе восстановления [14, с. 82]. Следует отметить, что Китай не был намерен заменить США для заполнения «вакуума власти» в Афганистане и внешняя политика добрососедства и дружбы осталась неизменной. Однако ухудшение ситуации в Афганистане и необходимость развития добрососедских отношений побуждали Китай играть более активную роль в процессе восстановления Афганистана [40, с. 57].

Дипломатическое участие Китая в послевоенном восстановлении Афганистана на данном этапе заключалось главным образом в укреплении двустороннего сотрудничества в области безопасности и активизации участия в региональном и международном сотрудничестве по афганским вопросам. В 2010 г. Китай принял участие в Турецком саммите и двух международных конференциях по Афганистану. В период с 25 января по 6 февраля 2010 г. министр иностранных дел Китая Ян Цзечи принял участие в международных конференциях по Афганистану в Стамбуле, Лондоне и Мюнхене. На этих встречах представители Китая и других стран обсуждали пути достижения прочного мира и безопасности, экономического развития и международного сотрудничества в Афганистане [26, с. 11]. В июне 2012 г. во время посещения Х. Карзаем Китая и участия в саммите ШОС председатель Ху Цзиньтао подчеркнул, что обе стороны должны укреплять сотрудничество в области безопасности и совместно бороться с «тремя силами зла» (религиозными экстремистами, этническими

сепаратистами, террористическими организациями), а также с транснациональной преступностью, прежде всего, наркотрафиком [25].

В июне 2012 г. Китай и Афганистан опубликовали Совместную декларацию об установлении отношений стратегического сотрудничества и партнерства, в которой были намечены перспективы развития их двусторонних отношений в будущем. Политика, экономика, гуманитарные аспекты, безопасность, а также международное и региональное сотрудничество были определены в качестве основных направлений китайско-афганских отношений стратегического сотрудничества и партнерства [8].

В сентябре 2013 г. стороны опубликовали Совместное заявление Китая и Афганистана об углублении отношений стратегического сотрудничества и партнерства [27], а также подписали такие документы о сотрудничестве, как Китайско-афганский договор об экстрадиции [30] и Китайско-афганское соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве [35]. Во время встречи с президентом Афганистана Х. Карзаем в сентябре 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин заметил, что китайская сторона принимает активное участие в международном региональном сотрудничестве в Афганистане и координирует его, а также оказывает всемерную помощь в реализации важных проектов по улучшению жизни людей в целях поддержки мирного восстановления этой страны [18].

Отметим, что в указанный период ШОС стала важной платформой для взаимодействия Китая и Афганистана в сфере безопасности. Укрепление сотрудничества между государствами — членами ШОС в области борьбы с терроризмом, наркотиками и транснациональной преступностью в Афганистане стало важной темой в 2012 г. [39]. В этом же году было принято решение предоставить Афганистану статус государства-наблюдателя при ШОС. Кроме того, в 2012 г. Китай, Афганистан и Пакистан создали трехсторонний механизм диалога и провели два раунда диалога в Пекине и Исламабаде, в ходе которых предварительно обменялись мнениями о целесообразности сотрудничества в области безопасности. В феврале 2012 г. в Пекине состоялась трехсторонняя встреча по диалогу между Китаем, Афганистаном и Пакистаном для обсуждения путей содействия политическому примирению в Афганистане. Это было воспринято мировым сообществом как «первое открытое и прямое» участие Китая в усилиях по стабилизации политической ситуации в Афганистане [28].

В течение 2014 г. состоялось несколько значимых встреч председателя КНР Си Цзиньпина и президента Афганистана Х. Карзая: в кулуарах зимних Олимпийских игр в Сочи в феврале 2014 г., в рамках *Asia Trust Summit* в мае 2014 г. В октябре 2014 г. визит в Китай совершил президент Афганистана А. Гани,

вступивший в должность в сентябре 2014 г. В результате переговоров, в которых с китайской стороны принимали участие председатель КНР Си Цзиньпин, премьер-министр Ли Кэцян и председатель Всекитайского собрания народных представителей Чжан Дэцзян, было опубликовано Совместное заявление Китая и Афганистана об углублении отношений стратегического сотрудничества и партнерства, а также подписаны документы о торгово-экономическом сотрудничестве [31].

В ноябре 2014 г. член Госсовета КНР, министр общественной безопасности Го Шэнкунь посетил Афганистан. В декабре 2014 г. премьер-министр КНР Ли Кэцян встретился с премьер-министром Афганистана А. Абдуллоем во время участия в совещании премьер-министров ШОС в Астане. В феврале и ноябре 2014 г. министр иностранных дел КНР Ван И посетил Афганистан и заявил о поддержке Китаем плавного перехода к нормализации в сферах политики, безопасности и экономики. В ноябре 2014 г. член Госсовета КНР Го Шэнкунь, ответственный за внутреннюю безопасность, посетил Афганистан, где в основном обсуждались вопросы борьбы с террористическими силами Исламского движения Восточного Туркестана. Данному визиту в октябре 2014 г. предшествовало посещение заместителем начальника Генерального штаба Народно-освободительной армии Китая, адмиралом Ци Цзяньго Афганистана в качестве специального посланника председателя КНР [31].

Таким образом, начиная с 2010 г. Китай стал постепенно позиционировать себя как более активного участника процесса восстановления Афганистана. По мере приближения вывода войск США из Афганистана дипломатическое участие Китая в восстановлении этой страны значительно расширилось. Китайское правительство инициировало подписание ряда заявлений и документов об укреплении двустороннего сотрудничества (прежде всего, Совместное заявление Китая и Афганистана об углублении отношений стратегического сотрудничества и партнерства), а также проведение многочисленных встреч на высшем и высоком уровнях. Афганский вопрос активно обсуждался также на региональном уровне. Кроме того, китайское правительство расширило экономическую помощь и торговое сотрудничество с Афганистаном.

Следует отметить, что китайские инициативы нередко вызвали неоднозначные оценки в США и странах Европы. Например, 22 сентября 2012 г. Китай и Афганистан подписали соглашение о безопасности и экономическом сотрудничестве, которое включало в себя, в частности, помощь китайской стороны Афганистану в подготовке полицейских. Этот шаг вызвал беспокойство на Западе: некоторые СМИ утверждали, что укрепление Китаем сотрудничества в области безопасности с Афга-

нистаном направлено на усиление собственного влияния, в то время как Международные силы содействия безопасности планировали выход из этой страны [41].

Афганский вопрос являлся международной проблемой, а подключение Китая к его решению в рассматриваемый период неизбежно наталкивалось на сопротивление стран Запада. Несмотря на то, что Китай не высказывал намерения заменить Соединенные Штаты в качестве ведущей силы в восстановлении Афганистана, страны Запада настороженно встречали китайские инициативы и активизацию Китая в Афганистане. В данной ситуации очевидным было следующее противоречие: США желали бы, чтобы Китай оказал поддержку в восстановлении Афганистана, особенно в экономической сфере, но при этом опасались усиления китайского влияния в этой стране, а также в регионе в целом. Кроме того, такие государства, как Россия, Индия, Пакистан, Иран, и страны Центральной Азии имели в Афганистане свои собственные интересы. Политика этих стран и политика Китая в Афганистане сталкивалась как с пересечением интересов, так и с определенными разногласиями и противоречиями, которые надо было надлежащим образом урегулировать. Таким образом, вопрос об объединении усилий всех сторон, способствующих решению афганской проблемы, несомненно, являлся еще одним серьезным вызовом, стоящим перед китайской дипломатией.

Таким образом, на первом этапе (2001—2010 гг.) Китай занял четкую, последовательную и относительно сдержанную политическую позицию, учитывая сложность афганского вопроса и доминирующую роль при этом США и Евросоюза. Участие Китая в восстановлении Афганистана осуществлялось в основном посредством многосторонней дипломатии и активной помощи. Начало второго этапа (2010—2014 гг.) было связано с объявлением администрации США о выводе американских войск и Международных сил содействия безопасности из Афганистана к концу 2014 г. В результате в 2011 г. политическое участие Китая в восстановлении Афганистана перешло в более интенсивную фазу. По мере приближения вывода войск США дипломатическое участие Китая в восстановлении Афганистана значительно расширилось.

В целом в политике Китая в отношении Афганистана в рассматриваемый период можно выделить три основных направления.

Во-первых, принципы добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества являлись основой китайской дипломатии в Афганистане. Китай твердо придерживался дружественной политики, позиции невмешательства во внутренние дела Афганистана и выступал против применения силы со стороны других государств. Поддержка и помощь Китая Афганистану не сопровождалась какими-

либо политическими условиями, а были призваны гарантировать безопасность китайских предприятий и гражданского населения Китая в Афганистане, а также обеспечить долгосрочный мир и развитие здоровых отношений между двумя сторонами.

Во-вторых, содействие плавному политическому и экономическому восстановлению и обеспечению безопасности в Афганистане являлось отправной точкой китайской дипломатии. Китай «хотел видеть единый, стабильный, развивающийся и дружественный Афганистан» [6], поддерживал процесс примирения, «возглавляемый и принадлежащий афганцам», и был готов продолжать играть конструктивную роль в данном направлении [8]. В этой связи Китай постоянно призывал соответствующие стороны эффективно выполнять свои обязательства в отношении мирного восстановления Афганистана, уважать и учитывать законные интересы стран региона в соответствующих вопросах с тем, чтобы создать благоприятные внешние условия для плавного перехода к нормальной жизни.

В-третьих, поддержание мира и стабильности в регионе являлось одной из основных целей участия Китая в восстановлении Афганистана. Китай поддерживал Афганистан в защите национальной независимости, су-

веренитета и территориальной целостности, уважал путь развития, выбранный афганским народом в соответствии с национальными условиями страны, улучшал и развивал отношения со странами региона. Данное направление наиболее активно проявилось после 2012 г. в рассмотрении «афганского вопроса» в рамках ШОС, а также в различных форматах и механизмах взаимодействия стран региона, в частности в продвижении трехстороннего диалога между Китаем, Афганистаном и Пакистаном.

Объективная ситуация требовала, чтобы Китай расширял свое участие в делах Афганистана, но при этом избегая чрезмерного втягивания во внутренние афганские дела, а тем более исторических ошибок Великобритании, Советского Союза, США и других крупных держав [3, с. 41]. Таким образом, по нашему мнению, Китаю отнюдь не просто было выбрать способ своего участия в афганских делах, определить степень своего участия и найти правильный баланс между сторонами. В процессе политического восстановления Афганистана Китай традиционно сохранял очень осторожную позицию, в то же время в своих политических предложениях постоянно подчеркивал неприятие вмешательства во внутренние дела Афганистана.

Список использованных источников

1. Афухань цзунтун: руго дзайци дангсуань, Афухань цзян цзоу Чжунго даолу = Президент Афганистана: Афганистан пойдет по китайскому пути, если его вновь выберут [Электронный ресурс] // Чжунго жэньминь ван = Китайская народная сеть. — 10.06.2014. — Режим доступа: <<http://world.people.com.cn/n/2014/0610/c1002-25128423.html>>. — Дата доступа: 01.04.2023 (на кит. яз.).
2. Балакин, В. И. Американский синдром Китая в Афганистане / В. И. Балакин // Взаимоотношения России — Китая — США в рамках стратегического треугольника / отв. ред.-сост. Ю. В. Морозов. — М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2020. — С. 114—123.
3. Ван Чутянь. Афухань де хэпин фачжан чжэнцэ сюаньцзэ хэ Чжунго де цзяньшэсин цзуоюн = Варианты политики мирного развития в Афганистане и конструктивная роль Китая / Ван Чутянь // Сяньдай шицзе = Современный мир. — 2021. — № 12. — С. 41—47 (на кит. яз.).
4. Ван Шида. Чжунго цзай Афухань чжунцзянь чжун фахуэй гэнда иньлин цзуоюн = Китай будет играть более важную роль в восстановлении Афганистана / Ван Шида // Шицзе чжиши = Мировое знание. — 2022. — № 9. — С. 24—26 (на кит. яз.).
5. Вань бучжан цзай Чжунго чжу Афухань дашигуань чжунсинь кайгуань иши шань дэ цзяньхуа = Выступление заместителя министра Ван И на церемонии возобновления работы посольства Китая в Афганистане [Электронный ресурс] // Чжунго вайцзяюбу = Министерство иностранных дел КНР. — 07.02.2002. — Режим доступа: <http://new.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676207/1209_676217/200202/t20020207_7966230.shtml>. — Дата доступа: 01.04.2023 (на кит. яз.).
6. Вань вайчжан дида Кебуэр, кайши дуй Афухань де фанвэнь = Министр иностранных дел Ван И прибыл в Кабул и начал визит в Афганистан [Электронный ресурс] // Чжунго чжэнфу = Правительство КНР. — 22.02.2014. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/gzdt/2014-02/22/content_2619024.htm>. — Дата доступа: 02.04.2023 (на кит. яз.).
7. Вань цзяньшу ле афухань вэйлай чжэнчжи фэнвэй дэ саньсян юаньцзэ = Ван И рассказал о трех принципах будущего политического устройства Афганистана [Электронный ресурс] // Чжунго чжэнфу = Правительство КНР. — 08.09.2019. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/guowuyuan/2019-09/08/content_5428305.htm>. — Дата доступа: 08.04.2023 (на кит. яз.).
8. Гуаньюй цзяньли Чжунго хэ Афухань чжанлюэ хуобань гуаньси дэ лянхэ шэньминь шэньинь шэньминьшэнмин = Совместная декларация об установлении стратегического партнерства между Китаем и Афганистаном [Электронный ресурс] // Чжунго чжэнфу = Правительство КНР. — 08.06.2012. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/jrzq/2012-06/08/content_2156378.htm>. — Дата доступа: 09.04.2023 (на кит. яз.).
9. Гуоцзя чжуси Цзяньцземин цзюй Мэйгуо Ниюэ хэ Хуашэндун дицзюй ицзе дифан шудао яньчжун сицзи жидянь Мэйгуо цзунтун Буси = Президент Цзян Цзэминь позвонил Президенту США Джорджу Бушу в связи с серьезными терактами в Нью-Йорке и Вашингтоне [Электронный ресурс] // Чжунго чжэнфу = Правительство КНР. — 11.09.2001. — Режим доступа: <https://www.gov.cn/govweb/gongbao/content/2001/content_61113.htm>. — Дата доступа: 28.06.2023 (на кит. яз.).
10. Дьяконова, М. А. Афганистан и его роль для России и Китая / М. А. Дьяконова, Ф. Ф. Шарипов // Современные востоковедческие исследования. — 2022. — Т. 4, № 4. — С. 146—155.
11. Кабуэр линли юхао сюаньян = Кабульская декларация о добрососедских отношениях: док. ООН S/2002/1416 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — 24.12.2002. — Режим доступа: <<https://peacemaker.org>>.

- un.org/sites/peacemaker.un.org/files/AF_021222_AfghanistanGoodNeighbourlyRelationsDeclaration%28ch%29.pdf>. — Дата доступа: 06.06.2023 (на кит. яз.).
12. Клименко, А. Ф. Некоторые особенности современной политики Китая в отношении Афганистана / А. Ф. Клименко // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXVII. — М.: ТК С РАН, 2022. — С. 225—239. (<https://doi.org/10.48647/IFES.2022.45.24.017>)
13. Ли Цинъянь. Афухань: чжунмэй хэцзую дэ синь концзянь = Афганистан: новое пространство для сотрудничества между Китаем и Соединенными Штатами / Ли Цинъянь // Гуоцзи яньцзю = Междунар. исследования. — 2015. — № 6. — С. 63—74 (на кит. яз.).
14. Ли Цинъянь. Чжун Мэй лянгуо цзай Афухань дэ хэцзую юй цзинчжэн = Китайско-американское сотрудничество и конкуренция в Афганистане / Ли Цинъянь // Иньдуйя цзинцзи яньцзю = Исследование экономик стран Индийского океана. — 2016. — № 1. — С. 79—92 (на кит. яз.).
15. Ли Юньпэн. Цюаньцзю шицзю ся дэ Афухань иньдуй селвэ юй яньцзюй = Исследование стратегий преодоления проблемы наркотиков в Афганистане в глобальной перспективе / Ли Юньпэн // Юньнань цзингуань сюэюань сюэбао = Журн. Юньнан. полицейского колледжа. — 2022. — № 5. — С. 3—10 (на кит. яз.).
16. Паньдзянь 2008 ниан юэсэ цзиньшу хань дэ дашицзянь = Большое событие 2008 г. в цветной металлургии [Электронный ресурс] // Чжунго юэсэ цзиньшу вань = Китайская газета цветных металлов. — 31.12.2008. — Режим доступа: <<https://www.cnmmn.com.cn/shownews1.aspx?id=9344>>. — Дата доступа: 02.04.2023 (на кит. яз.).
17. Ронг Йинг. Афухань де сюаньчжу хэ Афухань де чонцзянь = Афганские выборы и восстановление Афганистана / Ронг Йинг // Хэпин юй фачжан = Мир и развитие. — 2009. — № 6. — С. 51—55 (на кит. яз.).
18. Сицзиньпин тун Афухань цзунтун Каэрчжайи хуэйтан = Си Цзиньпин проводит переговоры с президентом Афганистана Карзаем [Электронный ресурс] // Чжунго вайцзюбу = Министерство иностранных дел КНР. — 27.09.2013. — Режим доступа: <https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/201309/t20130927_324785.shtml>. — Дата доступа: 06.06.2023 (на кит. яз.).
19. Сян Чэньюй. Дашицзянь: Мэйгуо хэ Афухань энюань 20 нянь = События: 20 лет американо-афганской вражды / Сян Чэньюй [Электронный ресурс] // Чжунго вань = Китайская сеть. — 17.08.2021. — Режим доступа: <http://henan.china.com.cn/m/2021-08/17/content_41647969.html>. — Дата доступа: 28.06.2023 (на кит. яз.).
20. Танцзясюань чжуншэнь ле цзецзюэ Афухань вэньти дэ усян юаньцзэ = Тан Цзясюань вновь говорит о пяти принципах решения афганского вопроса [Электронный ресурс] // Чжунго синьвэнь вань = Китайская новостная сеть. — 13.11.2001. — Режим доступа: <<http://www.chinanews.com.cn/2001-11-13/26/138323.html>>. — Дата доступа: 02.04.2023 (на кит. яз.).
21. Фаанрен цзю Чжунго рухэ туйдун Афухань вэньти чжэньчжи цзецзюэ да цичжэ вэнь = Пресс-секретарь ответил на вопросы журналистов о том, как Китай способствует политическому решению проблемы Афганистана [Электронный ресурс] // Чжунго вайцзюбу = Министерство иностранных дел КНР. — 06.12.2001. — Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/fyrbt_673021/dhdw_673027/200112/t20011206_5423580.shtml>. — Дата доступа: 06.06.2023 (на кит. яз.).
22. Фу Сюоян. Чжунго рухэ иньдуй «хоу чэчжун шидай» де Афухань бяньчжу = Как Китай реагирует на афганские перемены в «эпоху после вывода войск» / Фу Сюоян // Шицзе чжиши = Мировое знание. — 2019. — № 7. — С. 20—21 (на кит. яз.).
23. Фу Юйхун. Афухань чжунцзянь чжун дэ дагуо гуаньси = Структура отношений великих держав в восстановлении Афганистана / Фу Юйхун // Нянь яньцзю = Исследования Южной Азии. — 2015. — № 1. — С. 13—29 (на кит. яз.).
24. Хо Минг. Афухань чунцзянь юй Чжунго дэ чжаньлюэ аньцюань = Восстановление Афганистана и стратегическая безопасность Китая / Хо Минг // Иньдуйя цзинцзи яньцзю = Исследование экономик стран Индийского океана. — 2014. — № 1. — С. 51—62 (на кит. яз.).
25. Хуцзиньтао юй Афухань цзунтун Каэрчжайи цзюсин хуитань = Ху Цзиньтао проводит переговоры с президентом Афганистана Карзаем [Электронный ресурс] // Чжунго гунчандан вань = Сеть КПК. — 19.06.2012. — Режим доступа: <<https://news.12371.cn/2012/06/19/ART1340075019580217.shtml>>. — Дата доступа: 02.04.2023.
26. Чжао Хуашэн. Чжунго юй Афухань-чжунго де лий, личан хэ гуандянь = Китай и Афганистан — интересы, позиция и точка зрения Китая / Чжао Хуашэн // Элуси яньцзю = Русские исследования. — 2012. — № 5. — С. 3—19 (на кит. яз.).
27. Чжунго-Афухань гуаньюй шэньхуа чжанлюэ хуобань гуаньси дэ лянхэ шэнмин (Цюаньвэнь) = Совместное заявление Китая и Афганистана об углублении стратегического партнерства (полный текст) [Электронный ресурс] // Чжунго вайцзюбу = Министерство иностранных дел КНР. — 27.09.2013. — Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676207/1207_676219/201309/t20130927_9284946.shtml>. — Дата доступа: 06.06.2023 (на кит. яз.).
28. Чжунго, Афухань хэ Бажиситан шуци саньбянь дуйхуа цзай бэйцзин цзюсин = В Пекине состоялся первый трехсторонний диалог между Китаем, Афганистаном и Пакистаном [Электронный ресурс] // Чжунго чжэнфу = Правительство КНР. — 01.03.2012. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/jrzq/2012-03/01/content_2079724.htm>. — Дата доступа: 09.04.2023 (на кит. яз.).
29. Чжунго гуоцзя чжуси хуэйцзянь Афухань цзунтун Каэрчжайи = Председатель КНР встретился с президентом Афганистана Хамидом Карзаем [Электронный ресурс] // Чжунго чжэнфу = Правительство КНР. — 19.05.2014. — Режим доступа: <http://www.gov.cn/xinwen/2014-05/19/content_2682278.htm>. — Дата доступа: 01.04.2023 (на кит. яз.).
30. Чжунго пичжун Чжунго-Афухань иньдуй тяюэ = Китай ратифицировал китайско-афганский договор об экстрадиции [Электронный ресурс] // Чжунхуа жэньминь гунхэгуо цюаньго жэньминь дайбао дахуй = Всекитайское собрание народных представителей КНР. — 28.12.2014. — Режим доступа: <<http://www.npc.gov.cn/npc/c213/201412/9da1d9c4a9964ba49acb90dcd16a079f.shtml>>. — Дата доступа: 08.06.2023 (на кит. яз.).
31. Чжунго хэ Афухань дэ шуанбянь гуаньси = Двусторонние отношения между Китаем и Афганистаном [Электронный ресурс] // Чжунго вайцзюбу = Министерство иностранных дел КНР. — 01.2023. — Режим доступа: <http://switzerlandemb.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676207/sbgx_676211/>. — Дата доступа: 02.04.2023 (на кит. яз.).
32. Чжунго хэ Афухань фабао лянхэ шэнмин (Цюаньвэнь) = Китай и Афганистан выпустили совместное заявление (полный текст) [Электронный ресурс] // Чжунго вайцзюбу = Министерство иностранных дел КНР. — 20.06.2006. — Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676207/1207_676219/200606/t20060620_9284944.shtml>. — Дата доступа: 06.06.2023 (на кит. яз.).
33. Чжунго вайцзюбу фаанрен люцзяньчао цзай 6 юэ 10 ри де лисин цзичэхуй шань хуэйда ле юйгуань Чжунго гунчэнши юйси де вэнь ти = Официальный представитель МИД КНР Лю Цзяньчао ответил на вопросы о нападении на китайских инженеров на очередной пресс-конференции 10 июня [Электронный ресурс] // Чжунго вайцзюбу = Министерство иностранных дел КНР. — 11.06.2004. — Режим доступа: <https://www.mfa.gov.cn/zilia0_674904/zl_674979/ywzt_675099/zt004_675921/zggrzaxsj_675949/200406/t20040611_7964641.shtml>. — Дата доступа: 09.04.2023 (на кит. яз.).
34. Чжунхуа жэньминь гунхэгуо хэ Афухань исилань гунхэгуо де лянхэ шэнмин (Цюаньвэнь) = Совместное заявление Китайской Народной Республики и Исламской Республики Афганистан (полный текст) [Электронный ресурс] //

- Чжунго вайцзяобу = Министерство иностранных дел КНР. — 25.03.2010. — Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676207/1207_676219/201003/t20100325_7966248.shtml>. — Дата доступа: 06.06.2023 (на кит. яз.).
35. Чжунхуа жэньминь гунхэгуо чжэнфу юй Афухань исилян гунхэгуо чжэнфу цзинци цзишу хэцзуо сюэдин = Соглашение между правительством Китайской Народной Республики и правительством Исламской Республики Афганистан об экономическом и техническом сотрудничестве [Электронный ресурс] // Чжунхуа жэньминь гунхэгуо чжу Афухань исилян гунхэгуо дашигуань цзинци шангвучу = Экономический и торговый отдел посольства Китайской Народной Республики в Исламской Республике Афганистан. — 05.01.2015. — Режим доступа: <<http://af.mofcom.gov.cn/article/tbbd/201501/20150100856996.shtml>>. — Дата доступа: 08.06.2023 (на кит. яз.).
36. Шанхайхэцзучжи чэньюаньгуо он Афухань исилян гунхэгуо гуаньюй дачжи конгбужуйи, дупинцзуси он тыцзучжифаньцзуй синдун чжихуа = План действий государств — членов Шанхайской организации сотрудничества и Исламской Республики Афганистан по борьбе с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью [Электронный ресурс] // Чжунго вайцзяобу = Министерство иностранных дел КНР. — 27.03.2009. — Режим доступа: <https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/200903/t20090330_301618.shtml>. — Дата доступа: 06.06.2023 (на кит. яз.).
37. Шанхайхэцзучжи чэньюаньгуо хэ Афухань исилян гунхэгуо гуаньюй дачжи конгбужуйи, дупинцзуси хэ юцзучжифаньцзуй де шэнмин = Заявление государств — членов Шанхайской организации сотрудничества и Исламской Республики Афганистан о борьбе с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью [Электронный ресурс] // Чжунго вайцзяобу = Министерство иностранных дел КНР. — 27.03.2009. — Режим доступа: <https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/200903/t20090330_9867875.shtml>. — Дата доступа: 06.06.2023 (на кит. яз.).
38. Шан Хонг. Мэйгуо вэй Абаси тяочжэн синь чжаньлюэ = США корректируют свою новую стратегию для Аббаса / Шан Хонг // Мир и развитие. — 2010. — № 1. — 15—18 (на кит. яз.).
39. Шаньхэ цзучжи чэньвэй шэ Афухань цзиньду гуоцзи хэцзуо чжуньюо пинтай = ШОС становится важной платформой для международного сотрудничества по борьбе с наркотиками в Афганистане [Электронный ресурс] // Чжунго чжэнфу ван = Китайская правительственная сеть. — 26.11.2019. — Режим доступа: <https://www.gov.cn/xinwen/2019-11/26/content_5455914.htm>. — Дата доступа: 28.06.2023 (на кит. яз.).
40. Ян Бейонд. Возможности и вызовы для Китая после вывода войск США из Афганистана / Ян Бейонд // Исследования междунар. отношений. — 2022. — № 1. — С. 54—74 (на кит. яз.).
41. Taylor, R. Top China official visits Afghanistan, signs security deal / R. Taylor [Electronic resource] // REUTERS. — Mode of access: <<https://www.reuters.com/article/idUSBRE88M02C20120923>>. — Date of access: 10.02.2023.

Статья поступила в редакцию 17 апреля 2022 г., доработана в июне 2023 г.

ИССЛЕДОВАНИЕ РОЛИ БССР В ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Андрей Селиванов, Михаил Стрелец

В конце 2021 г. вышла в свет монография доктора исторических наук, профессора кафедры международных отношений Белорусского государственного университета Владимира Евдокимовича Снапковского (Снапковский, В. Е. Белорусская ССР в ООН: отряд советской дипломатии в действии. — Минск: Право и экономика, 2021. — 318 с.). Автор обратился к завершающему периоду Второй мировой войны, когда создавалась всемирная международная организация, и послевоенным десятилетиям, вошедшим в историю международных отношений под коротким названием «холодная война». На фоне развертывания эпохальных событий и процессов мировой истории, победы антигитлеровской коалиции над фашизмом, послевоенного восстановления СССР и последующего превращения страны в сверхдержаву, борьбы и соревнования двух мировых систем автор предлагает внимательно присмотреться к советской внешней политике и дипломатии в ООН. При этом его взгляд сфокусирован на мало исследованной проблеме соотношения республиканской и союзной дипломатии в политике советского федеративного государства.

Несмотря на то, что в белорусской и украинской литературе участие БССР и УССР в ООН получило, казалось бы, достаточно широкое отражение, особенно в советский период, принципиальное понимание специфики и сущности внешнеполитической деятельности этих двух республик в международных организациях затухало изложением малозначительного конкретного материала. Автор пояснил причины методологических искажений советской исторической и международно-правовой науки, касающихся трактовки участия союзных республик во внешнеполитической деятельности Советского Союза.

Подобный подход отмечается и в работах самого автора, в том числе его небольшой, но получившей заслуженное признание книге «Белорусская ССР в ООН (1945—1985 гг.)», изданной в 1985 г. Примечательно, что в постсоветский период В. Е. Снапковский оказался в

числе тех ученых-международников, которые не пожелали «с водой выплеснуть ребенка». Автор во введении обозначил, что в указанный период исследователи смогли значительно обогатить и развить союзно-республиканский подход к внешнеполитической деятельности. Однако, по нашему мнению, автору не удалось объяснить методологию данного подхода. Кроме того, несколько странно выглядит фраза о возможности изучать решения Центра «через призму национально-государственных интересов Союза и республик» (с. 9).

Монография представляет собой серьезный анализ феномена участия союзных республик в общесоюзной внешней политике и дипломатии, который начиная с 1980-х гг. ученый раскрывал в своих трудах (монографиях, учебных пособиях и статьях) как исследовательскую проблему и важный аспект внутренней и внешней политики СССР на многих примерах. В рецензируемой монографии это сделано путем комплексного анализа «участия Белорусской ССР в создании и деятельности ООН на протяжении всей истории взаимоотношений СССР с этой международной организацией: от создания ООН до распада СССР» (с. 7). Заметим, что в белорусской историографии подобного исследования 46-летней истории участия БССР в работе ООН до сих пор не было.

Автор опирается на серьезную источниковую базу, в основе которой лежат архивные материалы Беларуси, Великобритании, Польши, России, Украины. Выделим и широкий круг опубликованных документальных источников. Много важной информации было почерпнуто из трудов белорусских, украинских, российских, польских, англо-американских и французских ученых.

Структурно монография содержит вполне аргументированное введение, четыре главы, построенные по хронологическому принципу, и заключение. Автор осуществил системную реконструкцию формирования внешнеполитической деятельности БССР. Кроме того, в монографии приведены хронология главных

Авторы:

Селиванов Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: selivanych@bsu.by
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ
Стрелец Михаил Васильевич — доктор исторических наук, профессор, e-mail: mstrelez@mail.ru
Брест, БЕЛАРУСЬ

Authors:

Selivanov Andrey — Candidate of History, Associate Professor of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: selivanych@bsu.by
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS
Strelets Mikhail — Doctor of History, Professor, e-mail: mstrelez@mail.ru
Brest, BELARUS

событий в истории ООН и участия БССР в работе организации, список литературы по теме исследования, именной и географический указатели.

Во введении разобраны теоретико-методологический, историко-исследовательский, историографический аспекты исследуемой проблематики. Проявляя высокую исследовательскую культуру, автор весьма обстоятельно показал вклад своих предшественников.

Первая глава посвящена процессу вступления в ООН Белорусской и Украинской ССР. Автор отметил стремление советского руководства решить проблему «множественного представительства» союзных республик на международной арене. Решение данного вопроса И. Сталин начал после того, как «обозначился коренной поворот в ходе Второй мировой войны в пользу антигитлеровской коалиции» (с. 15), решив, что наступил вполне удобный момент для вывода всех 16 союзных республик на международную арену. В первую очередь, речь шла о голосах, как тогда указывалось в советских документах, в Международной организации безопасности, вышедшей в 1945 г. на мировую арену как Организация Объединенных Наций. Автор начинает описание истории процесса вступления БССР в ООН с неудачной попытки Советского Союза с включить «семь западных союзных республик, подвергшихся немецкой оккупации» (с. 20), в создаваемую Комиссию Объединенных Наций по военным преступлениям. Затем последовали решение Центра предоставить союзным республикам внешнеполитические полномочия и его реализация с 27 января 1944 г. (Пленум ЦК ВКП(б) одобрил предложения Совнаркома о расширении прав союзных республик в области обороны и внешних сношений) по 30 марта 1944 г. (К. В. Киселёв назначен наркомом иностранных дел БССР). Советская конституционная реформа вызвала обеспокоенность США и Великобритании. Однако, как отмечает автор, «истинный смысл этого решения американским политикам и дипломатам разгадать не удалось, хотя Болен и Гарриман указывали в своих аналитических документах на такую возможность» (с. 33). В монографии более детально, нежели в ряде других публикаций, рассмотрено «дело X» в рамках конференций в Думбартон-Оксе (21 августа — 7 октября 1944 г.) и Ялте (4—11 февраля 1945 г.). Затем автор рассмотрел вопросы приглашения белорусской делегации на конференцию в Сан-Франциско, а также ее вклад в работу по подготовке Устава ООН. Однако следовало бы дать более подробное описание этой работы для получения большего представления о вкладе белорусских дипломатов в создание Устава организации. Вместе с тем В. Е. Снаповский делает важный вывод о том, что, несмотря на вопросы международного сообщества, связанные с юридическим статусом БССР

и УССР, они «были допущены в ее состав в качестве первоначальных членов, основателей организации» (с. 73).

В последующих главах автор разделяет деятельность БССР в ООН на три хронологических периода: 1946—1970, 1971—1985 и 1985—1991 гг.

Вторая глава начинается описанием деятельности БССР в ООН в 1946—1953 гг., т. е. роли белорусской делегации в русле «сталинской дипломатии». Первая белорусская инициатива в ООН получила отражение в резолюции Генеральной Ассамблеи о выдаче и наказании военных преступников, что стало одним из направлений работы белорусской делегации в организации. Автор утверждает, что работа «делегации БССР в обсуждении проблем обеспечения международной безопасности на форуме наций в этот период» не ограничивалась поддержкой предложений делегаций СССР и критикой позиций западных государств (с. 81). Помимо этого, рассматривается роль белорусской делегации по испанскому и корейскому вопросам, а также «стиль белорусской дипломатии» в организации. Интересным является пример выступления К. В. Киселёва, после которого его на несколько дней отстранили от работы, но руководитель советского государства посчитал речь руководителя белорусской делегации допустимой и «помиловал» его (с. 87).

Отдельно рассматривается деятельность Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций (ЮНРРА) в Белорусской ССР. При этом представлен значительный фактический материал, характеризующий объем и конкретные примеры помощи Беларуси. Вместе с тем автору следовало показать связь между ООН и ЮНРРА: ведь последняя появилась несколькими годами ранее ООН, а закончила свое существование после принятия резолюции Генеральной Ассамблеи.

На страницах 103—116 приведен уникальный материал, посвященный эволюции в рамках организации отношения БССР (т. е. советского руководства) к вопросу беженцев и перемещенных лиц: критика Международной организации по делам беженцев, что привело к ее ликвидации, дискуссии о роли Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев и пр. При этом, по нашему мнению, автор не совсем корректно сформулировал фразу: «По этим причинам СССР, УССР и БССР не подписали Конвенцию о статусе беженцев, принятую 25 июля 1951 г. в Женеве Бельгией, Данией, ФРГ, Францией, Великобританией и другими западными странами, соответственно которой к категории беженцев были отнесены и перемещенные лица» (с. 111). Дело в том, что упомянутый документ кодифицирует понятие «беженец» в международном праве, в нем не идет речь о перемещенных лицах. Далее автор уделяет внимание, безусловно, важной проблеме выдачи военных преступников, связы-

вая два вопроса (беженцев и выдачи военных преступников: речь идет о невозможности предоставления убежища последним). Однако в выводах следовало уделить больше внимания роли белорусской делегации в решении проблемы беженцев в рамках ООН.

Рассматривая универсальный характер ООН, исследователь прослеживает эволюцию отношения «великих держав» к процессу приема новых членов в организацию и анализирует, как кризис с приемом новых членов успешно разрешился в 1955 г., когда в ООН были приняты сразу 16 государств. Естественно, автор касается и новой расстановки сил в ООН, связанной с процессом деколонизации и появлением, главным образом на Африканском континенте и в Азии, новых государств, проблемы представительства Китая в ООН, успешно разрешившейся в 1971 г. Безусловно, все вопросы рассматриваются через призму белорусской дипломатии. Название «За универсальный характер ООН» подразумевает изложение в данной части монографии не только политических вопросов. Следовало бы показать и экономическую составляющую работы организации в рассматриваемый период (тем более, что 1960-е гг. стали первым Десятилетием развития ООН). По-видимому, в понятие универсальности ООН автор не включает экономические аспекты. В выводах подтверждается тезис многих русско- и англоязычных исследователей о том, что «быстрый процесс деколонизации привел к вытеснению тематики Восток—Запад на второй план перед отношениями Север—Юг и формированию нового образа Организации, когда меньшинство западных государств атакывалось большинством остальных членов» (с. 127).

Интересными представляются рассуждения о формировании внешнеполитической деятельности БССР после 1953 г. (смерти И. Сталина). Автор описывает советский внешнеполитический механизм, сложившийся в середине 1950-х гг., формы реализации международной правосубъектности БССР, а также непосредственно систему внешнеполитической деятельности республики, включая внешнеполитическую деятельность органов государственной власти. Деятельность Беларуси в ООН выделена в отдельную часть «Членство БССР в международных организациях», где показано участие республики в структурах организации в 1945—1990 гг.

Роль белорусской дипломатии в рассматриваемый период показана в рамках исследуемых вопросов разрядки и деколонизации. Автор отмечает, что «ослабление конфронтации по линии Восток—Запад и усиление деколонизации привели к институциональным и организационным изменениям внутри ООН» (с. 145), что способствовало принятию первых соглашений по разоружению. Делегация БССР в ООН принимала самое активное участие в

обсуждении процесса деколонизации: встала на «защиту суверенитета народа Индонезии», «поддержала национально-освободительную борьбу алжирского народа за независимость» (с. 151) и т. д.

Касаясь отношения советской дипломатии к международному сотрудничеству, автор рассматривает участие белорусских дипломатов в обсуждении в рамках ООН вопросов социально-экономического развития, прав человека (включая дискуссию по Всеобщей декларации прав человека). Показано также участие БССР в работе специализированных учреждений ООН. По нашему мнению, вопрос деятельности БССР в структурах ООН следовало рассматривать отдельно (с учетом материала п. 2.5). При этом было бы интересно детально исследовать деятельность республики в конкретных специализированных учреждениях, органах и программах ООН. Понятно, что один ученый не может поднять такой колоссальный научный пласт. На этот вопрос следует обратить внимание молодых исследователей, а также порекомендовать научным руководителям студентов, магистрантов и аспирантов активнее обращаться к подобной тематике.

Третья глава касается периода сложного пятнадцатилетия в международных отношениях с 1971 по 1985 г. В этот период белорусская дипломатия добилась важных успехов в рамках решения политических вопросов в ООН: БССР на 1974—1975 гг. была избрана в число непостоянных членов Совета Безопасности ООН, где принимала активное участие в «поисках более прочного и стабильного мира». Автор описывает как процесс избрания в Совет Безопасности, так и деятельность белорусской дипломатии в этом главном органе ООН. В. Е. Снапковский на основании значительного объема архивных материалов, документов, воспоминаний современников и научных публикаций также показывает вклад делегации БССР в разоружение, решение серьезных политических кризисов и ликвидацию колониализма.

В данный период началось активное участие ООН в решение вопросов социально-экономического развития планеты (1970-е гг. стали вторым Десятилетием развития ООН). БССР активно включилась в работу в данном направлении. Так, на «27-й сессии Генеральной Ассамблеи БССР явилась одним из соавторов совместного заявления социалистических стран о содействии развитию равноправного сотрудничества в экономической, торговой и научно-технической областях» (с. 191). Кроме того, показан вклад БССР в вопросы обсуждение проблем прав человека в рамках приоритетов советской дипломатии в области прав человека. Интересно, что автор приводит постановление ЦК КПБ об участии министерств и ведомств в работе ООН в 1976 г., где бело-

русское партийное руководство отмечает как успехи белорусской дипломатии, так и «замечания в адрес руководства МИД БССР и Постоянного представительства БССР при ООН, которые не всегда предъявляли должную требовательность к своим сотрудникам и лицам, командированным на работу в международные организации» (с. 203), что демонстрирует роль партийного руководства внешнеполитической деятельностью.

Значительный объем уникальной информации посвящен белорусскому отряду советской дипломатии. Вместе с тем материал подается несколько несистематизированно, принимая во внимание тему монографии. Так, рассматриваются вопросы «о самостоятельности и зависимости» внешнеполитических структур Украины и Беларуси, существовании «дипломатии БССР», белорусско-польского сотрудничества в 1945—1985 гг. Содержательно выглядит материал о руководящей роли МИД СССР. Безусловно, существенным вкладом в историческую науку являются исследования сотрудничества социалистических стран в рамках ООН и ее специализированных учреждений.

Далее автор показывает активизацию работы белорусских дипломатов в специализированных учреждениях ООН. В первую очередь, речь идет о ЮНЕСКО, Международной организации труда (МОТ), Международном агентстве по атомной энергии (МАГАТЭ) и Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Отмечается, что подобная активизация соответствовала «общему курсу советской дипломатии на более широкое привлечение международных организаций к решению как внутренних, так и внешних задач, стоящих перед страной» (с. 245).

Четвертая глава является самой маленькой по объему (39 страниц), чего, по нашему мнению, недостаточно, чтобы описать все перипетии рассматриваемого периода (при этом она разделена на 6 структурных частей). Произошли значительные перемены внутреннего положения СССР и всей системы международных отношений. Эти изменения были органически связаны с формированием фундаментальных предпосылок для возникновения независимого, суверенного белорусского государства. Автор показывает трансформацию отношения Советского Союза к ООН в рамках изменения внутриполитического курса страны, прагматический курс белорусской стороны в специализированных учреждениях ООН на примере ЮНЕСКО, МОТ, Организации Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО) и МАГАТЭ. В. Е. Снапковский отмечает, что «с 1989 г. БССР концентрировала свои усилия на минимизации последствий чернобыльской аварии, стремясь к получению максимально возможной финансовой, материальной и технологической помощи и поддержки от профильных структур и организаций

системы ООН» (с. 263). Вместе с тем логично было бы рассмотреть изменение взаимоотношений Центра и союзных республик, что оказало влияние и на изменение взаимодействия в рамках внешнеполитического направления, а также перенести в начало главы материалю работе юбилейной 40-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН с описанием дипломатической активности делегации Белорусской ССР.

Показывая дипломатическое сотрудничество стран социалистического блока, автор отмечает, что «в июле 1989 г. в Минске прошло совещание заместителей министров иностранных дел социалистических стран», где были рассмотрены актуальные вопросы подготовки к 44-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Это мероприятие стало «последним координационным совещанием стран социалистического содружества по вопросам подготовки к очередной сессии Генеральной Ассамблеи» (с. 276). В этот период БССР становилась все более самостоятельной в своей деятельности в ООН.

В заключении сформулированы интересные для научного и образовательного сообщества выводы. Автор не только рассматривает хронологические периоды деятельности белорусских дипломатов во всемирной организации, но и показывает основные направления их работы в ООН.

В целом удачно составлена хронология главных событий в истории ООН и участия БССР в работе организации, освещена их основная часть. Однако не нашлось места для рассмотрения специальных сессий Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению (1978, 1982 и 1988 гг.). Не указывается и такой важный факт, как предложение СССР в 1976 г. на сессии Генеральной Ассамблеи подписать Всемирный договор о неприменении силы в международных отношениях, в обсуждении которого активно участвовала делегация БССР. В числе достоинств монографии хотелось бы отметить наличие именного и географического указателей.

Библиография включает два блока: 1) документальные издания; 2) книги и статьи. Автор принимал непосредственное участие в подготовке большинства изданий, составляющих первый блок. Публикации, вошедшие во второй блок, написаны на английском, белорусском, немецком, польском, русском, украинском языках. Автор, владеющий перечисленными языками, активно использовал их в работе над книгой. Это еще один плюс для рецензируемой монографии. Вместе с тем, не указан ряд важных научных трудов, например работы советских дипломатов В. Л. Исраэляна (Исраэлян, В. Л. Организация Объединенных Наций и разоружение. — М.: Междунар. отношения, 1981) и Т. Ф. Дмитричева (Дмитричев, Т. Ф. Американская дипломатия в ООН. — М.: Междунар. отношения, 1977).

Безусловно, ни один автор не может идеально и без ошибок написать свой труд. Для этого и существуют издательства, где любая книга подвергается редактированию и корректуре. К сожалению, в монографии встречается ряд грамматических и стилистических ошибок, а также опечатки, что следует отнести к слабой редакторской и корректорской работе минского издательства «Право и экономика».

В целом книга В. Е. Снапковского представляет собой ценный вклад в современную историографию (белорусскую и зарубежную) внешней политики СССР и внешнеполитической деятельности союзных республик, глубоко проанализированных на примере БССР и в значительной степени УССР, поскольку обе республики решали во многом подобные задачи в ходе подготовки и участия в работе ООН и ее специализированных учреждений. По объему и характеру поставленных проблем, уровню и качеству их решения данное издание отвечает

высоким требованиям, которые историческая наука предъявляет к обобщающим монографическим исследованиям о советской дипломатии в годы «холодной войны», реализуемой ее «белорусским отрядом». Рецензируемая работа — первый в научной литературе синтетический очерк истории деятельности БССР в ООН, написанный в соответствии с авторской концепцией «белорусского отряда советской дипломатии».

Данную монографию, безусловно, можно рекомендовать студентам, которые изучают белорусскую внешнюю политику. По нашему мнению, автор монографии поставил перед молодыми исследователями новые задачи по изучению опыта истории белорусской внешней политики в целом и исследованию деятельности Беларуси в ООН и ее структурах, а также деятельности организации в Беларуси в частности. Подобная работа будет служить делу укрепления современного международного положения нашего государства.

Статья поступила в редакцию 4 апреля 2023 г.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ КИТАЕМ И БЕЛАРУСЬЮ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ (опыт Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень»)

Ху Минцзюнь, Ирина Устинович

В статье оценивается потенциал экономического сотрудничества между Китайской Народной Республикой и Республикой Беларусь в разрезе четырех основных аспектов: международные условия формирования, условия функционирования, направления использования, источники и факторы развития. Рассматриваются условия формирования экономического сотрудничества с позиции сходства и различия экономических систем Китая и Беларуси. Анализируется динамика объема и структуры торговых отношений между двумя странами. На основе анализа данных о деятельности Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» (совместный проект двух государств) за последние пять лет делаются прогнозы развития экономического сотрудничества стран на ближайшие три года. Результаты прогнозирования показывают положительную динамику по экономическим показателям, несмотря на вероятность замедления роста в 2023—2025 гг., обусловленного санкционным давлением и последствиями пандемии коронавируса.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень»; Республика Беларусь; экономическое сотрудничество.

«Economic Cooperation between China and Belarus: Status and Development Prospects (Experience of the Great Stone China-Belarus Industrial Park)» (Hu Mingjun, Irina Ustsinovich)

The article assesses the potential of economic cooperation between China and Belarus in the context of four main aspects: international conditions for formation, conditions for functioning, directions of use, sources and factors of development. The conditions for the economic cooperation formation are assessed from the standpoint of similarities and differences in the economic systems of China and Belarus. Moreover, the article analyses the dynamics of the volume and structure of trade relations between China and Belarus. Based on the analysis of Great Stone China-Belarus Industrial Park data (a joint project of the two governments) over the past five years, forecasts are made for the next three years. The forecast results show a positive trend in terms of indicators, despite the slowdown in growth in 2023—2025, due to the sanctions policy and consequences of the coronavirus epidemics.

Keywords: economic cooperation; Great Stone China-Belarus Industrial Park; People's Republic of China; Republic of Belarus.

В последнее время наблюдается увеличение объема торговли товарами между Китайской Народной Республикой и Республикой Беларусь (согласно данным официальной статистики, объем торговли между Китаем и Беларусью увеличился в 2022 г. на 179 % по сравнению с 2017 г.) [15]. Существенными темпами растут объемы инвестиций китай-

ских государственных предприятий в различные проекты на территории Республики Беларусь.

За 30 лет (1993—2023 гг.) уровень отношений между Китаем и Беларусью четыре раза качественно повышался: дружеские отношения сотрудничества — отношения всестороннего стратегического партнерства — отношения до-

Авторы:

Ху Минцзюнь — аспирант кафедры «Бизнес-администрирование» факультета маркетинга, менеджмента, предпринимательства Белорусского национального технического университета, e-mail: hu.min@bntu.by

Устинович Ирина Валерьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Бизнес-администрирование» факультета маркетинга, менеджмента, предпринимательства Белорусского национального технического университета, e-mail: ustinovich@bntu.by

Белорусский национальный технический университет. Адрес: 65, пр. Независимости, Минск, 220013, БЕЛАРУСЬ

Authors:

Hu Mingjun — post-graduate student of the Department of Business Administration of the Faculty of Marketing, Management, Entrepreneurship of Belarusian National Technical University, e-mail: hu.min@bntu.by

Ustsinovich Irina — Candidate of Economy, Associate Professor of the Department of Business Administration of the Faculty of Marketing, Management, Entrepreneurship of Belarusian National Technical University, e-mail: ustinovich@bntu.by

Belarusian National Technical University. Address: 65, Nezavisimosti ave., Minsk, 220013, BELARUS

верительного всестороннего стратегического партнерства и сотрудничества — отношения «всепогодного» и всестороннего стратегического партнерства [1]. К 2023 г. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко посетил Китай 13 раз и более 10 китайских высокопоставленных лиц посетили Республику Беларусь. Развитие отношений с Китаем является стратегическим направлением внешней политики Беларуси. В 2014 г. был создан Белорусско-китайский комитет правительственного сотрудничества, обе стороны разработали механизм регулярного обмена визитами на высшем уровне для поддержания активного межправительственного диалога [7].

Целью данной статьи является оценка потенциала экономического сотрудничества между Китаем и Беларусью (на примере изучения опыта Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень», далее — индустриальный парк) и выработка мер по дальнейшему его использованию. Оценке характера и уровня сотрудничества между Китаем и Беларусью посвящен ряд научных публикаций [2; 3; 10; 12; 14; 16–18; 20]. В частности, Д. Г. Дубогрызова обосновала, что экономические отношения между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой основаны на взаимной выгоде: китайские товары получили новые рынки сбыта, а Беларусь — инвестиционные возможности и доступ на рынок Китая [2]. Исследование Е. В. Зайцевой посвящено анализу динамики и структуры китайских инвестиций, привлекаемых Республикой Беларусь, а также определению основных направлений развития кредитно-инвестиционного сотрудничества между странами. Среди предложенных ею мер, направленных на расширение привлечения китайских инвестиций, можно отметить инвестиционное таргетирование, внедрение международных стандартов финансовой отчетности, развитие совместных цепочек добавленной стоимости [3]. И. В. Стефанович, проанализировав структуру экспортно-импортных отношений между Беларусью и Китаем, предлагает развивать рынок международных грузоперевозок и более интенсивно привлекать прямые китайские инвестиции для модернизации отечественных организаций [14].

Потенциал экономического сотрудничества отражается в четырех аспектах:

- международные условия формирования — глобализация, интеграция, интернационализация, санкционная политика;
- условия реализации — ресурсное, информационное, организационное и правовое обеспечение;
- направления использования — внешняя торговля, миграция капитала, научно-технический обмен, миграция рабочей силы, валютно-финансовые отношения и др.;

— источники и факторы развития — инвестиционные, технологические, научные, экономические, социальные [14, с. 278–279]. Отличительной особенностью проведенного И. В. Стефанович исследования является использование анализа и прогноза экономического развития на базе индустриального парка для выработки мер по улучшению экономического сотрудничества Китая и Беларуси в целом.

Когда речь заходит об экономическом сотрудничестве Китая и Беларуси, в первую очередь рассматривают условия формирования этой формы. Так, например, помимо существования различий в экономических системах Китая и Беларуси, возникают также разные условия сотрудничества на мировой арене. Китай стал членом Всемирной торговой организации (далее — ВТО) в 2001 г., что позволило ему получить доступ к мировым рынкам, снизить тарифы на товары и участвовать в международных торговых отношениях на более благоприятных для себя условиях. Беларусь не является членом ВТО, что ограничивает ее возможности торговли на мировых рынках и создает препятствия для развития экономического сотрудничества с другими странами, включая Китай. Кроме того, проблемы в экономической развитии, наличие инфляционных рисков в Беларуси могут ограничивать привлечение инвестиций и негативно влиять на расширение международного торгового сотрудничества. Данные проблемы могут отпугивать иностранных инвесторов и делать экономическое взаимодействие с Беларусью менее привлекательным для других стран [10, с. 465].

Как Китай, так и Беларусь нередко подвергаются санкциям со стороны западных стран по различным причинам. Санкции могут негативно влиять на экономику и международное сотрудничество, создавая дополнительные препятствия для экономического развития и поддержания торговых связей с другими странами [5, с. 24]. Тем не менее, экономисты по-прежнему оптимистично оценивают экономическое сотрудничество между Китаем и Беларусью. Следует подчеркнуть, что Шанхайская организация сотрудничества и инициатива «Один пояс, один путь» расширили параметры взаимодействия между двумя странами (политическая поддержка, железнодорожная логистика и другие практики) [6, с. 263; 11, с. 162].

Объем торговли между Китаем и Беларусью в последние годы неуклонно растет (рис. 1). В 2022 г. взаимный объем торговли товарами Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой достиг 5,79 млрд дол. США, увеличившись на 33 % по сравнению с 2021 г. Так, экспорт товаров составил 1,61 млрд, что на 20 % больше, чем в 2021 г., а импорт — 4,18 млрд дол. США. По темпам роста экспорта в Китай Республика Беларусь переместилась со 136-го на 38-е место [13].

Беларусь импортирует из Китая в основном компьютеры для обработки данных, коммуникационное оборудование и детали для автомобилей и тракторов, станки для плетения носков, пряжу из синтетического шелка и другие товары, а экспортирует в Китай в основном капролактамы, калийные удобрения, целлюлозу, молоко и молочные продукты, льносырье [19, р. 69–78].

Индустриальный парк — крупнейший совместный проект Китайской Народной Республики и Республики Беларусь, расширяющий возможности развития экономического сотрудничества между двумя странами. По состоянию на май 2023 г., в индустриальном парке насчитывалось 108 предприятий-резидентов [4].

Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко издан Указ от 12 мая 2017 г. № 166 «О совершенствовании специального правового режима Китайско-Белорусского индустриального парка “Великий камень”» (далее — Указ), направленный на нормативно-правовое обеспечения особых условий, созданных для развития индустриального парка [9]. Указом предусмотрен ряд беспрецедентных для Республики Беларусь льгот, в том числе снижение ставок налогообложения (налоги на недвижимость, доходы физических лиц, добавленную стоимость и т. д.), суммы арендной платы за землю и т. д.

Одной из основных особенностей индустриального парка является то, что его резидентам при осуществлении деятельности в индустриальном парке предоставляется режим наибольшего экономического благоприятствования по сравнению с иными режимами ведения предпринимательской деятельности в Республике Беларусь. Таким образом, в случае принятия в Республике Беларусь нормативных актов, предусматривающих более благоприятные условия для ведения бизнеса, соответствующие положения нормативного документа будут распространяться и на индустриальный парк. Кроме того, индустриальным парком разработаны и введены в действие соответствующие правила и процедуры, в том числе обслуживание по принципу «одного окна» [4]. Вышеуказанные правила обеспечивают ин-

весторам благоприятные условия при осуществлении инвестиционной деятельности в индустриальном парке.

Исследование перспектив развития экономического сотрудничества между Китаем и Беларусью было проведено на основе анализа деятельности индустриального парка с 2018 по 2022 г. Выбранные нами показатели анализа определены в соответствии со стратегией устойчивого развития и объединены в группы экономических, инвестиционных, а также организационных и кадровых величин. На основе данных за последние пять лет для каждого показателя составлена линейная модель, которая будет использоваться для прогнозирования тенденций роста на ближайшие годы.

Экономические показатели:

1) объем промышленной продукции, работ, услуг промышленного характера в фактических ценах (рис. 2). Для его прогноза использована линейная модель $y = 116,38x - 162,42$ ($R^2 = 0,9436$);

2) выручка от продажи продукции, товаров, работ и услуг (рис. 3). Для прогноза общего объема выручки от продажи продукции, товаров, работ и услуг использована линейная модель $y = 170,14x - 241,52$ ($R^2 = 0,906$). Прогноз выручки от продажи продукции, товаров, работ и услуг на территории Беларуси строится на основе линейной модели $y = 105,68x - 147,1$ ($R^2 = 0,8715$), а за ее пределами — $y = 64,46x - 94,42$ ($R^2 = 0,9189$).

Инвестиционные показатели:

1) инвестиции в основной капитал (рис. 4) в общем объеме прогнозируются согласно линейной модели $y = 12,56x + 72,52$ ($R^2 = 0,6138$), а иностранные источники финансирования — $y = 6,37x + 61,71$ ($R^2 = 0,3483$);

2) объем прямых инвестиций, полученных от иностранных инвесторов (рис. 5), прогнозируется согласно линейной модели $y = -17,76x + 112,3$ ($R^2 = 0,5612$).

Организационные и кадровые показатели:

1) номинальная начисленная средняя заработная плата работников (рис. 6);

2) количество работников (рис. 7) прогнозируется согласно линейной модели $y = 491,6x - 268,6$ ($R^2 = 0,9815$);

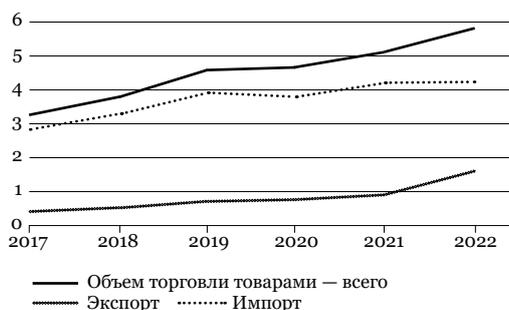

Рис. 1. Объем торговли товарами Беларусью с Китаем, млрд дол. США

Источники: собственная разработка на основе [15].

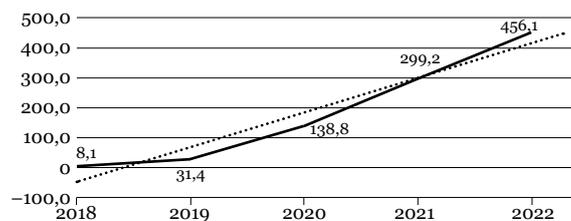

Рис. 2. Объем промышленной продукции, работ, услуг промышленного характера, в фактических ценах, млн руб.

И с т о ч н и к: собственная разработка на основе [8].

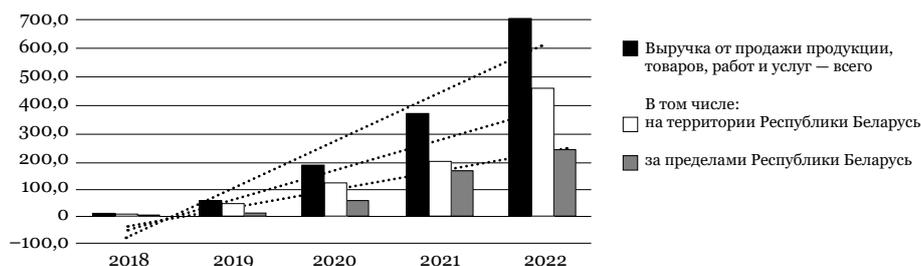

Рис. 3. Выручка от продажи продукции, товаров, работ и услуг, млн руб.

И с т о ч н и к: собственная разработка на основе [8].

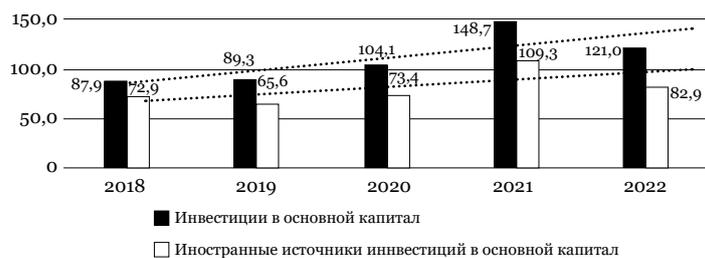

Рис. 4. Инвестиции в основной капитал, млн руб.

И с т о ч н и к: собственная разработка на основе [8].

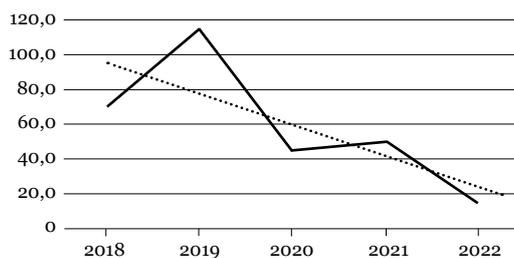

Рис. 5. Объем прямых инвестиций, полученных от иностранных инвесторов, млн дол. США

И с т о ч н и к: собственная разработка на основе [8].

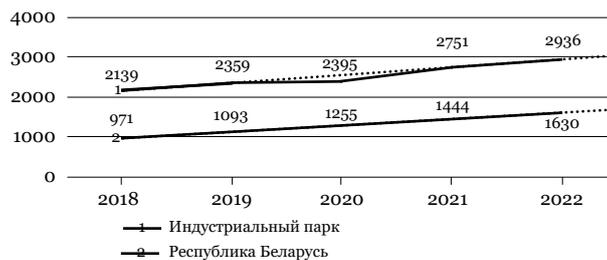

Рис. 6. Номинальная начисленная средняя заработная плата работников, руб.

И с т о ч н и к: собственная разработка на основе [8].

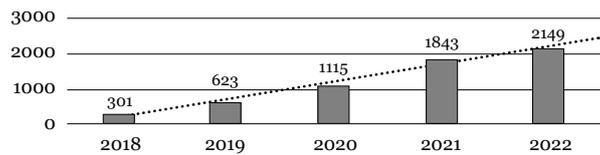

Рис. 7. Количество работников в парке, чел.

И с т о ч н и к: собственная разработка на основе [8].

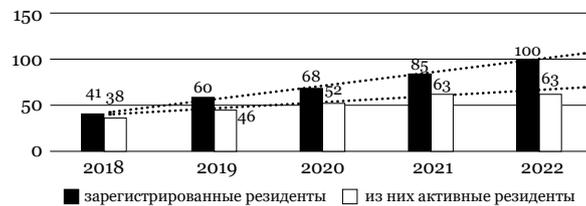

Рис. 8. Количество зарегистрированных резидентов, ед.

И с т о ч н и к: собственная разработка на основе [8].

3) количество зарегистрированных резидентов (рис. 8) в общем объеме прогнозируется согласно линейной модели $y = 14,3x + 27,9$ ($R^2 = 0,9894$), а активных резидентов — $y = 6,7x + 32,3$ ($R^2 = 0,9486$).

Как показано на рис. 2, объем промышленной продукции, работ, услуг промышленного характера в фактических ценах демонстрирует устойчивую тенденцию к росту по годам с наклоном 116,38 для его линейной модели, а общий объем импорта и экспорта значительно увеличивается: с 52,4 и 27,8 млн дол. США в 2018 г. до 168,4 и 122,3 млн дол. США в 2022 г. соответственно.

Наклон линейной модели выручки от продажи продукции, товаров, работ и услуг (рис. 3) равен 170,14. Однако исходя из линейной модели, составленной на основе данных внутри Беларуси и за ее пределами, рост выручки от продаж за пределами Беларуси меньше, чем внутри Беларуси (наклон $64,46 < 105,68$). Из этого следует, что белорусский рынок все еще имеет огромный потенциал продаж и является хорошим рынком сбыта для индустриального парка.

Линейная модель на рис. 4 показывает, что за последние пять лет основной капитал рос гораздо меньшими темпами, чем другие экономические показатели. В частности, линейная модель для иностранных источников инвестиций в основной капитал показывает относительно ровную тенденцию с наклоном линейной модели, равным 6,37.

На рис. 5 объем прямых инвестиций, полученных от иностранных инвесторов, показывает тенденцию к снижению с наклоном $-17,76$, что связано с влиянием пандемии COVID-19 и текущей политической нестабильности. В итоге это отражается на снижении привлекательности индустриального парка для инвесторов. Решением проблемы является выработка мер по повышению уровня доверия инвесторов к развитию индустриального парка.

Данные по индустриальному парку и Беларуси в целом сравнивались по номинальной средней начисленной заработной плате работников с помощью уравнений линейных моделей $y = 198,56x + 1920,3$ ($R^2 = 0,9549$) и $y = 166,77x + 778,27$ ($R^2 = 0,9931$) соответственно (рис. 6). Средняя номинальная заработная плата в индустриальном парке уже в 2018 г. составила 2139 руб., такого уровня не было достигнуто в Республике Беларусь в 2022 г. Кроме того, рост заработной платы в индустриальном парке происходил быстрее, чем в среднем по Республике Беларусь во все годы, кроме 2020 г. Номинальная начисленная средняя заработная плата работников Республики Беларусь растет устойчивыми, но не быстрыми темпами ($R^2 = 0,9931$).

Высокий рост численности рабочей силы в индустриальном парке с 301 человека в 2018 г. до 2149 человек в 2022 г. является результатом увеличения количества предприятий и расширения производства уже существующих (рис. 7). Исходя из уравнения линейной модели ($y = 491,6x - 268,6$) можно с большой уверенностью говорить о быстром росте численности рабочей силы в индустриальном парке.

В настоящее время в индустриальном парке насчитывается 100 предприятий-резидентов (рис. 8). Некоторые предприятия в свете текущих изменений в политической ситуации по-прежнему занимают выжидательную позицию в отношении перспектив развития индустриального парка и белорусского рынка.

На основе построенных линейных моделей (см. рис. 2—8) нами прогнозируются данные по соответствующим показателям индустриального парка на 2023—2025 гг. (см. таблицу). Стоит отметить, что прогнозы этих показателей основаны на данных за последние пять лет и не учитывают влияние других факторов.

**Прогнозные значения соответствующих показателей на 2023—2025 гг.
в отношении развития индустриального парка**

Показатель				Темпы роста, %	
	2023	2024	2025	2024 к 2023	2025 к 2024
Объем промышленной продукции, работ, услуг промышленного характера, в фактических ценах, млн руб.	535,86	652,24	768,62	121,7	117,8
Объем импорта товаров, млн дол. США	191,39	221,60	251,81	115,8	113,6
Объем экспорта товаров, млн дол. США	142,99	167,84	193,69	117,4	115,4
Выручка от продажи продукции, товаров, работ и услуг, млн руб. — всего	779,42	949,56	1119,70	121,8	117,9
В том числе: на территории Республики Беларусь	487,08	592,76	698,44	121,7	117,8
за пределами Республики Беларусь	292,34	356,80	421,26	122,0	118,1
Инвестиции в основной капитал, млн. руб.	147,88	160,44	173,00	108,5	107,8
Иностранные источники инвестиций в основной капитал, млн руб.	99,93	106,30	112,67	106,4	106,0
Количество зарегистрированных резидентов, ед. — всего	114,00	128,00	143,00	112,3	111,7
Из них активных	72,00	79,00	86,00	109,7	108,9
Количество работников, чел.	2681,00	3173,00	3664,00	118,4	115,5
Номинальная начисленная средняя заработная плата работников в парке, руб.	3112,00	3310,00	3509,00	106,4	106,0

И с т о ч н и к: собственная разработка на основе [8].

Результаты прогнозирования демонстрируют ряд негативных тенденций в развитии индустриального парка на ближайшую перспективу. Их преодоление, по нашему мнению, возможно за счет интенсификации научно-технического сотрудничества между партнерами из обеих стран.

Научно-техническое сотрудничество является важной частью китайско-белорусского торгово-экономического партнерства, включая взаимодействие предприятий двух стран в области микроэлектроники, машиностроения, биотехнологий, новых материалов, информационных, оптических, химических и сельскохозяйственных технологий, альтернативной энергетики [17]. При этом следует отметить, что индустриальный парк в основном развивает машиностроение, электронную коммерцию и информацию, биомедицину, химию, новые материалы, складирование и логистику, а также социальную и культурную сферы [8]. Это соответствует целям развития экономического сотрудничества между двумя странами и тенденциям глобализации.

Углубление экономического сотрудничества Китая и Беларуси требует совместных усилий обеих сторон. Во-первых, стороны могут расширить масштаб торговли путем снижения тамо-

женных пошлин на импорт товаров из другой страны, а также расширения сферы сотрудничества. Во-вторых, необходимо повысить доверие и открытость между Китаем и Беларусью. Китай может увеличить инвестиции в Беларусь и предоставить передовые технологии для укрепления экономических связей двух стран. Беларусь может предоставить налоговые льготы, страхование инвестиций и другие меры для привлечения китайских предприятий на белорусский рынок. В-третьих, Китай и Беларусь могут пересмотреть риски, с которыми сталкивается индустриальный парк, и направления его развития для обеспечения стабильной инвестиционной среды.

Кроме того, Республике Беларусь необходимо оказывать политическую поддержку, улучшать правовую безопасность и обеспечивать охрану интеллектуальной собственности в целях создания лучшей инвестиционной среды для иностранных предприятий.

В свою очередь Китай должен улучшить систему оценки рисков и управление иностранными инвестициями, разумно выбирать области и способы инвестирования, снижать инвестиционный риск, гарантировать соблюдение законных прав и интересов предприятий и безопасность инвестиций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гришкевич, А. Се Сяюн: о встрече в верхах в Самарканде, подъеме шанхайского духа и новом статусе Беларуси: [интервью] / А. Гришкевич [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — 22.09.2022. — Режим доступа: <<https://www.belta.by/interview/view/se-sjaojun-o-vstreche-v-verhah-v-samarkande-podjeme-shanhajskogo-duha-i-novom-statuse-belarusi-8365/>>. — Дата доступа: 30.03.2023.
2. Дубогрызова, Д. Г. Основные направления сотрудничества КНР и Беларуси / Д. Г. Дубогрызова // Постсоветские исследования. — 2020. — Т. 3, № 8. — С. 694–707. (<https://doi.org/10.24412/2618-7426-2020-8-694-707>)
3. Зайцева, Е. В. Сотрудничество Республики Беларусь и КНР в инвестиционной сфере / Е. Зайцева // Банкаўскі веснік. — 2019. — № 8 (673). — С. 36–44.
4. Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <<https://industrialpark.by/>>. — Дата доступа: 30.05.2023.
5. Маланичева, Н. В. Внешняя торговля Республики Беларусь в условиях санкций / Н. В. Маланичева, А. Т. Душебаева // Образование и право. — 2021. — № 9. — С. 23–29. (<https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-9-23-29>).
6. Мокрецкий, А. Ч. «Экономический пояс Шелкового пути» как механизм экономической геополитики Китая в постсоветских странах / А. Ч. Мокрецкий // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. 22. — М.: ИДВ РАН, 2017. — С. 257–273. (<https://doi.org/10.24411/9785-0324-2017-00017>)
7. О политических отношениях Беларуси и Китая [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике. — Режим доступа: <<https://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/political/>>. — Дата доступа: 30.03.2023.
8. Основные показатели деятельности резидентов Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/statistika-malykh-territoriy/osobyie-ekonomicheskie-zony/godovye-dannye/osnovnye-pokazateli-deyatelnosti-rezidentov-kitaysko-belorusskogo-industrialnogo-parka-velikiy-kamen/>>. — Дата доступа: 30.03.2023.
9. О совершенствовании специального правового режима Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень»: Указ Президента Респ. Беларусь от 12 мая 2017 г. № 166 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://pravo.by/document/?guid=12551&po=P31700166&r1=1&r5=0>>. — Дата доступа: 30.03.2023.
10. Пэй Чао. Проблемы и перспективы деятельности Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» / Пэй Чао, Т. Ю. Гораева // Тенденции экономического развития в XXI веке: материалы II Междунар. науч. конф., Минск, 28 февр. 2020 г. — Минск: БГУ, 2020. — С. 463–465.
11. Рубо, О. П. Интересы и перспективы участия Республики Беларусь в Шанхайской организации сотрудничества в качестве полноправного члена / О. П. Рубо // Постсоветские исследования. — 2023. — Т. 6, № 2. — С. 160–168.
12. Состояние, тенденции и перспективы развития белорусско-китайского сотрудничества в условиях усиления протекционизма в системе международных отношений / В. И. Бельский [и др.] // Журн. Белорус. гос. ун-та. Экономика. — 2019. — № 1. — С. 58–67.
13. Сотрудничество с Поднебесной в новую эпоху. Итоги и особенности госвизита Лукашенко в Китай [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — 02.03.2023. — Режим доступа: <<https://www.belta.by/president/view/sotrudnichestvo-s-podnebesnoj-v-novuju-epohu-itogi-i-osobennosti-gosvizita-lukashenko-v-kitaj-553352-2023/>>. — Дата доступа: 30.03.2023.
14. Стефанович, И. В. Потенциал торгово-экономического сотрудничества между КНР и Республикой Беларусь: оценка и развитие / И. В. Стефанович // Беларусь в современном мире: материалы XVIII Междунар. науч. конф., посвящ. 98-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 30 окт. 2019 г. — Минск: БГУ, 2019. — С. 277–282.
15. Торгово-экономическое сотрудничество [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике. — Режим доступа: <<https://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/trade/>>. — Дата доступа: 30.03.2023.
16. Филиппова, А. В. Торгово-экономическое сотрудничество Беларуси и Китая: состояние и перспективы / А. В. Филиппова // Экономика, моделирование, прогнозирование: сб. науч. тр. Вып. 13. — Минск: НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь, 2019. — С. 66–72.
17. Чэнь Лиюань. Развитие торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Беларусью и основные вызовы, с которыми оно сталкивается / Чэнь Лиюань // Тенденции экономического развития в XXI веке: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1 марта 2022 г. — Минск: БГУ, 2022. — С. 124–128.
18. Шелег, Н. Экономическое и торговое сотрудничество между Китаем и Беларусью в контексте инициативы «Один пояс и один путь» / Н. Шелег, Лю Минцзин // Общество и экономика. — 2023. — № 5. — С. 55–59. (<https://doi.org/10.31857/S020736760025546-9>)
19. World Trade Statistical Review 2022. — Geneva: WTO, 2022. — 134 p. [Electronic resource] // World Trade Organization. — Mode of access: <https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/wtsr_2022_e.pdf>. — Date of access: 30.03.2023.
20. Zong Huajin. Research of economic and trade cooperation between China and Belarus / Zong Huajin, A. A. Kogan // Тенденции экономического развития в XXI веке: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1 марта 2022 г. — Минск: БГУ, 2022. — С. 384–386.

Статья поступила в редакцию 13 мая 2023 г., доработана в июне 2023 г.

Памятка авторам статей для подачи в редакцию «Журнала международного права и международных отношений»

«Журнал международного права и международных отношений» является научным изданием с периодичностью выпуска 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим, историческим и экономическим наукам.

Журнал ориентирован на профессорско-преподавательский состав университетов, научных сотрудников, специалистов-практиков, аспирантов, магистрантов и студентов учреждений высшего образования, работающих в области международных отношений и международного права.

Все научные статьи проходят обязательное двойное «слепое» рецензирование. С 2019 г. фамилии рецензентов не публикуются в журнале.

Автор, желающий опубликовать статью в журнале, должен представить в редакцию:

— статью объемом около 10 печатных страниц текста (с учетом списка литературы) (формат страницы — А4, шрифт 12 пт (для компьютера), поля — по 2,5 см с каждой стороны, расстояние между строками — 1,5 интервала). При оформлении статьи автор должен пользоваться **Инструкцией о порядке оформления квалификационной научной работы (диссертации) на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, автореферата и публикаций по теме диссертации;**

— резюме (краткое содержание) статьи на русском/белорусском языке объемом до 0,5 страницы с аналогичными параметрами (резюме статьи будет переводиться на английский язык. Автор может приложить резюме, уже переведенное на английский язык (обязательно с русским/белорусским вариантом));

— выписку из протокола заседания кафедры (научного отдела или другой подобной структуры) о рекомендации статьи к печати;

— заполненную анкету (форма выдается в редакции).

Исключения возможны по решению редакционного совета.

Обращаем внимание авторов, что они несут ответственность за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями.

Кроме того, в журнале предоставляется возможность первоочередного опубликования статей, представленных лицами, осуществляющими послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство) в год завершения обучения.

В журнале не взимается плата за опубликование научных статей.

Научное издание

ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 2023 № 2 (105) апрель—июнь

Подписано в печать 27.07.2023 г. Выход в свет в августе 2023 г.

Формат 60x84¹/₈. Гарнитура Georgia.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 7,32. Тираж 40 экз. Заказ № 933Ц.

Отпечатано с готового оригинала-макета заказчика в ООО «Типография НьюГрафикс».

ЛП № 02330/483 от 19.04.2017 г.

220014, г. Минск, пер. С. Ковалевской, 52а, тел.: +375 29 684 63 33

Распространяется бесплатно